

Н О В О С Т И
ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАНИЯ

А. Воейковымъ и В. Козловымъ.

КНИЖКА VI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1 8 2 3.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы до выпуска изъ Типографіи были
представлены въ Цензурный Комитетъ семь экзем-
пляровъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуешь.

С. Пешербургъ, Января 22-го дня, 1824-го года.

Цензоръ А. Бируковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

шестой книжки.

ПРОЗА.

	№.	Стр.
Два письма изъ Зальцбурга	XL.	1.
	{ XLI.	17.
Романъ въ Романъ	{ XLII.	33.
	{ XLIII.	49.
Отрывки изъ моихъ записокъ. (Продолженіе.)	{ XLI.	25.
	{ XLIII.	56.
Литпературный разговоръ Наполеона	XLIV.	65.
	{ XLV. 8г. (*)	
Взглядъ въ челоѡчское сердце	{ XLVI.	95.
	{ XLVII.	113.
	{ XLVIII.	129.
Арфа. <i>Истинное происшествіе</i>	XLIX.	145.
	{ —	152.
Выписка изъ пушешественнаго Журнала Г. Штур- мана <i>Василева</i>	L.	161.
	{ LI.	177.
	{ LII.	193.

(*) Въ №. 45 и 46-мъ страницы ошибочно перемѣнены; но въ оглавленіи ошибка сія исправлена.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	№.	Стр.
Басни. 13. <i>Исторія порока</i>	}	XL.
14. <i>Курица и утята</i>		
15. <i>Павлинъ</i>		
Хлоѣ	—	14.
Къ выпущенной пшичкѣ	—	15.
Къ воспоминаніямъ	—	—
Н. И. <i>Глѣбдису</i>	XLI.	29.
Лунное зашѣніе на оспровѣ Гаиши	XLII.	39.
Къ <i>Глѣбову</i>	—	43.
Къ А * *	—	45.
Романсъ	—	47.
Знакомой	XLIII.	59.
Молодой пѣвецъ	—	61.
Элегія	—	62.
А. А. К.	—	—
Часовня. <i>Элегія</i>	XLIV.	76.
Сонъ Людмила	—	79.
Къ 19-пи-лѣтней Альбіонянкѣ	—	80.
Памяшь о Божіихъ словахъ, ...	XLV.	99 ⁵ .
Пѣснь Барда во время владычества Ташаръ въ Россіи	XLVI.	110.
Возвращеніе на родину	XLVII.	126.
Пѣсня	XLVIII.	143.
Элегія	—	144.
Къ Элизѣ	XVIX.	159.
Опрывокъ изъ Трагедіи: <i>Федра</i>	L.	169.
Геній-Хранишель	—	175.
Пѣснь Іудеиы	LI.	186.
Баянъ. (Опрывокъ изъ большой Поэмы.)	—	188.
Въ памяшь бересша	LII.	201.
Къ N. N.	—	204.
Пѣснь Баяна	—	207.
Советъ	—	208.

Н О В О С Т И
Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XL.

П Р О З А.

Два писма изъ Зальцбурга.

(Изъ Н. Friedländer's Ansichten von Italien.)

I.

Вчера вечеромъ, любезный другъ, прибылъ я въ здѣшній городъ и прямо изъ коляски вошелъ въ *Лодку*; ибо такъ называется гостинница, въ кошорой я оспановился. До ужина было еще долго и, чщобы убишь время, ошправился я въ Театръ. Миѣ не сполько хошѣлось видѣшь спектакль, какъ здѣшнюю Публику. Но желаніе мое не исполнилось; ибо хошя, по причинѣ шоржественнаго дня, и было объявлено, что Театръ будешъ освѣщенъ, но я нашель освѣщеніе сіе весьма скуднымъ и никого не могъ распознашь. Играли *Иффландову* Комедію: *Художники*; но такъ неискусно, такъ ушомишельно, что я, убоясь Наркошической силы сего представленія, поспѣшилъ возвращишья въ свою гостинницу.

Здѣсь ожидало меня гораздо пріятнѣйшее явленіе. Вокругъ сышнаго сшоло собралось уже веселое общество, между коимъ нашель я много знакомыхъ.

Ученые Академики изъ Мюнхена, любезные путешественники изъ Вѣны и Художники совсѣмъ другаго рода, нежели шѣ, коихъ видѣлъ я предъ симъ въ Театрѣ, привѣтствовали меня при входѣ моемъ въ словую. Въ семъ числѣ находились: Ваятель *Эбергартъ* изъ Рима, Живописцы *Квальо* младшій изъ Мюнхена и *Оливье* изъ Вѣны. Главнымъ предметомъ разговора было важное открытіе Римско-Мозаическаго пола, здѣланное въ окрестностяхъ здѣшняго города. Надъ очищеніемъ онаго шрудятся съ великою дѣятельностію и мы вскорѣ увидимъ возрожденіе Зальцбургской Помпеи. Имѣй терпѣніе, любезный другъ, и шы все узнаешь; но прежде всего дай мнѣ ошдохнуть, дабы приготошвиться къ прекраснѣйшему дню, меня ожидавшему.

Едва ли разцвѣшало когда-либо въ Природѣ столь ясное и свѣжее утро, каково было нынѣшнее. По здѣланному вчера еще условію, вышли мы рано изъ города, съ пріятелемъ моимъ *Оливье*. Прежде всего ошправились мы на гору, называемую *Монашескою* (*Mönchsberg*). Это огромный ушесъ, коего вершина угнчана густымъ и вѣшвистымъ лѣсомъ. *Монашеская гора* лежишь къ Сѣверо-Востоку ошъ города и, какъ кажешся, владычествуетъ надъ онымъ. Внизу простираешся долина, а посреди оной привлекаешъ наши взоры городъ Зальцбургъ, съ своими зданіями въ Италіянскомъ вкусѣ, съ куполами и плоскими кровлями. Рѣка Зальцахъ извиваешся вокругъ его. — Съ другой стороны видимъ мы *Капуцинскую гору* (*Capucinerberg*). На лѣсистой вершинѣ оной проглядываешъ живописный монашшрь. Еще далѣе видна

Козья гора (Geißberg), примыкающая къ первой и наконецъ — шакъ называемая *Нижняя гора* (Unterberg), гордая, важная и величественная. Между сими высохами просширающіяся зеленѣющія долины, украшенныя веселыми селеніями. Позади всего возносящіяся Альпы. Вершины ихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, на ослѣпительной бѣлизнѣ коего отражается лучезарное сіяніе солнца; между шѣмъ какъ средина опоясана шемными шучами, никогда не проходящими. Въ безмолвіи углубились мы въ сіе разнообразное и величественное зрѣлище, которое не могло насыпить ни глазъ нашихъ, ни сердца. Звуки свирѣлей, раздавашіеся издали, перемежно возбуждали въ насъ шохое уныніе, шох сладостное чувство бышія. — *Оливье*, который взялъ съ собою все нужное для рисованья, показалъ мнѣ прекраснѣйшее мѣстоположеніе и расположился снять оное. Я наслаждался еще нѣсколько минушъ симъ единшвеннымъ зрѣлищемъ; а пошомъ спустился въ долину и, мало по малу, приближился къ городу.

Зальцбургъ имѣешь какой-шо особливый, важно-пріяшній характеръ, въ полной мѣрѣ сошвѣшшвующій Природѣ, его окружающей. Здѣсь нѣшъ недосшашка въ пышныхъ зданіяхъ. Особливо церкви, пошпроенныя по большей часши въ Ново-Ишалянскомъ вкусь, опшличаются изящешвомъ своей Архитектуры. Также и внушреннія украшения оныхъ ознаменованы шпрогимъ вкусомъ. Повсюду возвышаются величешвенныя куполы; повсюду видны колонны изъ прекраснаго мрамора, добываемаго въ окрешносшяхъ. Все вышесказанное можно преимущешвенно опшнести

къ Соборной церкви. Огромное сіе зданіе благородно, величественно и въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ высокому своему назначенію. — Улицы вообще широки; а красивые водомешы, находящіеся посреди обширныхъ площадей, шумящъ и плещущъ, дѣйствуютъ на воображеніе и погружаютъ проходящаго въ нѣкоторую пріятную задумчивость. Почти всѣ города Южной Германіи и Швейцаріи украшены фоншанами. Ничто, по моему мнѣнію, не оживляетъ лучше нѣмья громады зданій; ничто такъ не развеселяетъ Природу, въ тихіе часы вечера и въ безмолвную ночь! Какъ жаль, что въ Сѣверныхъ городахъ нашихъ все не находишь сихъ водомешовъ! Здѣсь-то, кажется, собственное ихъ мѣсто; здѣсь-то они необходимы, дабы нѣсколько оживить помное единообразіе длинныхъ улицъ, необозримыхъ площадей и даже меланхолическую тишину уединенныхъ садовъ. Для меня, по крайней мѣрѣ, зрѣлище сіе было всегда восхищительнымъ. Оно переноситъ меня въ Пашриархальныя времена, когда сонмы сельскихъ дѣвицъ собирались вокругъ колодезей и наполняли свои ведра, при веселыхъ разговорахъ и разсказахъ. Сіе шѣмъ живѣе предсавляется моему воображенію, когда я вижу шолпы служанокъ, кои приходятъ сюда за водою, повѣряютъ другъ другу свой образъ жизни, свои удовольствія и досады и нерѣдко высказываютъ маленькія шайны своихъ госпожъ и хозяекъ. — Другой родъ украшеній, весьма обыкновенныхъ какъ въ Зальцбургѣ, такъ и въ другихъ городахъ Южной Германіи, суть живописныя изображенія, видимыя на большей части домовъ. Обычай сей существуетъ также въ Италіи,

гдѣ нерѣдко встрѣчающся на домахъ очень хорошія каршины. Предметы оныхъ взяты по большей части изъ Священной Исторіи. Сей переходъ Искусства въ гражданское общежитіе имѣешь конечно свою цѣль и пользу: воспоминаніе изображенныхъ предметовъ бываешь нерѣдко поучительнымъ примѣромъ.

Многіе сравнивали Зальцбургъ, относительно къ Архитектурѣ, съ Неаполемъ. Дѣйствительно, сходство сіе довольно ощутительно и многія обстоятельства содѣйствуютъ къ умноженію онаго. Мы уже говорили о новой Помпеи, только что открытой. Но *Паузилиппа* давно уже существуетъ въ окрестностяхъ Зальцбурга. Представьте себѣ подземный ходъ, просѣченный сквозь такъ называемую *Монашескую гору*: оный имѣешь въ длину 415, въ ширину 22, а въ вышину 39 фузовъ. Ходъ сей, по имени строителя своего, называется: *Сигмундовы ворота*. Сей *Сигмундъ* былъ Архіепископъ Шрапенбахскій. Со стороны, обращенной къ городу, виденъ надъ воротами бюстъ его, изъ бѣлаго мрамора и съ прекрасною надписью: *Te Saxa loquuntur!* — Не подалеку отсюда находишь великолѣпное зданіе, называемое *Льтнимъ Манежемъ*. Три ряда ложъ высѣчены въ ушесѣ *Монашеской горы* съ испинно-Римскою смѣлостію. Оный оспаешся теперь безъ всякаго упошребленія, равно какъ зимній Манежъ и богатыя Придворныя конюшни, въ коихъ мраморныя сшойла съ металловыми украшеніями казалось бы досшойными коней Фебовыхъ. — Вообще всѣ зданія, принадлежавшія Князьямъ-Архіепископамъ

Зальцбургскимъ, шеперь совершенно пусты или употреблены для какого-либо другаго назначенія.

Посль обѣда пошелъ я осматривать новооткрытыя древности. Въ одномъ селеніи, разстояніемъ около мили отъ города, огораживалъ крестьянинъ свое поле и вбивая коль, попалъ на что-то швердое. При очищеніи земли, нашли древнія каршины. Начали копать глубже и — Римскій Мозаическій полъ рѣдкой красоты представилъ взорамъ. Здѣсь, въ чешырехъ каршинахъ, представлена Исторія *Ариадны* и *Тезея*. На одной изображена сія Принцесса, дающая клубокъ любезному своему Герою; на другой — сраженіе его съ Миношавромъ; на шрешней — опплышіе его въ море; чешвершая наконецъ представляешь оставленную Ариадну, задумчиво споящую на ушесъ. Недоспашеть только пятой каршины, върояшно изображавшей бракосочетаніе ея съ Бахусомъ. Фигуры вообще хорошо рисованы; краски свѣжи, а вся Мозаика имѣеть видъ прелесшнаго ковра, окруженнаго по краямъ приличными украшеніями, шщательно и со вкусомъ ошдѣланными. Если сей полъ служилъ для пріемной комнаты; шо два другіе, подлѣ онаго вырышые, были конечно назначены для внутреннихъ покоевъ. Оныя гораздо прешше, грубѣйшаго состава и представляють черные рисунки по бѣлому полю. Впрочемъ одна изъ сихъ Мозаика ошличаешь красотою ошдѣлки: оная устьяна полумѣсяцами, изображенными одинъ подлѣ другаго.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи нашли подъ сими Мозаиками оспашки каменныхъ лѣстницъ, объ истинномъ назначеніи коихъ можно шолько догадывашься.

Симъ ограничивались, на эшошь разъ, всѣ открышія; но должно полагашь, что здѣшняя земля заключаешь въ нѣдрахъ своихъ еще множесство любопысныхъ предмешовъ.

Думаюшь, что древности сіи сущь остатки города *Ювавіи* или *Гельфенбурга*, построенаго нѣкогда въ сихъ спранахъ Римлянами. По крайней мѣрѣ ушверждаюшь, что во времена *Августа* находилась здѣсь крѣпость, на шакъ называемой горѣ *Монахинь* (*Nonnenberg*), но не шамъ, гдѣ лежишь нынѣшній *Гоэнзальцбургъ* (цишадель города). — Въ Царствованіе *Адриана*, независимо ошь сей крѣпости, построень былъ городъ, кошорый, кромѣ *Ювавіи*, носиль еще имя: *Urbs Hadriana*. Въ 5-мъ столѣшій, когда *Гунны* и *Готы* дѣлали набѣги на *Норику*, *Аттила* раззориль большую часть сего города, дошолѣ цѣвшущаго. Да и шо, что пощажено его рукою, разрушили, вскорѣ пошомъ, полчища *Одокара*. Одна ночь была имъ досшашочна, дабы все испребишь до основанія. Такимъ образомъ исчезла *Ювавія* съ лица земли: самое мѣсто ея поросло шростникомъ и покрылось шстоячею водою. По сему-шо, въ позднѣйшія времена, и называли спрану сію — *высокимъ болотомъ*. — Но спрашиваешься: открышыя нынѣ *Мозаики* сущь ли подлинно остатки сего разрушеннаго города? Кшо можешь рѣшишь подобный вопросъ? Я съ своей спороны полагаю, что здѣсь, посреди великолѣпнаго амфитеатра горъ и на самой дорогѣ въ *Ишалію*, находилъся загородный домъ какогонибудь богашаго владѣльца.

Дабы обезпечить сію прекрасную находку ошъ вліяній погоды, поспроили надъ оною нѣкошорый родъ шалаша. Когда я вышелъ ошсюда, послѣ шщашельнаго осмошрѣнія и многихъ разговоровъ съ своимъ шоварищемъ; шо вся окрешиношъ предшавилась намъ въ Магическомъ сіяніи сумрака. Мы посѣщили въ ближнюю деревню, гдѣ ожидали насъ — чай и одно любезное семейштво, пріѣхавшее шуда изъ Зальцбурга. Величешвенная *Нижняя гора* находилась предъ нами; шолпа дѣшей, цвѣшущихъ здоровьемъ и бодрешнію, играла вокругъ насъ; дружешкіе и веселые разговоры занимали все общештво и мы не замѣшили, какъ шемный покровъ ночи нависъ надъ долиною. Однѣ шолько вершины горъ позлащались послѣдними лучами зари вечерней, когда предприняли мы обрашный пушъ свой. Ночь была прелештная; звѣзды блишали ярко на шемногубомъ сводѣ; шоржешшвенная шшшина изрѣдка лишь прерывалась ошдаленными звуками, происходившими изъ за шоръ. Казалось, что вся земная брешность насъ ошшавила и что помавающій перешъ вѣчношпи призывалъ насъ въ свою обишель. *Тоска по отшизнѣ* обяла сердца шпанниковъ; но не по городамъ и жилищамъ, кои воздвигаюшся и разрушаюшся руками человѣческими, но по шой свѣшлой и незыблемой обишели, гдѣ царешвуюшъ вѣчная жизнь и вѣчное спокойешвіе.

II.

Сегодня посѣщалъ я здѣшнія кладбища, кои даюшъ уже нѣкошорое поняшіе объ Ишаліянскихъ Campo-santo. Находящешся близъ древняго Бенедикшинскаго монаштыря Св. Пештра производешъ шпанное впецашлѣніе

на пупешешвенника. Оно довольно узко; ибо съ одной спороны ограничивается монашыремъ, а съ другой высокимъ ушесомъ. Печальное сіе мѣсто окружено аркадами, въ коихъ находящяся мраморные памяшники, съ бюсами умершихъ и другими изображеніями. Каждая аркада обнесена желѣзною рѣшеникою. Посреди кладбища, между безчисленными могилами, Крестами и Распятіями, возвышается полуразрушенная часовня *Св. Маргариты*. Но другая и древнѣйшая часовня, прильпленная такъ сказать къ вершинѣ ушеса, еще болѣе привлекаешь взоръ и возбуждаешь еще большее изумленіе. Это такъ называемая *Пустыня*, построенная надъ горными пещерами, гдѣ Опшельникъ *Максимъ* обиталъ съ 50-ю братами, во время нашествія *Одокара* и его Геруловъ, въ 476-мъ году. *Св. Северинъ*, имѣвшій тогда пребываніе свое въ Пассау, заблаговременно былъ извѣщенъ о приближеніи непріятеля. Онъ поспѣшилъ увѣдомить о семъ *Максима* и совѣтовалъ ему спасшись бѣгствомъ; но благочестивый опшельникъ опложилъ сіе до слѣдующаго дня. Между тѣмъ *Одокаръ*, въ ту же еще ночь, напалъ на городъ; раззорилъ оный до основанія, повѣсилъ *Максима*, а спутниковъ его низвергнулъ съ ушеса. Надъ сими-то пещерами, обогренными мученическою кровію, построена часовня, въ коей два раза въ годъ совершается обѣдня.

По истеченіи болѣе, нежели 200 лѣтъ послѣ сего происшествія, (въ 696-мъ г.), прибылъ *Св. Рупертъ*, первый Епископъ Зальцбургскій, въ сіи опушѣлыя мѣста, кои поросли дикимъ лѣсомъ и гдѣ не оставалось ни малѣйшихъ слѣдовъ первобышной пышности. Онъ

собралъ окрестныхъ жишелей, убѣдилъ ихъ поселиться надъ развалинами и составилъ городъ, кошорый назвалъ Зальцбургомъ. Но прежде всего построилъ онъ церковь и монастырь во имя Св. Пешра.

Другое кладбище находится позади церкви *Св. Себастьяна*. Въ нѣкошораго рода Поршикъ нашли мы памятникъ знаменишаго Теофраста *Парацельса*, кошорый шо былъ превозносимъ выше звѣздъ, шо обвиняемъ въ ужаснѣйшихъ заблужденіяхъ. На семъ обелискѣ находится его изображеніе, съ нѣсколькими надписями. Еще прежде показывали мнѣ портретъ его на шомъ домѣ, въ коемъ онъ жилъ и умеръ. Обычай, напоминашь народу о знаменишихъ его соотечественникахъ, достоинъ похвалы и всеобщаго подражанія. Какъ жаль, что въ другихъ земляхъ оный совсѣмъ почти неизвѣстенъ. Только въ Парижѣ видѣлъ я бюстъ *Мольера* надъ его домомъ, съ просшою, но приличною надписью. Въ Кёнигсбергѣ напрошивъ жилище *Канта* превращено шеперь — въ пишейный домъ! — *Моцартъ*, уроженецъ Зальцбургскій, похороненъ на Вѣнскомъ кладбищѣ, гдѣ никто не знаешъ его могилы, между шѣмъ какъ здѣсь имя каждаго почтеннаго гражданина сіяешъ въ золошыхъ буквахъ, а изображеніе его нерѣдко предаешся попомшву въ мраморѣ и бронзѣ.

Помянутое кладбище образуетъ правильный чешвероугольникъ, окруженный уединенными галереями, посреди коихъ возвышаются нѣкошорые опличные памятники. Впрочемъ галереи сіи посвящены прогулкѣ и размышленію. Посреди кладбища возвышашся шакже часовня, на нѣкошораго рода площадкѣ

и въ извѣстномъ опдаленіи опъ могиль. На многихъ надгробныхъ камняхъ находящся вазы, наполняемыя опъ времени до времени свѣжими цвѣтами. Я самъ видѣлъ молодую дѣвушку, кошорая принесла сюда новыя цвѣты на мѣсто увядшихъ и оросила ихъ горькими слезами. Сожалѣніе о любезныхъ сердцу имѣешь въ себѣ нѣчто священное и сладоспное. Мы бы хошѣли навсегда продлить сіе чувство и изыскиваемъ все, что шолько можешь пишавъ оное. Но цвѣты и слезы шакже не вѣчны и надгробные камни, съ своими изображеніями и надписями, супъ единшвенные ошашки крашкой нашей жизни и продолжшпельныхъ горесшей.

На Капуцинскую гору взошли мы по деревянной лѣшницѣ, прикрышой навѣсомъ. Съ прошивуположной шпороны находишся другая, каменная и предшавляющая болѣ живописныхъ видовъ. Оная устроена на самомъ краю ушеса. Пріашель нашъ *Квальо* здѣлалъ оной прекрасншй рисунокъ, кошоршй и показалъ намъ въ шопъ же вечеръ. Монашшрь окружень садомъ и лѣсомъ и имѣешь прекраснѣшшее мѣстоположеніе. — Бенедикшпинская обшшель, на шакъ называемой горѣ *Монахинь*, шакже заслужишаетъ примѣчаніе. Оная основана Св. *Эрнтрудою*, сешшрою благочешшиваго Епископа *Руперта*. Церковь не велика, но достопамяшна по своей древности. Оная не имѣешь почти никакихъ украшеній, кромѣ поршала, опдѣланнаго въ Гошическомъ вкусѣ. Внутренность ея не предшавляетъ ничего замѣчательнаго. Гробница основательницы самая простая; изображенія другихъ благочешшивыхъ женъ не озна-

менованы искусствомъ Художниковъ. За то видъ изъ сей обители восхищительный: обширная долина *Монахинь*, окруженная величественными горами и орошаемая извиристою рѣксю, роскошно простирается предъ взорами путешественника. Это цвѣшущій верхоградъ, обильно усыянный всѣми дарами Природы; щастливо воздѣланный и оживленный многочисленнымъ населеніемъ. Вершины окрестныхъ горъ представляють всѣ оттенки лазуреваго цвѣта, начиная отъ самаго свѣтлаго до самаго темнаго. Пышительный видъ сей возбудилъ во мнѣ желаніе, осмотрѣть дальнѣйшія окрестности Зальцбурга. Желаніе сіе не долго оставалось безъ исполненія; ибо въ тошъ же вечеръ условился я съ однимъ Датскимъ путешественникомъ, посѣишь, на слѣдующій день, сіи очаровательныя мѣста.

Переведено въ Бердичевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б а с н и.

13.

Исторія порока.

Березка выросла предъ домомъ кривобока.
Пришлось выкапывать; но корни шакъ ушли
Далеко въ глубину, чшо вырвать не могли. —
Исторія порока!

14.

Курица и утята.

„Ты все съ ушьями?“ — „Кому жь ходишь
за ними?
Я высидѣла ихъ., — „Но чшо шебъ они?
Чужія!“ — „Нужды нѣтъ! Хочу счишать моими:
Кшо любишь помогаешь, шопъ всякому съ родни.

15.

Павлинъ.

Индеекъ не на вкусъ пришелъ Павлиный ростъ.
„Какой,“ кричашъ, „уродъ!“ — А онъ, въ ошешь
злодѣкамъ,
Лишь шолько раздувалъ свой изумрудный хвосць..
Творенья Генія — ошвѣшь его *Индеекъ!*

* * *

И. Димитровъ

Х л о пь.

Приманкой ласковыхъ рѣчей
Вамъ не лишишь меня разсудка.
Такъ, Хлоя, многихъ Вы милѣй;
Но Васъ любишь — плохая шутка.

*

Вамъ не нужна любовь моя;
Не слишкомъ заняты Вы мною;
Не нѣжность, гордость Вашу я
Признаемъ спрасшнымъ успокою.

*

Вамъ дорогъ я — швердите Вы —
Но честь красы меня дороже.
Вамъ очень милъ я, но, увь!
Вамъ и другіе милы по же.

*

Съ толпой соперниковъ моихъ
Я состязашься не дерзаю
И превосходной силъ ихъ
Безъ бившы поле уступаю.

Баратынскій.

Къ выпущенной птицкѣ.

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебѣ, лешунѣ сладкогласной,
Дарю свободу я. Леши!
И я равно счастливой долей
Опѣ милой надѣлень моей:
Какъ ты обязана ей волей,
Такъ я неволю своей.

Баронъ Дельвингъ.

Къ воспоминаніямъ.

О вы, оспрадня и въ горести своей,
Воспоминанія о прежнихъ дняхъ счастливыхъ,
О дняхъ бышья души, о дняхъ любви моей,
Промчавшихся стрѣлой, но сердцу вѣчно милыхъ!
Не покидайте вы меня!
Какъ часшо я, мечшашель одинокой,
Борець молодой съ судьбой жестокой,
Къ мелькнувшимъ радостямъ сердечный слухъ склоня,
Въ былое милое оспрадно улешаю
На вашихъ дымчашыхъ крылахъ
И насшоющее на время забываю! —
Увы! увы! шеперь она лишь щещный прахъ,
Лишь сонъ, прелесшный сонъ — но вѣчно невоз-
вращной! . . . . .
Скажуль? Прошедшее хощь горько, но пріятно
Въ увядшемъ сердцѣ оживляшь;
Незримое, оно душѣ моей понятно
И лишь на шо, чѣмъ спашь, спрашуся я взирашь!

Какъ посреди песковъ для странника въ пустынь
Живительнъ прохладный въперокъ,
Какъ миль для узника въ шемницѣ мошылѣкъ,
Какъ родины языкъ пріятень на чужбинѣ; —
Такъ мысль о счастья прежнихъ дней
Оспадна для души моей!

Пребудышежь вы со мной, мои воспоминанья!
Онѣ разсыядись, прелесныя мечшы!
Я усояль и снесъ душевныя спаданья;
Но не снесу, увы! сердечной пустошы!

О.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XLІ.

П Р О З А.

Романъ въ Гоманъ.

(Вольный переводъ съ Нѣмецкаго.)

I.

„Вы совсѣмъ меня не любите!“ говорила рѣзвая Каролина жениху своему, Полковнику В.*, который, сидя подлѣ прелестной невесты, любовался ея работою. „Ни даже столько!“ продолжала она, показывая кончикъ розоваго шелку, выдернушый ею изъ кашвы. Сказавъ сіи слова, вспала она изъ за палець, приняла притворно угрюмый видъ и сѣла въ отдаленнѣйшемъ углу комнаты. „Что съ тобою здѣлалось, Каролина?“ сказала ей Графиня. „Ты опять разсердила Полковника! Смотря на ваши лица, никто не повѣритъ, что приближается день вашей свадьбы.“ — „Свадьбы, маминька?“ возразила Каролина, расправляя бѣлокурые свои локоны. „Неизвѣстно еще, скоро ли она будетъ! Кружевное платье, которое подарилъ мнѣ дядюшка, могу я надѣть и на другой большой бал!“ — „Что это значишь, Каролина?“ спросила Графиня улыбаясь. „Гдѣ

шы выучилась этому языку? Полно; подойди сюда и расскажи мнѣ ошкровенно: что у васъ опять было съ женихомъ?“ — „Ахъ, маминька, Вы всегда меня обвиняете. Но посудите сами! Что эшо за женихъ? Другія невѣсты получають Пѣсни, Сонеты и Мадригалы, въ такомъ множествѣ, что не знаюшь, что съ ними дѣлать; а мнѣ бѣдной не посвящено до сихъ поръ ни одного стишка. Между шѣмъ недавно сочинилъ онъ Оду на паденіе Наполеона. Вы сами знаете, маминька, что Карль давно уже мнѣ обѣщаль, написать Романъ. Онъ хотѣль изобразить въ немъ мой характеръ и я заранѣе шому радовалась. Но посудите: прошло шесшь недѣль, а онъ и не подумаль о Романѣ. Когда я спрошу, шо Карль всякой разъ ошвѣчасшь: *завтра* и пришомъ такимъ голосомъ и съ такимъ суровымъ видомъ, какъ будшо командуешь своими усашыми гренадерами. — Нѣшь, Г. Полковникъ, мнѣ Ваши *завтра* наскучили и Вы совѣмъ перешали мнѣ нравишься.“ — Женихъ казался оскорбленнымъ и сохраняль молчаніе. Каролина подала ему руку и сказала: „Не сердись, любезный Карль; мы опять будемъ добрыми друзьями. Перешанемъ объ эшомъ говорить. Скажи мнѣ лучше: гдѣ получилъ шы рану, ошъ кошорой ошалея у шсебя большой рубецъ на щекѣ? Я всегда забываю имена!“ — „Въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ!“ — „Да, при Феръ-Шампенуазѣ! Тамъ было жаркое дѣло, не правда ли?“ — „Но эша рана ничшо въ сравненіи съ шшою, кошорую получилъ я въ здѣшнемъ замкѣ.“ — „Браво, любезный Карль! Ты начинаешь говорить мнѣ комплименты. Впрочемъ я знаю, что они происходятъ

опъ сердца.“ — Съ сими словами положила она руку на грудь Полковника, а сей съ нѣжностію заключилъ ее въ свои объятія. „Милая Каролина!“ сказалъ онъ. „Я солдашъ и въ жизнь свою имѣлъ многія пошери, опъ многого принужденъ былъ ошказаться. Но лишисья любви швоей естъ такое несчастіе, котораго я конечно не перенесу.“ — „Можно ли объ эпомъ говоришь, добрый мой Карлъ? Не уже ли ты не увѣренъ, что мы будемъ всегда, вѣчно любишь другъ друга?“ — „Такъ, милая Каролина, истинная любовь не проходитъ; ни измѣна, ни невѣрность, ни самая смерть не можешь испребишь ее. Часто дремлешь она въ сердцѣ, подобно лугамъ, дремлющимъ подъ снѣжною корою зимы. Проглянешъ весеннее солнце — и песпрая зелень появшися снова во всей красотѣ и свѣжести. Кто зналъ любовь истинную, кто наслаждался ею хотя одинъ часъ въ своей жизни, шѣхъ ни удары жребія, ни самые предѣлы гроба разлучишь не могушь.“ — „Что ты говоришь, Карлъ? Къ чему ведешь всѣ эштѣ размышленія?“ — „Вошь тебѣ обѣщанный Романъ,“ ошевчалъ Полковникъ, вынувъ изъ кармана шепрадъ и подавая ее съ улыбкою своей невѣстѣ.

Каролина благодарила за сей подарокъ нѣжнѣйшими ласками. „Каковъ же мой женихъ!“ сказала она съ крошкою улыбкою. „Я право думала, что онъ на меня сердится. Да и нельзя было не сердиться: я безпрестанно швердила ему объ эпомъ Романѣ. Теперь я вижу, что онъ для шого шолько принималъ суровый видъ, чтошбы здѣлалъ мнѣ неожиданное удовольствіе. Но я не вижу заглавія. Скажи мнѣ: какъ

называется твоей Романъ? — „Какъ ты хочешь, милая! — „Какой конецъ имѣеть эта Повѣсть: веселый или печальный? — „Какъ случится, любезная Каролина! — „Увидимъ. Садись же все въ кружокъ: Карлъ будетъ намъ читать свой Романъ. Садись и ты, Фрицъ!“ продолжала она обращаясь къ брату своему, Кирасирскому Офицеру, который большими шагами расхаживалъ по комнатамъ. „Маминька позволишь тебѣ курить трубку; только перестань гремѣть своими шпорами!“

Маленькое общество сѣло вокругъ стола. Карлъ положилъ предъ собою развернутую тетрадь. „Объ одномъ прошу тебя,“ шепнула ему Каролина: „читай погромче, чтобы маминька могла все слышать.“

Полковникъ началъ слѣдующимъ образомъ:

„Прошла скучная зима; угасли пылающіе камни, растворились окна и живительные лучи весенняго солнца свободно проникали во внутренность домовъ и жилищъ. Прелестный Май спустился на землю и призывалъ все твореніе къ радости и веселію...“ — „Постой, братецъ,“ воскликнулъ Фрицъ, вскакивая съ своего кресла и положивъ правую руку на плечо Полковника. „Читай ничего! Я знаю напередъ всю Исторію. Ты начнешь намъ описывать ясное небо, шумящій потокъ, свѣтлую рощу, а въ этой рощѣ какое-нибудь любимое дерево, подъ которое Герой твоей Повѣсти приходитъ по вечерамъ вздыхать или плакать. Кто читалъ одинъ Романъ, то уже все ихъ выучилъ наизусть.“ — „Перестань Фрицъ,“ вскричала Каролина. Не я ли просила тебя сидѣть спокойно? Если не хочешь слушать, то оставь насъ и

поди лучше навѣшешь своихъ верховыхъ лошадей, копорыхъ не выдалъ ты съ нынѣшняго упра.“ —

„Ахъ иѣшь, сестрица! Я гошовъ слушаю; но Вы сами увидишь, что все такъ будетъ, какъ я сказала.“

Полковникъ продолжалъ чтеніе: „Возвратившіяся птички пѣли въ кустахъ; веселая толпа дѣтей играла на лугу; счастливая любовь открывала новые источники наслажденія въ расцвѣтшей Природѣ; несчастная любовь скрывала поску свою въ сѣни позелѣвшихъ рощей. Въ одинъ изъ сихъ — то прекрасныхъ дней, *Августъ* и *Клара* гуляли по живописнымъ холмамъ, окружающимъ сельское ихъ жилище. Съ прелестнаго возвышенія обозрѣвали они всю окрестность: извивающуюся рѣку, городскія башни, почтенныя зданія родинельскаго замка и обширный Паркъ, оживленный присутствіемъ гостей, приглашенныхъ матерью Клары. Это былъ день рожденія жиниха ея. *Августъ*, молодой человекъ пріятной наружности и рѣдкихъ достоинствъ, съ честью служилъ во Французской Арміи. Тяжкая болѣзнь удержала его въ чужой землѣ и по заключеніи мира. Продолжительны были его спраданія; но, благодаря искусству Врачей и попечительности добрыхъ хозяевъ, благодѣтельная чаша жизни и здравія снова коснулась ушамъ его. Клара, прелестная Клара, единственная дочь почтенныхъ его хозяевъ, подала ему сей цѣлебный сосудъ. Первый образъ, представившійся взорамъ его по исцѣленіи отъ тяжкаго недуга, былъ образъ юной дѣвы, столь же скромной и чувствительной, какъ и прелестной. Должно ли удивляться, что здоровье

и силы вскорѣ къ нему возвратились? Должно ли удивляться, что состраданіе съ одной стороны и благодарность съ другой постепенно превратились въ нѣжную, взаимную любовь?“

„Родители *Клары* вскорѣ замѣтили склонность молодыхъ людей и не противились ихъ союзу. *Августъ* успѣлъ уже заслужить ихъ любовь и уваженіе. Сверхъ того, имѣлъ онъ предъ собою блистательное поприще для жизни и службы. Французскій Маршалъ, у коего былъ онъ Адъютантомъ, рекомендовалъ его, по заключеніи мира, владѣтельному Князю той обласши, гдѣ жили родители *Клары*. Сей охотно принявъ его въ свою службу и, пошчасъ по выздоровленіи своемъ, *Августъ* получилъ почетное и выгодное мѣсто. Обезпечивъ свой жребій, испросилъ онъ руку *Клары* и обрадованные родители благословили сей союзъ.“

„Любовники наши сидѣли на дерновой скамьѣ, погруженные въ пріятные разговоры. *Августъ* вспоминалъ о своей болѣзни, о нѣжныхъ попеченіяхъ, коими пользовался онъ со стороны доброй невесты и достойныхъ ея родителей. Онъ вспоминалъ ту минушу, когда открывъ глаза послѣ болѣзненнаго безпамятства, въ первый разъ увидѣлъ онъ предъ собою *Клару*, какъ нѣкошую благодѣтельную *Фею*, въ голубой одеждѣ съ золотымъ поясомъ. Онъ долго недоумѣвалъ: истина ли то была или свѣшлый призракъ, ушѣшительное созданіе разгоряченной его *Фантазіи*? *Клара* рассказывала, какъ безпокоилась она объ участи *Августа*; сколько ночей провела она безъ сна; сколько шеплыхъ молитвъ возсылала къ Небу объ его выздоровленіи. — Цѣлый

часъ быспро прошекъ въ сихъ разговорахъ. Между шѣмъ солнце склонялось къ Западу; воздухъ сшановилса прохладнѣе. Клара напомнила жениху своему, что, недавно еще освободясь отъ болѣзни, онъ шѣмъ болѣе обязанъ беречь свое здоровье. Они поспѣшно оставили холмъ и въ веселыхъ шупскахъ добрели до сада, гдѣ многочисленное общество ихъ ожидало. Въ это самое время, одинъ изъ служивелей объявилъ Августу, что у садовыхъ ворошъ остановилась чужестранная Дама въ карешѣ и желаетъ его видѣть. Онъ поспѣшилъ къ подъѣзду. Старая женщина, богашо, но спранно одѣшая, вышла между шѣмъ изъ карешы и опираясь на свой посохъ, приблизилась къ Августу. Онъ бросилса въ ея объясія. „Машушка!“ сказалъ онъ. „Сынъ мой!“ воскликнула незнакомка. „Благодареніе Богу, что я нахожу себя живымъ и здоровымъ! Теперь могу я умереть спокойно!... Но знаешь ли, что я ошправилась въ пушь въ то самое время, когда получила писмо швое? Я думала ходишь за шобою во время швоей болѣзни; но на дорогѣ сама здѣлалась больна и болѣе двухъ недѣль была въ постель.“ — „Добрая, любезная машушка!“ — „Я почти не вѣрю глазамъ своимъ! Ты ли это, сынъ мой? Ты шакъ перемѣнилса, шакъ похорошѣлъ! Къ тому же ты здѣлалса шеперь большимъ Господиномъ. Покойный отецъ швой нерѣдко говориваль: „Въ эшомъ маломъ будешь пушь.“ Но что я вижу? На шевъ Орденъ? Но развѣ ты не знаешь, что шевъ эшаго нельзя носишь?“ — „Ничего, любезная машушка“, ошвѣчалъ Августъ улыбаясь: „это звѣзда *Потетнаго Легиона*, а въ ней поршреть *Генриха IV.*“ — „О, шакъ эшо

другое дѣло!... Звѣзда швая красива и богата; но ны легко можешь потерять ее на этой красной ленточкѣ. Позволь мнѣ пришить ее къ кафтану.“

„Между тѣмъ гости, видѣвшіе издали сію странную сцену, мало по малу приблизились. Клара притворилась плачущею и закрывъ лицо платкомъ, говорила жениху своему: „Насмѣшникъ! Злодѣй! ты обмануль свою невесту! Ты любишь другую!“ — Мать *Клары* шумя грозила ему пальцомъ. „Таковы-то Вы, Г. Баронъ!“ сказала она. „Хорошо, что мы узнаемъ объ этомъ во время!“ — „А, это Вы, Г-жа *Рахиль*?“ воскликнулъ одинъ молодой Гусарской Офицеръ, приближась къ незнакомкѣ. „Вы конечно старая пріятельница Г-ну Барону? Вы вѣрно имѣли случай, оказать ему маленькую услугу по денежнымъ обстоятельствамъ, а теперь явились съ векселемъ? Смотрите же: будьте совѣстны и неслишкомъ его прижимайте.“... При сихъ словахъ Августъ обратился къ насмѣшнику и бросивъ на него грозный и пламенный взоръ, сказалъ: „Это моя мать!“....

Болѣзненный крикъ, который испустила здѣсь Графиня, прервалъ чтеніе. Все семейство окружило ее съ живѣйшимъ участіемъ. „Что съ Вами здѣлалось, маминька?“ спросила испуганная Каролина. „Вы вдругъ шакъ поблѣднѣли!“ — „Ничего, милыя дѣти. Это обыкновенные мои спазмы. Принесите поскорѣе мое лѣкарство.“ — Графиня приняла лѣкарство и нѣсколько отдохнула; но она жаловалась на головную боль и пошому просила Полковника, оставить чтеніе до слѣдующаго дня.

(Продолженіе впереди.)

Отрывки изъ моихъ записокъ.

(Продолженіе.)

Съ чѣмъ сравнишь любовь? Это блестящій метеоръ, который съ шрескомъ разсѣкаетъ воздухъ; болѣе ослѣпляетъ, нежели свѣтитъ; но наконецъ, исчезаетъ столь же быстро и часто не оставляя ни малѣйшаго слѣда. А дружбу? Это священный огонь Весты, изливающейъ вокругъ себя кроткій, но всегда одинаковый свѣтъ; огонь, который никогда не угасаетъ, если мы сами, съ одинаковымъ усердіемъ, печемся объ его сохраненіи.

Критики наши были бы конечно менѣе рѣзки и болѣе безпристрастны, если бы Сочинители ихъ не забывали, что и сами они подвергнутся, въ свою очередь, суду просвѣщенной Публики. Вообще Критику можно назвать *Немезидою* Словесности: неумолимые ея приговоры преслѣдуютъ вѣкъ и cadaго — и ось руки ея ишь убѣжища!

Какъ часто люди себя прошиворѣчаютъ! Въ одномъ обществѣ, гдѣ говорили о любви, видѣлъ я молодого человека, который ссылался на *Вейсса* (*) и находилъ его извѣстное опредѣленіе любви превосходнымъ. Черезъ нѣсколько минушь, когда разговоръ перемѣнился,

---

(*) Сочинитель книги: *Principes philosophiques et Politiques*. Въ ней есть конечно много хорошаго; но по крайней мѣрѣ столько же парадоксовъ и мнѣній, прошивныхъ строгой Правдивости.

эпопъ же самый челоѡкъ въздумалъ выказывать возвышенныя чувствованія. Кшожь ему повѣришь?

Возвращаюсь къ *Вейссу* и его сочиненію. Позволено ли ссылаться на сего мнимаго мудреца, который (особенно въ спашь своей о *нравахъ*) показываетъ грубую чувственность и явное неуваженіе къ Нравственности, сему единственному прочному основанію гражданского общежитія? Чшо должно сказать о Писателѣ, который проповѣдуетъ развратъ и прославляетъ обычаи тѣхъ странъ, гдѣ цѣломудріе и благоприсойность не почитаются драгоценнѣйшими украшеніями нѣжнаго кола? — Нѣтъ! Эшо не мой Философъ! Снисхожденіе къ слабостямъ челоѡческимъ есть общая наша обязанность; но развѣ нельзя исполнять оной, не впадая въ крайность противную? Всякое ушонченіе порока есть уже высочайшая степень нравственнаго поврежденія.

Литтература имѣетъ своихъ ростовщиковъ, своихъ спекулянтшвъ, равно какъ и Коммерція. Сіи предприимчивые люди заставляють иногда платить себѣ большіе проценты — если не деньгами, шо по крайней мѣрѣ учеными трудами и умственными произведеніями. Они предпринимають поставки; играютъ — и нерѣдко съ большимъ успѣхомъ — ролю опкупщиковъ и факторовъ; скупають по дешевой цѣнѣ всякую старину, дабы подновивъ нѣсколько, продать ее съ барышомъ; производять разныя мѣны, болѣе или менѣе выгодныя; наконецъ, позволяють себѣ нѣкошорыя *невинныя* хитрости, кои злоязычные люди называютъ

просно *обманами*. Знаете ли, какой классъ Липшеровъ преимущественно и постоянно играешь сію *благородную* роль? — Журналисты! (*)

Одинъ молодой человекъ сказалъ мнѣ на сихъ дняхъ съ любезною откровенностію: „Общество дѣвиць для меня несносно: я право не знаю, что съ ними говорить? Есть вещи, которыхъ онѣ дѣйствительно не понимаютъ; есть другія, которыхъ не хотяють понимаютъ!“ — Опывъ сей, кажется, достапочень, чпобы судить о воспитаніи, правилахъ и образѣ мыслей эшаго молодаго человека. Къ несчастію, онъ не одинъ!

Мода есть конечно самый невинный предметъ занятія, разумѣется, если она просиращается на одну шолько одежду. Многіе скажутъ, что это занятіе суешное, дѣшское, ничтожное. Не спорю; но что же въ свѣтѣ не сушно, что не ничтожно, кромѣ Наукъ и добродѣтели? — Бриллиантовая булабочка новой формы веселитъ меня точно шакже, какъ рюмка Шампанскаго забавляетъ другаго. Я шогда шолько буду неправъ, когда небольшіе свои доходы спану распочать на покупку булабочекъ. Но и сей другой не менѣ виновать, если опъ рюмки перейдетъ къ цѣлой бушылкѣ и ошягчитъ себѣ голову винными парами. — Но знаете ли, что я

(*) Сравненіе сіе, вообще болѣе оригинальное, нежели справедливое, не касаешся впрочемъ до Рускихъ Журналистовъ. У насъ *Литтературная промышленность* находишся еще въ дѣшесвѣ.

нахожу непросишельнымъ? Слѣдовашь Модѣ въ своемъ образѣ мыслей и чувствованій? Въ сихъ случаяхъ слѣпое подражаніе и увлеченіе унижаютъ достоинство человѣческое: здѣсь собственныи нашъ разумъ и сердце, совѣсть и Нравственность должны бытъ единственными руководителями. И при всемъ томъ, мы ежедневно видимъ примѣры противнаго! Сколько свѣтскихъ женщинъ прошли чрезъ всѣ при эпохи *Стерна* раздѣленія (*), для того только, чтобы бытъ по Модѣ! Сколько молодыхъ людей называютъ себя *Либеральными*, не понимая даже значенія сего слова, но единственно, чтобы не ошесташь ошѣ Моды!

Примѣры невѣжества, кои встрѣчаются иногда въ высшихъ, образованныхъ Сословіяхъ, кажутся шѣмъ разительнѣе. Вошѣ одинъ, кошорый нем. ло меня позабавиль: Въ одномъ домѣ въ М... г.шовились играшѣ Комедію. Однажды вечеромъ, когда маленькое общество собралось на релешницю, пріѣзжаешѣ спарый другъ сего дома, челошѣкъ извѣстной фамиліи и украшенныи нѣкошорыми знаками почести. „Чшо эшо?“ говориль ошѣ. „У васѣ зашѣвается спектакль! Эшо вѣрно для имянишѣ маминьки? Дѣло похвальное! А какую пьесу Вы играешѣ?“ — „*Охоту Генриха IV.*“ — „Пьеса извѣстная! Выборъ вашѣ прекрасный; но позволите спросить: кино играешѣ роль *Охоты*?“

(Продолженіе впрѣдѣ.)

(*) См. *Sentimental Journey.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

II. II. Гнѣдиѹ.

Столицей шумною въ изгнаньи позабышь,
Я не забылъ тебя, любимецъ Аонидъ!
И дружбу пѣжную и Рускія Аѳины,
Не Вакховыхъ пировъ, не лобызаній Фрины,
Въ нескромной юности нескромно пѣтыхъ мной;
Не праздной суебы, прославленной пелпой,
Лишьне пѣжко мнѣ въ краю, гдѣ Фину пищу
Отчизна мертвая едва даруетъ пищу.
Пѣшь, нѣшь! Мнѣ пѣжостно ошеуствіе друзей;
Лишьне пѣжостно бесѣды мнѣ швоей,
То наславительной, шо сладостно ошрадной.
Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній
жадный,

И сердцу и уму я пищу находилъ.

Счастливецъ! Дни свои ты Музамъ посвящилъ,
И бодро дѣйствуешь прекрасные полвѣка
На полъ умшвенныхъ усилій челоуѣка.
Искусшва пылкія и дѣятельный шрудъ,
Занявъ, украсили свободный швой пріюшъ:
Жившитель сердца — шрудъ, Искусшва — наслажденья!

Еще не породивъ прямого просвѣщенья,
Избытокъ породилъ бездѣйшвенную лѣнь.
На мѣръ сношворную она нагнала шѣнь
И чадамъ роскоши, обремененнымъ скукой,
Довольство бѣдности шягчайшей было мукой.
Искусшва низошли на помощь къ нимъ шогда,
Уже ошвыкнувшимъ ошъ грубаго шруда.

Къ прудамъ возвышеннымъ они воспламенили
И праздность упражняшь роскошно научили.
Быть можеть, счастьемъ обязаны мы имъ.
Какъ бѣденъ страждущій бездѣйствиемъ своимъ !
Печальный, жалкій рабъ тупаго усыпленья,
Не постигаетъ онъ души употребленья;
Въ дремолу грубую всечасно погружёнъ,
Ошвыкнулъ чувствовашь, ошвыкнулъ мыслишь онъ;
Клянешь онъ дни свои и ропщешь онъ украдкой,
Что даяся для него мгновенья жизни крашкой.

Они въ углу моемъ не даяся для меня.
Судьбу младически за строгость не вина
И взявъ съ тебя примѣръ: Поэзію, ученье,
Призвалъ я украшать мое уединенье.
Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
Пришельца новаго пугающіе взоръ,
Залива бурнаго свинцовая равнина,
Напѣвы грустные просяжнихъ пѣсень Фина,
Не долго, помню я, въ печальной споронѣ
Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.
Я побѣдилъ се — и не убить неволей,
Еще я бытія владѣю лучшей долей:
Я мыслю, чувствую; для духа нѣшь оковъ.
То вопрошаю я преданія вѣковъ,
Всемирныхъ перемѣнъ чишаю въ нихъ причины;
Наставленъ давнею превращенностью судьбины,
Учусь покорствовашь судьбишѣ я моей.
То заняшь свойствами и нравами людей,
Поступковъ ихъ ищу прямыя побужденья,
Вникаю въ сердце ихъ, слѣжу его движенья

И въ сердцѣ разуму опчешь желаю дашь.
То вдохновеніе, Парнасса благодашь,
Мнѣ душу радуешь воспоргами своими:
На мигъ обворожень, на мигъ обманушь ии,
Дышу свободнѣе — и лиру взявъ мою,
И дружбу и любовь и нѣгу я пою.

Осмѣливаясь пѣшь, я помню прешкновенья
Самолюбиваго искусства пѣснопѣнья;
Но всякому свое — и машь племень людскихъ,
Усердья полная ко благу чадъ своихъ,
Природа каждаго дая особой спрасшью,
Намъ разные пуши прокладываетъ къ счастью.
Кто блескомъ почестей пльненъ въ душѣ своей;
Кто созданъ для войны и любить спукъ мечей.
Любезны пѣсни мнѣ! Когда-то для забавы,
Я, праздный, посѣтилъ Парнасскія дубравы
И воды свѣшлыя Каспальскаго ручья:
Тамъ къ Хорамъ чистыхъ дѣвъ прислушивался я;
Тамъ, очарованный, влюбился я въ искусство,
Другимъ передавать въ согласныхъ звукахъ чувство;
И не спрашась толпы взыскапельныхъ судей,
Я умереть хочу съ любовію моею.

Такъ скуку для себя счишая бѣдствомъ главнымъ,
Я духа предаюсь порывамъ своенравнымъ;
Такъ безъ усилія ведетъ меня мой умъ
Ошъ чувства къ шалости, къ мечшамъ ошъ важныхъ
думъ.

Но ни души моею воспорги одиноки,
Ни любомудрія полезныя уроки,
Ни пѣсни мирныя, ни легкія мечтшы,
Воображенія случайныя цѣшшы,

Среди глухихъ лѣсогъ и скалъ моихъ унылыхъ,
Не замѣняютъ мнѣ людей, для сердца милыхъ.
И тихой грустію повременно объаяшь,
Увидѣть бы желалъ я пышный Петроградъ;
Вести желалъ бы вновь мой вѣкъ непринужденной
Въ кругу друзей Искусствъ и нѣги просвѣщенной;
Апелла, Фидія желалъ бы навѣщать;
Съ шобой желалъ бы я бесѣдовать опять,
Мужъ дарованьями, душою превосходный,
Въ стихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный!
За то не въ первый разъ зываю я къ Судьбамъ:
Свободу дайше мнѣ; найду я счастье самъ!

Б. — *Филипп* — ий.

Печашашъ позволяешся: Ноября 8-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. Вируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XLII.

П Р О З А.

Романъ въ Романъ.

(Продолженіе.)

II.

Воля Графини была исполнена: чшеніе прекрашилось; но общій разговоръ продолжался. „Спранно однакожь,“ замѣшила Каролина, „что родилшели *Клары* не знали: кто былъ ея женихъ!“ — „Объ эшомъ мы завшра услышимъ“, отвѣчалъ Полковникъ. — „Признаюсь, брашець“, вскричалъ Фриць, „что я не ожидалъ шакой развязки! Надобно имѣть швое воображеніе, чшобы все эшо выдумать! Теперь я вижу ясно, чшо влюбленный швой *Августъ* — Еврей и чшо свадьбы не будешъ.“ — „Въ самомъ дѣлѣ,“ сказала Полковникъ съ принужденною улыбкою, „подобное опскрытіе не можешъ бышь пріяшно. Чшо бы Вы здѣлали, маминька (продолжалъ онъ, обращаясь къ Графинѣ), если бы шакое несчастіе случилось съ Вашею дочерью?“ Графиня наклонилась, чшобы поднять свой плашокъ: казалось, чшо она хотѣла избѣгнуть ошвѣща. — „А шы, брашець?“ — „Я!“

воскликнулъ Фрицъ, шопая ногою. „Если бы проклятый Еврей вздумалъ сыграть подобную шутку въ моемъ семействѣ; то клянусь моимъ палашомъ, что я не поставилъ бы себѣ за грѣхъ, сбросить его съ 4-го этажа!“ — „А ты, — а Вы, Каролина?“ продолжалъ Полковникъ, обращаясь къ своей невѣстѣ. „Благодарю за комплиментъ,“ отвѣчала она, присядая какъ можно ниже. „Подлинно прекрасный вопросъ! Неужели ты думаешь, Карлъ, что я могла бы влюбиться въ чернаго, плутоватаго Еврея?“ — „Но есть также блѣлые и честные Евреи“, спокойно возразилъ Карлъ. „Въ наше время видѣли мы множество людей сей націи, кои оставили печальныя заблужденія отцовъ своихъ, озарили себя свѣтомъ истинной Вѣры, просвѣтили разумъ свой Науками и занимали въ разныхъ Государствахъ почтенныя мѣста и должности.“ — „Не спорю, что есть исключенія изъ правила. Но и такой человекъ до тѣхъ поръ только можетъ правиться, пока не знаешь его происхожденія. Конечно прискорбно для молодой дѣвушки разстаться съ женихомъ, котораго она уже любила и избрала себѣ другомъ и спутникомъ на всю жизнь. Но чтожь остается дѣлать въ подобномъ случаѣ?“ — „Ишакъ, Каролина, ты бы отказала жениху своему?“ — „Разумѣешь! Я бы пожалѣла о немъ душевно; я здѣлала бы все возможное, дабы вознаграждать его за потерю невѣсты; я бы сказала ему: „Любезный другъ! Вы можете быть самой честной человекъ; но Вы Еврейской породы и интъ нельзя будете показаться съ Вами въ свѣтѣ. Мнѣ Васъ очень жаль: я Васъ право любила, до сихъ

поръ, пока не знала Вашей Генеалогіи. Знаю, что и Вы меня любите; знаю, что больно откажашься отъ невѣсты, когда уже готовишь къ свадьбѣ! Посмотрите: вотъ мои брилліанты, мои блонды, мои деньги! Все мое приданое дарю Вамъ на память: Вы можете пустить его въ оборотъ на первой Лейпцигской ярмаркѣ и пить пошомъ за мое здоровье. Только отдайте мнѣ назадъ мое слово!“

„Возьми его назадъ!“ воскликнулъ Полковникъ дрожащимъ голосомъ и, какъ безумный, выбѣжалъ изъ комнашы.

III.

„Все потеряно! Все миновалось! Одно слово, одинъ пустой звукъ, одинъ дальній отголосокъ древняго предразсудка разрушилъ все великолѣпное зданіе моего счастья! Но не самъ ли я навлекъ сіе бѣдспвіе? Не долженъ ли я былъ предвидѣть грозы, нависшей надъ моею головою? Развѣ я забылъ, что сіе ужасное слово преслѣдовало меня изъ колыбели въ школу, а изъ школы на поприще службы и свѣща? Развѣ я забылъ, что незаслуженныя поруганія и бессмысленныя насмѣшки неразъ запрудняли меня на пути къ славѣ и почестямъ? Но мнѣ казалось, что я преодолялъ уже всѣ препятствія и заставилъ умолкнуть шипящій голосъ клеветы и зависти. Почтенные служители олшарей Христіанскихъ озарили меня ученіемъ крошкой своей Религіи и привяли въ сонмъ свой, какъ брата. Просвѣщенные мужи всѣхъ Сословій удостоивали меня своей пріязни и бесѣды. Началась война и — подвиги храбрости пріобрѣли мнѣ любовь моихъ Начальниковъ. Король мой пожаловалъ

мнѣ шло, присоединившее меня къ почтенному кругу благородныхъ бюшпителей его прешола. Чужестранные Государи украсили меня своими знаками почести. Казалось, что, послѣ долгихъ усилій, приблизился я къ своей цѣли. Семейное счастье, — всегдашній, единственный предметъ моихъ желаній, — меня ожидало. Прелестная Каролина, достойная дочь почтенной матери, ошасливила меня своею любовію. День нашего брака былъ уже назначенъ. Но увы! ужасное слово, спрашная шайна, которую долго шайль я на сердцѣ, долженствовала открыться и — все счастье мое разрушилось! Но зачѣмъ открылъ я сію шайну, въ землѣ, для меня чуждой; посреди людей, кои до тѣхъ поръ *во мнѣ* видѣли только *меня* и зная мой образъ мыслей, не заботились о моемъ происхожденіи? Зачѣмъ? Но нѣтъ: честь, совесть, все меня къ тому обязывало. Я бы вѣкъ не простилъ себѣ счастья, купленнаго цѣною обмана... Увы! Все пошеряно! Все миновалось!“

Такъ говорилъ злополучный Карль, скорыми шагами расхаживая по своей комнатѣ. Неоправимый ударъ Судьбы терзалъ чувствительную его душу. Погруженный въ сіи размышленія, онъ не замѣнилъ, что Капитанъ *Коррь*, вѣрный другъ его и старый поварищъ, съ нѣсколькихъ минушъ уже находился въ комнатѣ и спокойно стоя у дверей, слушалъ его восклицанія. „Браво, Карль!“ сказалъ онъ: „ты декламируешь, какъ *Тальма*! Вѣрно готовишься къ Комедіи, которую хочешь играть у Сіятельной твоей шещи?“ — „Комедія уже сыграна!“ возра-

зиль Карль. — „Жаль! Очень жаль! Я бы хотѣлъ се посмотреѣть! Скажи по крайней мѣрѣ: какъ ты игралъ свою роль? Заслужилъ ли рукоплесканія знашной своей родни? Удостоился ли ты деснаго одобренія своихъ Превосходительныхъ дядюшекъ и тешушскъ?“ — „Любезный *Корръ!* Шутки теперь не у мѣста. Я лишился всего на свѣтъ, кромѣ твоей дружбы.“ Съ этими словами Полковникъ уналь на грудь его и плакалъ горько: изумленный *Корръ* требовалъ изъясненія и — несчастный разсказалъ ему свою Исторію.

„Только-то?“ вскричалъ *Корръ*, скрывая свое негодованіе подъ принужденною улыбкою. „Невѣста тебѣ опказала за то единственно, что ты или отецъ твой былъ Израильянинъ. Тѣмъ хуже для нея! Ты знаешь, что и я принадлежу къ сему племени; но это меня нисколько не печалишь. Правда, что мнѣ никогда не приходило въ голову, имѣть знашную родню.“ — „Но другъ мой! Каролина меня больше не любилъ и все потеряно!“ — „Все? Кто тебѣ это сказалъ? А воспоминаніе твоихъ заслугъ и подвиговъ, а эти достославные слѣды твоихъ ранъ, а эти знаки почести, коими украшена грудь твоя, — развѣ ты все это ни за что почишаешь?“ — „О другъ мой! Нѣтъ утѣшенія для сердца разтерзаннаго. Я любилъ Каролину и она меня любила. Что замѣнишь мнѣ это счастье, навсегда потерянное?“ — „Ободришь, Карль! Прилично ли благоразумному челоуѣку и воину, быть такъ малодушнымъ? Ты учинился жертвою предразсудка! Презри его и предоспавай людямъ слабоумнымъ и шщеславнымъ. Карль! Позволь

говорить съ собою опкровенно! Не самъ ли ты приготовилъ себя это несчастіе? Для чего вышелъ ты изъ своего круга, въ которомъ бы навсегда остался уважасымъ и счастливымъ? Не суешность ли за-лекла тебя въ эпоху блестящей свѣтъ, гдѣ даже самыя лучшіе, благоразумнѣйшіе люди принуждены покоряются старымъ предразсудкамъ и законамъ приличія? Дочь богатаго Израильскаго Банкира здѣлала бы тебя также счастливымъ, какъ и Сіятельная *Каролина* и ты никогда бы не услышалъ оскорбительнаго для себя упрека.“

Спукъ отворяющейся двери прекратилъ сіи разговоры. Фрицъ, браня Каролины, съ бѣшенствомъ вбѣжалъ въ комнату. „Гдѣ ты, проклятый Еврей?“ вскричалъ онъ. „Я пришелъ проломить тебѣ голову.“ Съ шрестію въ рукахъ приблизился онъ къ Полковнику; сей искалъ своей шпаги, но, не находя оной въ скорости, хотѣлъ обнажить шпагу своего друга. „Нѣтъ!“ вскричалъ *Коррь*. „Оружіе это мнѣ принадлежитъ и я одинъ имѣю право имъ дѣйствовать.“ Г. Офицеръ! Я дерусь съ Вами вмѣсто моего друга!“ — „Мнѣ это все равно!“ вскричалъ Фрицъ съ презрительною усмѣшкою. „Вы оба одной породы.“ — Шпаги заблестали и — при второмъ ударѣ *Фрицъ* плавалъ въ крови своей. „Пошли скорѣе за Лѣкаремъ,“ со вздохомъ сказалъ Капитанъ другу своему, который былъ неподвижнымъ свидѣтелемъ сего боя. „Рана его кажется опасною.“

(Окончаніе впродъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Лунное затмѣніе на островѣ Гаити.

Отрывокъ изъ Драмы: *Колумбъ*, соч. А. Клингсмака, дѣйств. IV.

(Полночь. *Колумбъ*, съ немногими спутниками, окруженъ толпами Гаишянъ, приведенныхъ въ отчаяніе мучительствомъ Испанцевъ. Спрашась новыхъ убійствъ, онъ удерживаешь стремленіе своихъ воиновъ:)

Внемлите мнѣ, вождю, въ послѣдній разъ.

Мечи въ ножны, пока я живъ предъ вами!

Я къ Небесамъ въ отчаяніи воззвалъ:

Пускай онъ рѣшаетъ сей споръ кровавый!

Когдажъ паду — свои главы спасайте!

Надъ шрупомъ мнѣ тогда изъ убиенныхъ

Прокляшья памятникъ поставьте здѣсь.

Діего (виѣ себя.)

Тебяль предашь намъ?

Одинъ изъ воиновъ (готовясь къ сраженію.)

Вошь они!

(Дикіе выбѣгаютъ подъ предводительствомъ двухъ

Кациковъ. Колумбъ имъ на встрѣчу:)

Назадъ!

(Глубокое молчаніе.)

Одинъ изъ Кациковъ (въ смущеніи, другому:)

Что медлишь ты? На нихъ!

2-й *Кацикъ.*

Изъ глазъ его

Сверкнулъ перушь! Ужель ты не видалъ?

1-й *Кацикъ.*

Лучъ, мнилось мнѣ!

Колумбъ (смѣло подходя къ дикимъ).

Склоннше копья долу!

На насъ Богъ сильный солнца раздражень
И съ облаковъ на землю гибель шлеть,
Карая жаждущихъ свирѣпой брани —
И гнѣвъ его вамъ знаменье явишь!
На небесахъ свершился страшно чудо:
Изъ пропасти ночной не вспанешь солнце,
Опъ васъ лице на вѣки отвратишь;
Угаснуть съ нимъ всѣ горнія свѣсила.
Его лучей лишася, сей оспровъ будешь
Обишелю духовъ подземныхъ, злобныхъ,
Опныиъ навсегда!

1-й *Кацикъ*.

Я шрепещу;

О грозныя слова!

2-й *Кацикъ*.

Обманъ, обманъ!

Колумбъ.

Впернше взоръ въ безоблачное небо:
Еще луны блискаешь кропкѣй свѣшь;
Но скоро въ мракъ одѣнешя она
И черный ликъ ея, съ высошь грозящій,
Ужаснымъ знаменьемъ пребудешь гнѣва
Надъ сей печальною страной.

(Всѣ въ молчаніи смотрятъ на небо. Скоро на-
ступаетъ полное лунное затмѣніе. Дикіе въ
ужасѣ бросаются на колѣна:)

О страхъ!

О горе намъ

Колумбъ.

Склонише жь копыя долу!

(Всѣ дикіе безмолвно кладушь оружіе на землю.)

Колумбъ (съ радостными слезами и
поднявъ руки къ небу:)

Есть Богъ!

Діего (обнимая вождя)

Тобой и я позналъ Его!

Колумбъ.

Нынь, сей обманъ Тебя не оскорбляешь:

Успѣхъ его, Всевышній, ошь Тебя!

Сама Природа покрывашь очи

Любимыхъ чадъ спасительной завѣсой

И къ истинѣ ведешь спезей мечшы.

За сладкимъ сномъ, за мраками ночными,

Вдали насъ ушро пробужденья ждешь!

1-й *Кацикъ* (на колѣняхъ предъ Колумбомъ:)

О вождь, смягчи враждующее Небо:

У солнца намъ прощенье испроси,

Да примиренный свѣшь его сіяешь!

Не мнили мы, чшобъ было преступленья

Ошь вашей яросши младенцевъ нѣжныхъ

И вѣрныхъ женъ, о бѣлые, спасашь!

Колумбъ (въ сторону, съ чувствомъ).

Почшо они язычники?

Кацикъ.

Избавь!

Не отвращай ошь насъ лица во гнѣвъ!

Колумбъ (въ сторону).

Жестокіе ихъ кровь рѣками лили.

Могу ль изгладить страшные слѣды?

(Къ дикому :)

Несчастный! Встань, и знай: подь вѣдомъ бѣлихъ
Грозившіе невиннымъ смертию злой,
Не были то поклонники Христа!
Нѣшь, злые духи цѣльшь пріяли нашъ
На гибель вамъ; не бойтесь ихъ ошпынь.
Да водворишься счастіе въ мирныхъ кущахъ!
Я самъ ручаюся за вашъ покой.

(Указывая вверхъ:)

Смотри на небо: солнца Богъ смягчился;
Луна по прежнему съ высокою сіяешь
И скоро, вслѣдъ за утренней зарей,
Свѣвшило дня взойдешь изъ Оксана,
Вершины горъ и брегъ сей озлатишь.
Тогда несише жершву въ память мира
И Богу Христіянъ воспойте Гимнь!

Баццкъ (въ радостномъ восторгѣ:)

Смягчился солнца Богъ. — Хвала, о бѣлый!
Возми дѣшей, возми любимыхъ женъ
И жизнь мою: — я все отдамъ охотно!

Всѣ дикіе (бросаясь къ *Колумбу*, цѣлуютъ
его ноги и одежду:)

Смягчился солнца богъ! Хвала, спаситель!

Колумбъ (простирая руки къ небу:)

Теперь прими меня въ Свой горній домъ!

Къ Глябову.

Такъ, Глябовъ, такъ ты держишь обѣщанье,
Какъ Дипломашъ? — Что скажешь въ оправданье? . . .
„Нѣтъ времени, заботы и Москва . . .“

Все хлопоты . . .“ Вотъ щещныя слова,
Чтобъ не пишешь, затверженныя лѣнью.

Но наконецъ — нѣтъ силъ уже шерпѣню!

Опмщу тебѣ, Посланьемъ упредивъ.

Въ деревнѣ; швой усердный сослуживецъ,

Я самъ въ жары беспечнѣйшей лѣнивцевъ;

Но я, ей ей, для дружбы не лѣнивъ.

Ловлю я мигъ счастливый вдохновенья,

Чтобъ возбуждать даръ скудный рѣчеповѣнья

И съ Музою — не слышу я часовъ.

Однакожь . . . самъ признаешься я гошовъ,

Что для меня все счастье, все веселье

Въ деревнѣ: лѣнь, безпечность и бездѣлье.

Зимой люблю я хлопоты Москвы,

Столичный блескъ и шумныя бесѣды;

Люблю я Клубъ, гдѣ вкусныя обѣды,

Полишика и новости молвы;

Собраніе, гдѣ упончаютъ Моды

И иногда — послѣдніе доходы,

Гдѣ дань берутъ Пѣвецъ и Виршуозъ,

Гдѣ при свѣчахъ поддѣльнымъ цвѣтомъ розъ

Прельщаютъ насъ искуснѣйшія маски.

Какъ не любишь и балъ и вечера,

Гдѣ пѣшаютъ насъ то пляска, то игра

И въсповщицъ краснорѣчивыхъ сказки?

Есть тысячи веселій городскихъ :
То въ Оперѣ артистовъ выписныхъ
Обворожень Пѣвицей молодою ;
То на бѣгу, зимой, въ саняхъ лихихъ ,
Лечу, какъ вихрь, любуясь приспяжною.
Когда морозъ подъ полозомъ свисшишь
И степь снѣговъ красы полей скрываешь,
Столица насъ, какъ семью, собираешь —
И на пирахъ, за днями день лешишь.

Но льшомъ жизнь несносна городская !
И счастливъ шомъ, кто жизни цѣну зная,
Въ стѣнахъ Москвы не прашишь скучныхъ дней,
Когда поешь въ дубравѣ соловей
И яровой, какъ бархашъ, зеленешь !
Жишь е шому, кто домикомъ владѣешь —
Среди полей и благодатныхъ нивъ !
За шумный пиръ веселій хлопотливыхъ
Онъ не ошдасъ дней праздныхъ и счастливыхъ.

Какъ весело зной полдня упредить,
Въ струяхъ рѣки оградной полоскашься,
И освѣжась, въ тѣни зеленой ивъ,
Какъ жишель водъ, межъ лисъевъ укрываешься !
Какъ весело, съ ружьемъ изъ за куща
Подстерегаешь плывущихъ упокъ спяю ! . . . .
Безпечныхъ лѣшъ знакомыя мѣсна,
Поля мои ! Опять васъ посѣщаю !

Какъ я люблю съ нагорной высоты
Обозрѣвать угрюмый видъ Природы,
Крушой оврагъ и страшные мосты,
И далеко разлившіяся воды,
И шемный боръ . . . все вмѣстѣ : красоты ! . . .

Пусть назовушь болѣзною безумной
Влеченье чувствъ; но распростишься съ Москвой,
Я ожилъ здѣсь — и жительство полевой,
Я безъ заботъ.

А тамъ, въ столицѣ шумной,
И пыль и жаръ и воздухъ городской,
Спѣсняемый высокими спѣнами;
Карешный прескъ по звонкой мостовой;
Напѣвъ и крикъ разнощиковъ съ плодами;
Рабочихъ штукъ и колокольный звонъ;
То свадьбы пиръ, то прауръ похоронъ. —

Но, удалясь отъ городского шума,
Живу пещерь, въ семьѣ своей родной:
Здѣсь воленъ я — и творческая дума
Внушаетъ пѣснь, согласную съ душой.
Здѣсь рано встаю, встрѣчаю лучъ денницы
И каждый день благодарю боговъ,
Что вырвался изъ душныхъ спѣнь столицы
Въ пространный садъ Надеждинскихъ луговъ.

Норовъ младшій.

Сельцо Надеждино,

10-го Юля, 1823.

—
К ъ А * *

Я видѣлъ Курь: онъ кашитъ воды
Подъ тѣнью виноградныхъ лозъ;
Я былъ въ странѣ, отчизнѣ розъ,
Обильной прелестями Природы!

Тамъ чистъ и ясенъ небосклонъ,
Тамъ рдѣтъ пышный анемонъ;
Чинарь гордится красоюю
И пушняка, во время зною,
Душистый персикъ и лимонъ
Манящъ къ забвеню и покою!

Я дѣвъ прелесныхъ видѣлъ тамъ,
Летавшихъ съ легкостью *Джейрана*:
Какъ парь весеняго шумана,
Спускалась дымка по грудямъ
Съ лица до стройнаго ихъ сна.
Онъ пышнѣй Гиланскихъ розъ,
Прятнѣй сладкаго шербеша.
Не такъ любезенъ въ полдень лѣта
Для Нимфъ прохладный шокъ Гаеша
И страстныхъ Гурій нѣжный взоръ,
Всегда привѣтливый, вѣчно юный;
Небесныхъ *Пери* звучный Хоръ
И *Сади* ропщущія сирены!...

Но гдѣжь отчизны край родной?
Гдѣ хана дымная подь снѣгомъ?
Когдажь помчусь веселымъ бѣгомъ
Къ твоей груди, товарищъ мой?
И дружнюю сжимая руку
Когда забуду грусть и скуку
Съ тобой за чашей круговой?

Ал. Шишковъ 2-й.

Тифлисъ.

Р о м а н с ь.

„Небо ясное, свѣтлѣющее!
Тамъ мечта моя всегда;
Сердце бѣдное, хладѣющее
Хочешь вырваться шуда.“

•

„Гдѣ же радости съ безопасностію?
Гдѣ веселье дѣтскихъ лѣтъ?
Все здѣсь дышетъ скоропечностію;
Все прошло — и слѣду нѣтъ!“

•

„Ахъ! я горькими спрдаціями
За блаженство заплапиль.
Тяжкими душѣ мечтаніями
Не призвашь, кого любиль!“

•

„Здѣсь подѣ сѣнью прохлаждающею,
Я мечпаль вкусишь покой;
Съ страстью, сердце упомляющею,
Я скишаюсь, какъ не свой!“

•

„О съ какою бы я пѣжностію
Обняль землю, нашу мать!
Будемъ съ сладкой безмяшежностію
Въ ней ошъ жизни ошдыхашь.“ —

•

Такъ на вѣкъ проспившись съ радостію,
Несчастливецъ бѣдный пѣлъ;
Очарованъ звуковъ сладостію,
Я душой за нимъ лешѣль.

Маркевичъ.

Лагерь подъ Ольшанюю.

27-го Іюня, 1823.

Печашашъ позволяешся: Ноября 22-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. *Бируковъ.*

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XLIII.

ПРОЗА.

Романъ въ Романъ.

(Окончаніе.)

IV.

Каролина къ одной изъ своихъ пріятельницъ.

Благодарю за пріятное письмо швое, любезная Софія, и за ушѣшительные совѣты. Не могу однакожь не признаться, что горестныя мои опыты несогласны съ швоими мнѣніями. „Несчастія,“ говоришь ты, „испытанныя въ молодости, векорѣ изглаждаются изъ памяти и юное сердце имѣешь всегда довольно силы, чшобы перенести удары жребія.“ Можешь бышь, эшо и справедливо, но шолько для шѣхъ, кои имѣють предъ собою благопріятнѣйшую будущность. Для меня все миновалось! Пущоша сердца и печальныя воспоминанія, — вошь все, чшо составляетъ мой удѣль!

Вчера прошелъ ужъ годъ съ шого времени, когда я лишилась доброй своей родительницы. Цѣлый день глаза мои не осушались. Воспоминаніе сіе возбудило въ несчастномъ моемъ браншѣ весь гнѣвъ и всю не-

зависть, дремавшія въ груди его. Вечеру имѣлъ онъ сильный болѣзненный припадокъ. — Ахъ Софія! Какъ жестокосерды мужчины! Бѣдный Фрицъ не имѣешь довольно силы, чшобы ходишь безъ проводника по комнашѣ и имѣешь еще силу ненавидѣшь!... Рана въ грудь, которую нанесъ ему Капипанъ *Korrr*, причиняешь ему, ошъ времени до времени, жестокія спраданія. Добрый и попечительный нашъ Докторъ рѣшился наконецъ объявишь мнѣ, что нѣшъ надежды спасти несчастнаго моего брата. Каждое сильное движеніе можешь ему споишь жизни. — Мнѣ остаешся одно шолько желаніе: чшобы въ послѣднія свои минушы примирился онъ въ душѣ съ человѣкомъ, который былъ невинною причиною его и нашихъ бѣдсвѣй.

Большая часшь родственниковъ и знакомыхъ совѣмъ меня оставили. Послѣ разрыва свадьбы моей съ Полковникомъ, нѣшкорые изъ нихъ посѣщали насъ, но можешь бышь изъ одного шолько любопышества; можешь бышь для того, чшобы бышь свидѣтелями нашего униженія. Во взорахъ ихъ чшпала я какуюто злобную радсшь; зависть и клевета приобрѣли себѣ обширное поле! По смерти мапушки домъ нашъ, бывшій нѣкогда средоточіемъ лучшаго общества, опусшѣлъ совершенно. Ты знаешь людей, любезная Софія: несчастные легко изглаждаются изъ ихъ памяши.

Я давно уже ничего не слыхала о Полковникѣ. Говорашь, чшо онъ былъ въ Англии, а опшуда хошѣлъ отправишься въ Испанію или въ Америку. — Но знаю, была ли шо истинная любовь, которую я къ нему чувствовала; но это была душевная, нѣжная

привязанность, основанная на признашельности и уваженіи. Карль имѣлъ благородное сердце и отличныя достоинштва и припомъ любилъ меня столь нѣжно, столь искренно! Не знаю: вспоминаешъ ли онъ шеперь обо мнѣ? Сомнѣваюсь: муцины всѣ одинаковы.

Если я лишусь своего брата, единшвеннаго существова, кошорое привязываетъ меня къ свѣшу; шо переселюсь въ какой-нибудь Пансіонъ. Баронесса К., старая пріятельница машушки, предлагала мнѣ свой домъ; но видъ многочисленнаго семейштва, возрастающаго подъ кровомъ машери, шерзалъ бы душу мою горешными воспоминаніями. Я нахожу пріятнѣе, окружить себя юными сиротами: я буду раздѣлять попеченія ихъ наставницъ и почиташъ себя старшею ихъ сестрою.

Просши, любезная Софія и наслаждайся въ кругу семьи своей всею счастіемъ, коего ты достойна.

Каролина.

Полковникъ В* къ Корру.

Кадиксъ, 23-го Ноября, 1819.

Ошплывая въ ошдаленныя спраны свѣша, ошкуда можешъ бышь никогда не возвращусь, пишу я къ тебѣ еще нѣсколько спрокъ, любезный Корръ. Я знаю швое сердце, а ты знаешъ меня. Вошь уже четвертый годъ, какъ я спранствую, какъ безумный, по разнымъ спранамъ Европы. Я все испышалъ, чшобы изгладить горешныя мои воспоминанія: нѣшъ заняшя, нѣшъ разсѣянія, кошорому бы я не предавался съ нѣкопорою неистовою спрасшію. Но увы! Ничшо не наполнило души моею, въ коей пушшоша и безмолвіе навсегда владычешвуюшъ. Я восходилъ на велич-

ешвенныя горы Швейцаріи; но и тамъ не дышаль свободѣе. Могущественныя красоты Природы составляли тѣмъ большую прошивуположность съ моимъ униженіемъ. Одинъ только видъ моря, его шумящія волны, его необозримое пространство имѣють для меня что то утѣшительное. Въ часы поздняго вечера прихожу я на морской берегъ, повѣряю шайну свою плещущимъ волнамъ и — возвращаюсь домой съ укрѣпленною душою.

Ты спрашиваешь: для чего оставилъ я отечество? Но у меня нѣтъ отечества: всѣ люди для меня чужеземцы. Говимые судьбою — вотъ мои братья; изъ темнаго крова бѣдности и несчастія провѣваетъ мнѣ знакомый воздухъ родины. Впрочемъ сердце мое закрыто для нѣжныхъ ощущеній пріязни и дружбы. Однажды только въ жизнь мою было оно отперто для любви и счастья; но вмѣсто обещанныхъ радостей, поразила его неопыримый и неизцѣлимый ударъ Судьбы!

Корабль нашъ находится въ готовности къ отплытію; вѣтры благоприятны и чрезъ нѣсколько дней возсіяетъ надо мною прекраснѣйшее небо. *Коррь!* Ты одинъ соединишь меня съ человѣчествомъ. Я хочу забыть всѣхъ, кромѣ тебя. Всякое о тебѣ извѣстіе будетъ для меня пріятно въ странѣ отдаленной. Мнѣ утѣшительно думать, что и ты будешь иногда вспоминать бѣднаго своего друга и благословишь нѣкогда прахъ его, который успокоится въ землѣ чуждой, не орошенный ничьею слезою.

V.

Прошло около года и — не было никакого извѣстія о Полковникѣ! — Между тѣмъ болѣзненныя

страданія Фрица прекрашили горестную его жизнь. Единственное желаніе доброй сестры его исполнилось: ея слезы, ея увѣщанія, сія благочестивая покорность, съ кою переносила она свои бѣдствія — все сіе пронуло и смягчило Фрица, который отъ Природы имѣлъ весьма доброе сердце. Въ послѣднія минушы объявилъ онъ Каролинѣ, что не пишетъ болѣе злобы на Полковника и примиряется съ нимъ въ душѣ своей. „Тамъ, въ другомъ мірѣ, встрѣшимся мы нѣкогда, какъ братья!“ сказалъ онъ прерывающимся голосомъ и — казалось, что страданія его облегчились. Но это было предвѣщаніемъ близкаго конца его. — По смерти Фрица, переселилась Каролина въ одно воспитательное заведеніе, коего Начальница была ей искреннимъ другомъ. Тамъ проводила она дни свои, тихо и единообразно, въ благочестивой молитвѣ и полезныхъ занятіяхъ. Она добровольно раздѣляла труды почтенной своей пріятельницы и вскорѣ пріобрѣла любовь и уваженіе ея воспитанницъ.

Въ одинъ день сказываютъ Каролинѣ, что Англійскій путешественникъ, недавно прибывшій въ городъ, желаетъ ее видѣть. Она не ожидала такого посѣщенія: ей казалось, что уже цѣлый свѣтъ забылъ ее. Между тѣмъ отворяется дверь и входитъ незнакомый Брипанецъ благородной наружности. „Простите меня, Графиня“, говоритъ онъ, „если я осмѣлился нарушить спокойствіе Вашего уединенія. Обязанность дружбы и данное мною обѣщаніе меня къ шому побудили. Вы конечно помните Полковника В*. Сей несчастный не существуетъ болѣе. Я

познакомился съ нимъ въ Америкѣ и принялъ искреннее участіе въ судьбѣ его. Южное небо не прояснило мрачной его души. Роскошныя красоны Природы шѣмъ живѣе представили ему весь ужасъ сердечнаго одиночества. Казалось, что любовь его къ Вамъ, нѣсколько лѣтъ дремавшая въ расперзанномъ сердцѣ, возобновилась во всей своей чистотѣ и силѣ. Онъ опять почувствовалъ потребность говорить объ Васѣ; онъ находилъ какое-то услажденіе въ мысли, что Вы посвятите нѣкогда горячую слезу его памяти. Вскорѣ жестокая болѣзнь присоединилась къ изнеможенію нравственныхъ силъ его. Нѣсколько недѣль провелъ я при немъ безоплучно. Онъ сдѣлалъ меня распорядителемъ послѣдней своей воли и взялъ съ меня слово, отыскаешь Васъ въ Германіи и возобновишь его въ Вашей памяти. Все свое имущество употребилъ онъ на челоуѣколюбивое заведеніе, которое и названо Вашимъ именемъ: „Спраннопріимный домъ Каролины.“ Престарѣлые и увѣчные всѣхъ націй: Европейцы и Американцы, Индейцы и Негры — принимаются безъ различія въ это благошворительное заведеніе. — Сіе же драгоцѣнное имя было послѣднимъ словомъ, излещѣвшимся изъ устъ его. Я похоронилъ несчастнаго В* въ саду, принадлежащемъ къ его заведенію и поставилъ надъ прахомъ его скромный памятникъ. — Между бумагами его нашелъ я нѣсколько писемъ къ другу его *Корру*, которыя мною и доспавлены. Дневныя записки его, — горестный памятникъ его страданій, — равно какъ и нѣкоторыя другіе отрывки, привезъ я съ собою. Всѣ сія бумага принадлежатъ Вамъ, Графиня: съ Вами

бесѣдовалъ мысленно несчастный другъ нашъ; Вамъ посвящалъ онъ каждую спроку, равно какъ и каждое свое чувство.“

Каролина обливалась слезами; благородный Бришанецъ смотрѣлъ на нее съ живѣйшимъ умиленіемъ. „Вы видите меня въ первый и конечно въ послѣдній разъ,“ говорилъ онъ ей; „но я никогда не забуду этой минуты.“

Благочестивыя размышленія укрѣпили душу Каролины; самыя слезы были для ней облегченіемъ. Перечитывая записки Полковника, удостовѣрилась она, что онъ не принадлежалъ къ числу людей обыкновенныхъ и конечно былъ достоинъ лучшей участи. Между бумагами нашла она рукопись *Романа*, котораго чтеніе казалось началомъ ея несчастій. „Это былъ первый опытъ высокой души его: онъ не хотѣлъ ошлужить сихъ признаній, которыхъ никто отъ него не требовалъ. Несчастный провелъ всю жизнь свою въ тяжкихъ испытаніяхъ; но праведное Небо конечно вознаградило его въ другой, лучшей жизни, гдѣ исчезаютъ всѣ предрассудки и земныя опличія и гдѣ одна добродѣтель почищается достоинствомъ. Тамъ и я соединюсь съ нимъ и со всеми, кто былъ мнѣ любезенъ.“

Провидѣніе, пославшее Каролинѣ сіе новое испытаніе, послало ей вмѣстѣ и силы къ перенесенію онаго. Съ безропотною покорностію къ Его волю, возвратилась она къ обыкновеннымъ занятіямъ и снова проводила тихіе дни свои, въ уединеніи, въ молитвѣ и въ добродѣтели.

Отрывки из моих записок.

(Продолженіе.)

Уловія гражданскаго общежитія могушь имѣть свои недостатки, свои злоупребленія; но ни одинъ частный человекъ не долженъ почитать себя въ правѣ, исправлять первыя или искоренять другія. Великій сей подвигъ принадлежитъ благоразумнымъ Правительствомъ и приуготовляется опытами многихъ спольшій. Вся общественыя заведенія соотвѣствуютъ своей цѣли или уклоняются отъ оной, смотря по степени просвѣщенія и господствующему духу Правосвенности. Современныя событія конечно имѣють здѣсь вліяніе; но надобно, чтобы вліяніе сіе управлялось верховными блюстителями власти, чуждыми всякаго пристрастія и личныхъ выгодъ. Уловіе, почти невозможное для частныхъ гражданъ! Какія же обязанности возлежатъ на нихъ послѣднихъ? Поддерживать честь своего званія; ревностно исполнять должности, сопряженныя съ онымъ и чрезъ то — если не уменьшатъ, то по крайней мѣрѣ не умножатъ массу господствующихъ злоупребленій!

Я не нахожу большой заслуги въ прощеніи обидъ и несправедливостей, причиняемыхъ намъ другими. Гнѣвъ самъ собою проходитъ, по мѣрѣ того, какъ воспоминаніе обиды изглаждается изъ нашей памяти. Чувство оскорбленія есть вообще непріятное и мы всегда довольны, когда можемъ отъ него освободиться. Но въ подобныхъ случаяхъ человекъ великодушный

можешъ здѣлать болѣе, нежели *простить*: онъ можешъ *забыть*!

Я не буду уже болѣе говорить о пріятной короткости, которую иногда приобретаю въ семействахъ, о лестномъ названіи *друга дома*. Нѣкогда оно имѣло и для меня большую прелесть; но печальныя опыты вскорѣ уничтожили сіе ослѣпленіе. Короткость часто бываетъ поводомъ къ несправедливости, которую оказываю въ Вамъ мнимыя друзья Ваши, сами того не примѣчая. Чѣмъ болѣе они Васъ знаютъ, тѣмъ болѣе находятъ случаевъ, полковать въ дурную сторону Ваши дѣла и намѣренія. Тщешно будете Вы стараться, доказать на опытъ свою дружбу и приверженность. Въ домъ, гдѣ называютъ Васъ *другомъ*, стоишь появиться *молодому шалуну*, который больше Васъ говоритъ или лучше одѣвается и — Вами пожертвуетъ! (*)

Твердость характера тогда только имѣешь свое достоинство, когда побудительная причина оной похвальна въ Нравственномъ отношеніи или цѣль оной представляешь очевидную пользу. Ибо въ противномъ случаѣ, что мы называемъ *упрямствомъ*? Твердость характера, некъсами употребленную!

Въ любви должно различать два рода жертвованій: одніе льстятъ и питаютъ наше самолюбіе, а

(*) Авторъ согласился съ нами, что нѣтъ правила безъ исключенія. (*Прим. Цер.*)

другія перебуютьъ совершеннаго ошверженія онаго. Какъ мало влюбленныхъ, способныхъ къ пожертвованіямъ сего послѣдняго рода!

Я не люблю *Парни*. Онъ имѣешь Спихошворческій даръ и много воображенія; но я не нахожу въ немъ истинной чувствительности. Онъ уклонился отъ опличительнаго характера новѣйшей Поэзіи; характера, безъ сомнѣнія благороднѣйшаго, нежели Эротическая Поэзія Древнихъ. *Парни* увлекаешь иногда мое воображеніе, но не улаждаешь души моей. Какъ жаль, что Гармоническіе спихи его не посвящены прославленію предметовъ и чувствованій, болѣе возвышенныхъ! Мнѣ кажешся, что онъ не умѣлъ любить. — *Петраркъ* — вошь мой Спихошворецъ! Поэзія его шакже чиста, какъ и спрась, которая не унижала, но скорѣе возвышала нравственнаго его достоинство!

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

З н а к о м о й.

Я узнаю сіи чершы,
И взглядъ и образъ сей улыбки,
И звукъ рѣчей, и спань швой гибкій;
Давно мнѣ вся знакома шы.

*

Не скажешъ память вѣрно мнѣ,
Когда и гдѣ себя знавалъ я;
Но чувствую, себя видалъ я,
Какъ шѣнь живу ю въ сладкомъ снѣ.

*

Не шы ль въ давнопрошедши дни
На мигъ явилась предо мною
И, оживленные шобою,
Мнѣ были веселы они?

*

Тогда была моя весна;
Душа прекраснымъ всѣмъ роднилась.
Ужь ша пора давно сокрылась;
Какъ шы, сокрылася она!

*

Но шы опяшь передо мной!
Ты не найдешъ меня, какъ прежде:
Я вѣрую другой надеждѣ;
Мой съ нею пушь — за край земной!

*

Туда лешяшь мои мечшы,
Гдѣ случай близкихъ не разводишь;
Гдѣ сердце вѣрное находишь
Любовь опгяшой красомы;

*

Гдѣ жизнь — одинъ прекрасный день;
Гдѣ нѣтъ минушнаго свиданья
И гдѣ напраснаго желанья
Не омрачаешь скорби шнѣнь.

Быть можешь, путь готовъ тебѣ
На новую со мной разлуку:
Я подаю спокойно руку
И покоряюсь Судьбѣ.

Пускай она тебя спасетъ
Ошъ опытовъ моихъ суровыхъ
Или въ надеждахъ, сердцу новыхъ,
Мое спокойствіе пошлетъ!

Плетневъ.

Молодой Пѣвецъ.

(Ирландская Пѣсня Томаса Мура.)

(the Minstrel Boy, etc.)

На брашь летишь молодой Пѣвецъ;
Дней мирныхъ кинуль сладость;
Съ нимъ мечь опцовскій кладенець,
Съ нимъ арфа — жизни радость.

„О пѣсней звонкихъ край родной,
Опцовъ земля свяшая!
Вошь въ дань шебъ мечь вѣрный мой;
Вошь арфа золошая!,,

Пѣвецъ палъ жертвой грозныхъ сѣчь;
Но вѣкъ кончая юный,
Бросаетъ въ волны острый мечъ
И звонкія рвешъ струны.

„Любовь, свободу, край родной,
О струны! пѣль я съ вами.
Теперь, какъ пѣшь въ спранѣ вамъ шой,
Гдѣ рабъ звучишь цѣпями?“ (*)

И. Козловъ.

(*) Во время нашествія Нормановъ на Ирландію.

Элегія.

Не долго радость окрыляешь
Досуги юности живой:
Вспорхнешь и сердцу оставляешь
Печаль и думы за собой.
Невѣчны рѣзвой жизни годы,
Напѣвовъ лиры тихій звонъ,
Въ лугахъ зеленыхъ хороводы,
Въ зеленыхъ рощахъ сладкій сонъ.
Увы! пора любви измѣнишь;
Вздохнемъ, заплачемъ мы о ней;
Но поздно хладный умъ оцѣнишь
Красу минувшихъ, свѣшлыхъ дней.
Все поздно: слезы и моления!
Не возвращаясь къ намъ они,
Какъ вѣшней ночи сновидѣнья,
Какъ золошаго вѣка дни!

С. П. Б., Апрель, 1823.

А. А. К.

I.

Я получилъ сей кошелѣкъ,
Пріязни Вашей даръ безцѣнный,
Объшованный, несравненный
И Вашей памяти залогъ.
Съ какимъ волненіемъ впервые
Разсматривалъ мой жадный взоръ
Его плѣнительный узоръ,
Его колечки золошья!

Съ какою радостью пошомъ
Першовъ Художницы на нѣмъ
Лобзаль я нѣжныя примѣшы;
Какіе дни воспоминаль
И благодарности обѣшы
Съ какимъ восшоргомъ повшоряль!

II.

Но признаюсь! мнѣ спало больно,
Когда, спокойный наконецъ,
Я вопросилъ себя невольно:
Чѣмъ Вамъ ошплатишь Вашъ Пѣвецъ?
Скажише: умниками свѣша
Нерѣшено ли съ давнихъ поръ,
Чшо голось сердца — вредный вздоръ,
Сшихи — фальшивая монеша?
А всѣ сокровища мои —
Нацѣвы дружбы и любви!

III.

Но Вы среди усшавовъ модныхъ,
Любя прекрасное душой,
Не увлекаешесь полпой
Въ своихъ сужденьяхъ благородныхъ.
Поешовъ вольные края,
Предметы ихъ Вамъ нечужіе,
И помню я, во дни былые,
Вамъ лира нравилась моя.
У шихой рѣчки за Невую,
Когда скрывался солнца ликъ,
Любили слушашъ Вы порою
Мой гармоническій язкъ.

Прохлада дровъ, цвѣшовъ дыханье,
Краса двухъ милыхъ дочерей,
Невинный пламень изъ очей,
Вечернихъ облаковъ сіянье
И водъ прозрачное стекло —
Все душу къ пѣнію влекло.
Вниманье Ваше занимали
Воспоминанія печали,
Моей причудливой весны,
Моя доврчивость надеждъ....
И если Вамъ досель, какъ прежде,
Хоть по преданью старины,
Пріяшній льсшиваго искусства
Языкъ невыисканный чувства; —
То дружбы вопросивъ ушавъ,
Я передъ Вами буду правъ...

IV.

А ты, весельемъ озарившій
Въ странѣ чужой мой уголокъ!
Ты будь залогомъ, кошелѣкъ,
Души, меня не разлюбишей.
Мечпы моей пишая льнь,
Храни мнѣ, милое созданье,
Счастливыхъ дней воспоминанье
И денежку на черный день!

Туманскій.

Одесса,
15-го Октябрия.

Печашашъ позволяешся: Декабря 3-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. Бирюковъ.

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XLIV.

П Р О З А.

Литтературный разговоръ Наполеона.

Изъ примѣчаній Г. Лемерсе къ послѣдней его Поэмѣ (*).

Въ 1800-мъ году послалъ я Наполеону, бывшему тогда первымъ Консуломъ, экземпляръ моего сочиненія: *Гомеръ* и *Александръ*. На другой же день пригласилъ онъ меня въ Мальмезонъ, къ обѣденному столу. Тамъ нашелъ я множество приближенныхъ къ нему особъ и другихъ знашныхъ Чиновниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ завели со мною разговоръ — о различіи Эпопеи отъ Дидактической Поэзій.

Въ сіе время Буонапарше расхаживалъ по комнатамъ. Наконецъ онъ приблизился къ намъ и одинъ изъ сихъ

(*) Г. Лемерсе, Членъ Парижскаго Института, принадлежишь къ числу первоспешенныхъ Стихотворцевъ нынѣшней Франціи. Недавно ошпечатаана новая его Поэма, кошорой Героемъ избралъ онъ *Моисей*. Она сопровождается любопытными Историческо - Литтературными примѣчаніями, изъ коихъ и заимствовали мы сію сшащью. Сужденія Наполеона о Поэзій и Словесности достопамятны болѣе, нежели въ одномъ отношеніи. К.

господь почелъ за нужное, познакомить его съ предметомъ нашего разговора. „Здѣсь идетъ споръ (говорилъ онъ) о преимуществѣ Эпопеи предъ Драктической Поэмою.“ — „Чтожь думаешь съ этимъ предметъ Г. *Лемерсье*?“ сказалъ Наполеонъ, взглянувъ на меня. — „Онъ объявилъ себя защитникомъ Эпопеи,“ отвѣчалъ сей господинъ. — „Онъ совершенно правъ,“ продолжалъ Буонапарте. „Все, что повѣствовуется, имѣетъ въ себѣ болѣе естественнаго порядка, болѣе Драктической живости. Сверхъ того Стихотвореніе, въ коемъ заключастся дѣйствіе, производитъ всегда болѣе впечатлѣніе, нежели то, въ которомъ содержатся однѣ только правила. — Поэтому-то *Александръ* избралъ любимымъ своимъ Стихотворцемъ *Гомера*, а *Августъ* *Виргилія*, такъ что на мою долю остался одинъ только *Оссіанъ*.“ — Всѣ молчали. Я подумалъ, но не осмѣлился сказать, что выборъ *Тасса* или *Мильтона* здѣлалъ бы вкусу его болѣе чести.

Послѣ обѣда, когда все общество разошлось, хотѣлъ и я удалиться вмѣстѣ съ другими. Буонапарте удержалъ меня, сказавъ: „Останьтесь! Мнѣ еще надобно поговорить съ Вами.“ Изъ прочихъ собесѣдниковъ находились еще въ залѣ два Генерала. Первый Консулъ на минушу удалился. Г-жа *Буонапарте*, которая сидѣла въ той же комнатѣ, подзвала меня къ себѣ; вскорѣ потомъ, возвратился супругъ ея съ книгою въ рукахъ. Это была моя Поэма. Я замѣнилъ, что онъ разрѣзалъ послѣдніе листы исключительно посвященные *Александру*.

„Мнѣ кажется, что Вы не очень любите завоевателей“, сказалъ онъ мнѣ улыбаясь. „Вы однакожь оспариваете справедливость высотъ духа, которою ознаменованы ихъ подвиги. Начертанная Вами картина войны, въ древнія и новѣйшія времена, весьма поучительна. Не угодно ли разсмотрѣть ее вмѣстѣ со мною?“ — При сихъ словахъ здѣлалъ онъ мнѣ знакъ, сѣсть подлѣ него.

Г-жа *Буонапарте* сѣла подлѣ нашего стола, съ своею работою, которую она часто оставляла, чтобы слушать разговоръ нашъ съ большимъ вниманіемъ. Во взорахъ ея изображалось нѣкоторое безпокойное любопытство.

Что касается до двухъ Генераловъ, о коихъ упомянулъ я выше; то они заняли мѣста на ближней софѣ; но, во все продолженіе нашего разговора, не принимали въ ономъ участія и находились какъ бы въ нѣкоторой дремотѣ.

Я взялъ книгу и хотѣлъ читать вслухъ по мѣсту, о коемъ говорилъ первый Консулъ. Онъ поспѣшно вырвалъ ее изъ моихъ рукъ и сказалъ: „Я самъ буду читать и сообщу Вамъ свои замѣчанія.“

Вошъ нѣкопоря мѣста въ Поэмѣ, при чтеніи коихъ онъ останавливался и кои подали ему поводъ къ вопросамъ и объясненіямъ:

Et Salamine, écueil des flottes de Xercès,

D'un Ulysse nouveau signalant les essais...

„Что Вы хотите эшимъ сказать? Понимаю, Вы говорите о *Θεμιστοκλῆς*: онъ конечно былъ сколько же швердъ и проницательнѣе, какъ *Улиссъ*.“

De Darius, qui fuit, il tient le diadème.

„Эпошь снихъ хорошь: онъ заключаешъ въ себѣ картину.“

Je reconnais Mémnon, de qui l'art me menace.

„Сомнительно, чтобы *Александръ*, если бы *Мемнонъ* оспался въ живыхъ, былъ счастливѣе *Аезилалъ*.“—

„Я имѣлъ шу же мысль“, замѣнилъ я, „когда написалъ слѣдующіе стихи:

La cité, qu'il fonde, fleurit sous les Lagides.

Son port reçoit un chef, qu'en des vaisseaux rapides etc.

Наполеонъ со вниманіемъ прочелъ сіе мѣсто, гдѣ упоминаешся о *Цесарь* и сказалъ: „Я также современемъ займусь сочиненіемъ своихъ записокъ . . . . Вы весьма удачно изобразили здѣсь въ стихахъ главное содержаніе Цесаревыхъ записокъ. Но будемъ чишать далѣ.“ — Наполеонъ оспанавливался почти на каждомъ словѣ, особливо, когда дошелъ до того мѣста, гдѣ упоминаешся о сраженіи при Каннахъ:

Quand l'habile ennemi, dont il sut triompher,
L'attendit dans ses bras, qui devoient l'étouffer.

„Хорошо сказано. Онъ вельѣлъ опшупишь своему ценшру, чшобы окружишь потомъ Римлянъ правымъ и лѣвомъ крыломъ. Жаль шолько, что Вы не означили, что для сего употреблена была конница.“ — „Мнѣ кажешся (опшѣчалъ я) чшо я и эшо выразилъ, сколько позволяла мнѣ краткость стиха: въ словахъ; dans ses bras, хотѣлъ я представить движеніе обоихъ его фланговъ.“— „Если такъ (продолжалъ Наполеонъ), шо изображеніе Ваше коротко и удачно. Я никогда не любилъ длинныхъ описаній.“

Il étoit tems enfin, qu'un jeune homme invincible
Fit tomber à Zama ce Cyclope terrible.

„Вы конечно говорите о *Сципионъ*, который побѣдиль сего однокраго Героя? Его и прозвали *Африканскимъ*, какъ меня *Итальянскимъ*.“ — „Я предвижу,“ сказала я, „что найдутся люди, которые напередъ прозовутъ Васъ и *Британскимъ*; но бойтесь имъ вѣришь!“

Мы взглянули другъ на друга и цѣсколько секундъ сохраняли молчаніе. Наполеонъ прервалъ оное слѣдующимъ вопросомъ: „Кому изъ сихъ двухъ мужей Древности отдаете Вы преимущество?“ — „Ганнибалу“, отвѣчалъ я рѣшительно. — „И я то же думаю. Въ Вашей Поэмѣ имѣли Вы случай, взвѣсиль и сравнишь знаменитые подвиги того и другаго. Но я полагаю, что Вы назовете мнѣ *Цесаря*, который почищается любимымъ Героемъ Сшихонворцевъ.„ — „По моему мнѣнію, *Цесарь* совсѣмъ не первый изъ Полководцевъ.“ — „Когожь Вы ему предпочитаете? Конечно *Брута*, Героя народной свободы? Не правда ли?“ — „О нѣтъ! Я не признаю своими Героями ни *Юлія Брута*, ни *Юлія Цесаря*. Я никогда не любилъ ни того ни другаго; пришлись они и убійцы равно для меня ненавистны.“ — „Въ этомъ Вы правы“, отвѣчалъ Наполеонъ съ ласковымъ видомъ и лицо его покрылось легкимъ румянцомъ. Потомъ продолжалъ онъ съ живостию и возвысивъ голосъ: „Вы справедливо судили въ военномъ отношеніи, хотя никогда не были солдатомъ. *Ганнибалъ* конечно знаменитѣйшій Полководецъ въ свѣтъ! Мѣсто, въ которомъ Вы о

немъ упоминаете, превосходно... Онъ дѣйствительно великій Полководецъ! Но скажите: въ чемъ по Вашему мнѣнію состоятъ наибольшая его заслуга? — „Въ томъ (опевчалъ я), что будучи обманутъ и ославленъ Кароагенцами, копорымъ онъ служилъ, открывалъ онъ въ непріятельской землѣ собственныя средства и пособія и, проходя между иноплеменными народами, умѣлъ образовать себѣ новыхъ воиновъ. Вы увидите въ одномъ изъ примѣчаній въ моей Поэмѣ, что я уклоняюсь даже отъ общаго мнѣнія, на счетъ пребыванія его въ Капуъ.“

„Я это замѣтилъ и совершенно Васъ одобряю. Какъ часто Историки, сидя въ ученыхъ своихъ кабинетахъ, произносили поспѣшный и легкомысленный судъ о нашихъ дѣяніяхъ!“

Когда проходилъ онъ подробности, касающіяся до Артиллеріи, Инженерной части и *Вобановой* Фортификаціи; то сказалъ: „Это такіе предметы, копорыя явно противящяся возвышенной Поэзіи, — и при всемъ томъ, Вы превосходно ихъ описали въ Вашей Поэмѣ.“

Même ardeur, le pousant aux champs d'Arque et
d'Ivri,

Met l'épée en ta main, adorable Henri! . . .

„Бѣдный *Генрихъ IV*! Онъ много безпокоился въ свой вѣкъ... Добрый, храбрый Государь! Нашлись однакожь люди, копорые покусились и на швою жизнь.“

Le peuple sait ta gloire et te nomme son père.

„Прекрасно и совершенно справедливо!“ (*)

Les secours des héros s'effacent dans les âges.

(*) Наполеонъ, при многихъ случаяхъ, отдавалъ полную справедливость Геройскимъ добродѣтелямъ

„Я понимаю теперь Вашъ планъ: Вы хотите упомянуть объ однихъ только первыхъ и величайшихъ Полководцахъ.“ Онъ продолжалъ чтеніе и дошелъ наконецъ до слѣдующихъ стиховъ, гдѣ говорится о *Гуттлевъ Адальфвѣ*:

Et Lutzen, pour ce roi nouvelle Mantinée...

„Какое же сходство находите Вы между Люшценномъ и Мантинеею?“ — „Вы знаете, что Король, Шведскій, равно какъ и Полководецъ Оивекій, пали на мѣстѣ сраженія, хотя и осмались побѣдителями.“ — „Да, конечно!... Мнѣ надобно когда нибудь посмотреть Люшценское поле: это мѣсто великихъ воспоминаній!“ — (Кто могъ тогда предчувствовать, что Буонапарте, на семь самомъ полѣ, будетъ имѣть едва ли не послѣднее рѣшительное сраженіе?)

Мѣсто, гдѣ говорится о Конной Артиллеріи, заставило Наполеона вспомнить, что *Фридрихъ II* былъ ея изобрѣтателемъ. „Этого *Фридриха*," сказалъ онъ, „котораго *Вольтеръ* и другіе Писатели прозвали *Великимъ*, за то, что онъ ихъ покровительствовалъ!“ — „Не они," замѣнилъ я, „положили основаніе его славы; но — семилѣтняя война и ея Исторія, написанная имъ безъ всякаго пристрастія или ложнаго честолюбія. Онъ возвелъ Государство свое на верхъ благоденствія и я не могу назвать его лучше, какъ — *Эпимондомъ* между Царями!“ — „Превосходное имя! Однакожъ я хотѣлъ бы изгладить Королевство его изъ

Георгия IV. Истинное благородство и величіе духа возбуждаютъ нѣкоторое невольное почтеніе, даже между людьми прошивуположныхъ мнѣній и правилъ. К.

Европейской Карпы!“ — „Но доспославное воспоминаніе Монарха-Философа Вы не можете опнять у потомства!“ — „О, я и не имѣю эшаго намѣренія, любезный *Лемерсье!*“

Здѣсь прервалъ онъ чтеніе слѣдующимъ вопросомъ, котораго я совсѣмъ не ожидалъ: „Скажите мнѣ теперь: кому опдаете Вы первое мѣсто между Полководцами новѣйшихъ временъ?“ — Здѣсь опкрывался мнѣ прекрасный случай, сказать ему пріятную вещь; но ни я, ни онъ не думали тогда о себѣ самихъ. „Между новѣйшими?“ сказалъ я. „Принцу *Евгенію*, которому *Людвигъ XIV* не опдавалъ справедливости и который дѣлался потомъ для него столь ужаснымъ.“ — „А я думалъ, что Вы назовете *Тюрена*. Какъ жаль, что сей Полковедецъ палъ прежде, нежели могъ онъ сразиться съ *Монтекукулли!* Такая битва была бы весьма замѣчательна! Эшо были бы два истинные *Фабіа*, подвизавшіеся другъ противъ друга!“

„Вы слишкомъ мало сказали о *Монтекукулли*,“ продолжалъ онъ, опыскавъ стихи:

Alors deux grands rivaux, envieux de s'abâttre
S'approchoient, s'assiégeoient sans pouvoir se combâttre.
„Имя сго не весьма звучно. О вы, Спихопворцы! Кшо по несчастію носите такое имя, шопъ должны уже опказаться опъ безсмертія.—Подъ начальствомъ сихъ Генераловъ находилось опъ 40 до 50,000 человекъ. Но умѣли ли бы они дѣйствовать столь большими массами, какія употребляются въ наше время? Одинъ только Принцъ *Евгеній* могъ бы дѣлать и съ ними все, что ему угодно.“ — Я повторилъ, что какъ чтеніе Историческихъ и военныхъ сочиненій,

шакъ и взаимное сравненіе знаменитыхъ Полководцевъ, утвердили меня въ мысли, что Принцъ *Евгеній* заслуживалъ между ими первое мѣсто на счетъ храбрости и благоразумія. „Вы сами (продолжалъ я) наиболѣе содѣйствовали къ тому, что я узналъ и оцѣнилъ его по достоинству.“ — „Какимъ образомъ? Мы кажешся никогда объ немъ не говорили!“ — „Но Вы сняли и оставили осаду Маншуй, чтобы устремиться на непріятельскую Армію; Вы успѣли предупредить и разбить ее. Слѣдовательно, Вы не остались запертыми въ ея укрѣпленіяхъ, какъ шомъ Французскій Генераль, коѣго Принцъ *Евгеній*, столь неожиданно и искусно, окружилъ въ собственныхъ его укрѣпленіяхъ. Ишакъ избѣжавъ ошибки одного, показали Вы Геній другаго. Это было для меня наставительнымъ урокомъ.“ — „Теперь я вижу, что мнѣнія Ваши почерпнуты изъ основательныхъ наблюденій. Вообразите, что многіе изъ шѣхъ, кои окружали меня въ лагерь, не могли эшаго понять!“

Impuisable Anthée et vrai fils de la terre,

Pour vaincre en tous le tems ne quitte point ta mère!

„Что значишь эшомъ стихъ?“ — „Онъ написанъ

прошивъ Васъ!“ отвѣчалъ я улыбаясь. — „За что?“ —

„Всѣ увѣряюшъ, что Вы имѣете намѣреніе, здѣлать

высадку въ Англію.“ — Буонапарте отвѣчалъ на сіе

смѣхомъ.

Въ слѣдующихъ стихахъ узналъ онъ себя, при описаніи сраженій при Арколе, Риволи и Маренго. Это польстило его самолюбію пріятнѣйшимъ образомъ. „Я долженъ поблагодарить Васъ и вмѣстѣ просить объясненія. Вы поставили меня на ряду

съ знаменитыми Полководцами; но заключаеше двумя стихами, которые изумили многихъ:

Sâche combler l'espoir, qu'ont donné tes hauts faits.
„Эпо съ Вашей стороны не столько похвала, сколько наставленіе; но Вы продолжаешъ:

Modérne Miltiade, égale Périclès.“

„Второй стихъ,“ ошвѣчалъ я, „поясняетъ первый и изображаетъ благовѣрныя надежды Франціи. Слава *Перикла* неразрывно сопряжена съ воспоминаніями Изацныхъ Искусствъ, Краснорѣчія и внутренняго благоденствія, кои процвѣтали подъ его покровительствомъ. Именемъ *Перикла* ознаменовалъ вѣкъ его, равно какъ *Августъ*, *Медицисы* и *Людвигъ XIV* присвоили себѣ современныя эпохи. Неужели Вы находите неприличнымъ, что я сравнилъ съ ними перваго Консула Франціи?“ — „Хорошо; но къ чему шупъ *Мильтиадъ*?“ — „*Перикль* не былъ воиномъ, между тѣмъ какъ *Мильтиадъ* обязанъ сему званію какъ своею славою, такъ и тѣмъ почешнымъ мѣстомъ, которое занималъ онъ въ Греціи. Соединивъ сіи два имени, хотѣлъ я сказать, что Вы соединяете въ себѣ качества Государственнаго человека съ талантами воина. Неужели мысль эта для Васъ оскорбительна?“ — „Не всякой пойметъ ее одинакимъ образомъ; ибо съ другой стороны, слова сіи напомнятъ можете быть нашимъ Аѳинянамъ, что не худо бы посадить имъ своего *Мильтиада* въ шюрму. Не правда ли? Я вижу, что Вы покраснѣли!“ — „А я замѣнилъ, что Вы блѣднѣете. Эпо служите только доказательствомъ, что всякая неожиданность дѣйствуетъ на насъ различнымъ образомъ. А я признаюсь, что замѣчаніе это было

для меня совсѣмъ неожиданнымъ.“ — „Эпо не мое исполкованіе: Г. Н. Н. сказывалъ мнѣ вчера, что многіе придають словамъ Вашимъ эпошъ смыслъ.“ — „Въ такомъ случаѣ“, возразилъ я съ жаромъ, „Г. Н. Н. ошибается; ибо я не хочу подозрѣвать его въ злобномъ намѣреніи, здѣлашь мнѣ вредъ.“

Тутъ первый Консулъ дружески пожалъ мнѣ руку. „Осшавимъ эпоихъ болшуновъ!“ сказалъ онъ, желая перемѣнить разговоръ. „Ваша похвала Генералу Дезе меня очень пронула.—Я раздробилъ эпоихи Ваши, дабы ничего не осшавишь безъ вниманія. Теперь попрошу я Васъ, прочешъ ихъ вмѣстѣ, чтобы я могъ ими наслаждашься.“ Я взялъ книгу и исполнилъ его волю. Когда я окончилъ сіе чшеніе; шо Наполеонъ всшаль съ своего мѣсца и просилъ постѣшить его эпоашъ въ непродолжисельномъ времени. Узнавъ, что я въ шошъ же вечеръ хошѣлъ возврашисья въ Парижъ, пригласилъ онъ меня, ночевашъ въ Мальмезонѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ч а с о в н я .

Э л е г і я .

Нахмурясь облака, какъ мрачная завѣса,
Сокрыли отъ очей лазурный небосклонъ
И будишь шипину въ глуши уснувшей лѣса
Несущійся съ полянь осенней бури стонъ.
Въ сѣни шайншвенной часовня обвѣшшала
Зовешь прохожаго на прагъ ошдохнушь;
Межъ четырехъ пушей она смиренно спала
И къ ней приводишь каждый пушь!

*

Здѣсь нѣкогда Герой, честь храбрыя дружины,
Когда помилася свящяя Русь въ цѣпяхъ,
Моголы грозные, пришельцы-власшелины,
Съ мечемъ и пламенемъ несли повсюду шпрахъ, —
Уединясь въ сѣи лѣса непроходимы,
Съ прелесшной дѣвою и Пашыремъ свяшымъ,
Изрекъ свяшой обѣшь, отъ сердца приносимый,
Предъ внемлющимъ Ошцемъ благимъ.

*

Союза двухъ сердець свидѣшелями были
Надъ лѣсомъ сумрачнымъ склоненны небеса,
Предъ коими они любовь свою ошкрыли, —
И съ пламенной слезой молилася краса.
Но, дѣва горесши, взлелѣянна напашью,
Въ дни грозны разцвѣла ты жизнью молодой
Вошще невѣрному ты довшрлялась счашью,
Мелькнувшему передъ шобой!...

*

Твой другъ Пресвипера пріявъ благословенье
И первый поцѣлуй любви занечаплевъ,
Въ минушу радости, повергнулся въ смущенье
Какъ бы услыша вдругъ Небесъ правдивый гнѣвъ;
Спенящей родины всю тяжесть мукъ и пѣна
Онъ съ счастьемъ своимъ со шрепшомъ сравнилъ
И обнаживъ чело, предъ Богомъ силъ колѣна
Торжественно онъ преклонилъ.

*

„Да будешь,“ онъ вѣщаль, „любовь Тебѣ залогомъ
Къ ошчизнѣ спраждущей усердья моего!
Клянусь глубокихъ чувствъ симъ пламеннымъ воспор-

гомъ,

Чшо гласъ ея сынамъ священіе всего.
Иду, иду съ врагомъ за Твой Олшаръ сразишься,
Иль славно побѣдишь, иль славно умереть:
Сей долгъ свяшой велишь съ подругою просишься,
И счастья брачнаго не зрѣшь.“

*

Такъ храбрый сынъ снѣговъ клялся, подѣмля длаци,
И острый мечъ въ рукѣ могучаго сверкалъ;
И, яростный, мечталъ, чшо имъ въ священной браци
Моголовъ гордыхъ сонмъ безспрашно поражалъ.
Прощаясь Славянинъ съ рыдающей подругой,
Душою всею былъ средь браннаго огня;
Надѣвъ пернашый шлемъ и осынась кольчугой,
Садился гордо на коня.

*

Пресвишеръ возносилъ горѣ свои молишвы
О поспѣшеніи благомъ ему Небесъ;
И воинъ весело пустился въ поле бишвы;
И слабыхъ двухъ сирощъ сокрылъ дремучій лѣсъ.

Решиваго коня былъ долго слышенъ попошь;
Судруга объ руку шла съ старцемъ со слезой;
Онъ Вѣрою свяшой смирялъ спраданыя ропощъ,
Доколѣ смолкнулъ лѣсъ глухой.

*

Свершилось! Грозныя сразилися дружины
И вколебалася подѣ храбрыми земля;
Спешенія враговъ ошгрянули пучины
И обагрилися цвѣтущія поля.
Пришельцы гордые бѣжали пораженны,
Ошанки смрадные ошавя по слѣдамъ.
Низшелъ желанный миръ въ край родины священной,
Неся блаженство двумъ сердцамъ!

*

И въ память горешной друзей своихъ разлуки
Благочестивый мужъ воздвигнулъ въ мѣсцѣ шомъ,
Часовню скромную, гдѣ ихъ сердечны муки,
Въ повѣствованіи онъ изложилъ прашомъ.
Вѣка минувшіе съ дѣяньями забышы;
Селенія рушилися, другія вознесилися;
Но древности слѣды не всѣ для насъ сокрышы:
Рукою добрыхъ сбереглися.

*

Въ лѣсу дряхлѣющемъ, передѣ часовой шомъ,
Со знаменьемъ Креста прохожіе идушъ
И старцы юношамъ съ сердечною слезомъ,
Собышье древнихъ дней въ завѣтъ передающъ;
И шедши далѣе по сумрачной дубравѣ,
Не прашающъ они бесѣдовашъ мечшой
О храбросши ошцевъ, объ ихъ напашахъ, славъ
И къ родинѣ любви свяшой!

Сонъ Людмила.

Зима суровая настала;

Я шла домой: погода бушевала

И хижину, гдѣ жилъ Людмилъ

Съ шрудомъ взоръ мрачный находилъ.

*

И долъ и лѣсъ покрылись пеленою;

Мой съ лаемъ спражь бѣжалъ передо мною.

Въпрѣ бурный рощамъ говорилъ:

„Гдѣ швой Людмилъ? гдѣ швой Людмилъ?“

*

Изъ облаковъ луна сверкала;

Я съ страхомъ на нее взирала;

Мнѣ слабый лучъ ея швердилъ:

„Какъ я, погаснешъ швой Людмилъ!“

*

Я грустью, бурей ушомленна,

Въ сонъ крѣпкій пала погруженна.

Пустынный колоколь завылъ!

Проснулася я . . . но спалъ Людмилъ.

*

Сестра его въ слезахъ стояла;

Ея рука въ моей дрожала.

„Онъ счастливъ! — (кто-то мнѣ шепнулъ) —

„Сномъ вѣчнымъ швой Людмилъ заснулъ.“

В. Пушкинъ.

Къ 19-ти-лѣтней Альбіонянкѣ.

Я много видѣлъ дѣвъ молодыхъ:
Какъ мѣсяць свѣшлый — взоромъ лсныхъ,
Какъ розы Майскія — прекрасныхъ;
Но — ни въ мечтаніяхъ моихъ,
Ни въ сновидѣніяхъ чудесныхъ,
Волшебныхъ, свѣшлыхъ и прелесныхъ,
Тебѣ подобной не видалъ.
Ты сладко сердце мнѣ плѣнила
И въ немъ огонь спящій пробудила;
Ты *та*, кошорую искалъ,
Съ шоской и сильнымъ упованьемъ,
Души шаиншвеннымъ желаньемъ.
Тобой почувшвовалъ себя,
О Пери Стѣвера младая!
О дѣва сердца неземная!
Нашель себя! . . . . Люблю тебя!

Люблю тебя! . . . . Прогналиъ тебе! Олимпъ.

С. М. Мартиновъ

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XLV.

П Р О З А.

Взглядъ въ челоуѣческое сердце.

Г Л А В А I.

Съ какою цѣлью должно наблюдать челоуѣческое сердце.

Неужели изученіе сердца челоуѣческаго можетъ служить только къ тому, чтобы дать намъ яснѣйшее понятіе о людяхъ, о нашихъ къ нимъ отношеніяхъ и чтобы руководствовать насъ въ нашемъ поведеніи? Еслибы оно симъ ограничивалось; то научивъ печальной предусмотрительности, безъ сомнѣнія оспергло бы насъ опытъ изумленія и нѣкоторыхъ обмановъ, но за то сколькихъ бы сладкихъ заблужденій оно насъ лишило! — Истинная мудрость не есть подозрительность, иссушающая сердце: мудрый недоуверчивъ самъ къ себѣ и опкровененъ съ другими. Сохранишь чистоту души и счастливое ко всемъ доуверіе, значить вкусить на землѣ все блаженство, къ какому челоуѣкъ здѣсь способенъ. Благая воля Создателя сдѣлала для насъ будущее непроницаемымъ; но завѣса, его сокрывающая, была бы разорвана, еслибы мы проникнули въ глубь челоуѣческаго сердца въ пе-

перешнемъ его состояніи, ш. е. въ свѣтъ, посреди различныхъ спрашекъ, копорыя его движущь, окаменяющь и развращающь. Какую бы печальную картину представила намъ дорога жизни, если бы мы съ юныхъ лѣтъ могли смотрѣть на нее съ наспоющей почки зрѣнія? Дружба безпрестанно бы пререшала и безпокоилась; благодѣтель не осмѣливался бы полагаться на благодарность; всѣ небесныя чувствованія ослабли бы и уничтожились и никпо не имѣлъ бы духа, съ безпечностью наслаждающь законными благами жизни. Единственно въ недосыгаемыхъ пустыняхъ полезно, совершенно удосповѣриться въ непостоянствѣ чловѣковъ; но да сохраняющь навсегда опкровенность чистой души и чувешвишельность всѣхъ шѣ, копорыя по обязанности или склонности прикованы къ міру. Знаю, что можно назвать многихъ людей, не испытавшихъ въ свой вѣкъ ни измѣны въ дружбѣ, ни неблагодарности; но эшо значить шолько то, что счастье постоянно ихъ лелѣяло, а счастливецевъ не кидающь и счастливецамъ не измѣняющь. Любимцы Форшуны уносящь съ собою въ могилу плѣнишельныя заблужденія; одни несчастныя видящь истину и перестаютъ обманываться. Ишакъ не для того, чтобы научить людей недоверять другъ другу, пожелаъ я заглянущъ въ глубь сердца чловѣческаго: у меня была цѣль благороднѣйшая, и въ слѣдующей главѣ я изложу причины, меня къ тому побудившія.

Г Л А В А II.

Продолженіе предыдущей.

Первою спрашкой моей молодости было желаніе учиться. Не шщеславіе мнѣ вдохнуло его; созерцающь чудесныя и образковыя шворенія Природы и Искусствъ,

я захопѣлъ *знать*, чтобы лучше наслаждаться; я искалъ такого просвѣщенія, которое бы возвышало мою душу и удовлетворяло моей чувствительности. Сухость и холодность Наукъ мнѣ наскучили; онѣ не предлагали мнѣ ни одного изъ тѣхъ слѣдствій, коиъ искалъ я; онѣ не дѣлали меня ни лучшимъ, ни больше свѣдущимъ въ моихъ должностяхъ и я по неволѣ заключилъ, что онѣ также пусты, какъ самыя безполезныя Искусства. Я рѣшился совершенно посвятивъ себя изученію Нравственности и, желая спросить ее на твердомъ основаніи, я нашелъ его въ одной Религіи. Тогда всѣ запутанныя мои понятія пришли въ стройный порядокъ; душа моя возвысилась; я наслаждался неизъяснимымъ удовольствіемъ, постигать то и удивлялся тому, что до тѣхъ поръ казалось мнѣ совершенно непонятнымъ. Мнѣ казалось, что въ душѣ моей разгоралась священная искра ума, вдуваемая Божественнымъ дуновеніемъ Создателя; что я чувствую теплоту сего огня, гасающагося Вѣрою и погашаемаго спраснями и добровольнымъ заблужденіемъ. Божественная Религія, вмѣстѣ и поучительная и таинственная, сокрыла отъ меня всѣ безполезныя знанія и все то, чего не въ силахъ постигнуть умъ человѣчскій; но объяснила мнѣ все, для меня необходимое. Съ восхищеніемъ созерцалъ я сокрытую подъ великолѣпнымъ покрываломъ, небесную истину: она открывается для того, чтобы освѣщать намъ быстрый путь нашъ по неизвѣстной дорогѣ, а не для того, чтобы удовлетворять пустому любопытству.

Такъ *Паскаль*, одинъ изъ величайшихъ мужей XVII вѣка, справедливо замѣнилъ, что одна Религія совершенно изъясняетъ всего человѣка. Такъ, и одинъ разумъ достапочень къ убѣжденію меня въ паденіи человѣка съ высоты первобытнаго его величія. Сіе доказа-

нелъстиво истины Религіи, независимо оупъ всѣхъ другихъ, показалось мнѣ неопровергаемымъ; но я былъ увѣренъ, что взгляды въ глубь сердца человѣческаго еще болѣе ушвердишь меня, и въ семъ увѣреніи спалъ я дѣлашь наблюденія надъ человѣкомъ и его склонностями.

Г Л А В А III.

Въ какомъ состояніи человекъ ближе всего къ Природѣ.

Гдѣ найду я сіи близкія къ Природѣ существа, которыя наблюдать я намѣренъ? Въ обществѣ образъ мыслей человека зависить оупъ его воспитанія, чпенія, преданія. Подражатель оупъ лѣности, оупъ почишаетъ привычки склонностями. Спану ли наблюдать поселянь? Безпрерывная и изнуришельная работа лишаешъ ихъ средства усовершашъ душевныя способности; но и они также имѣють свои преданія, привычки, обычаи, предразсудки — Представлю ли себѣ существо, лишенное сообщенія съ людьми, въ минупу своего рожденія? Мы видѣли нѣсколько такихъ несчастныхъ существъ и нашли въ нихъ человекъ, лишенныхъ всѣхъ душевныхъ способностей и почти оскотѣвшихъ. Между шѣмъ сіи жалкія твари не совѣтъ для земли безполезны. Онѣ разительнo доказывають необходимость Откровенія: таковъ былъ бы человекъ безъ непосредственнаго сообщенія своего съ Существомъ Высочайшимъ. Единый Богъ имѣлъ власть, развернуть въ насъ сѣмена данной намъ способности мыслишь: какъ искра вѣчно оспашеся заключенною въ кремнь, если поспоронная сила не освободитъ ее; такъ душа, лишенная Божескаго Откровенія, не можешъ сама отрясти съ себя праха. Человекъ, не воспользовавшийся благодѣянiami Откровенія, оспашеся нѣмымъ и безпоняшнымъ.

Всемогущее Слово, Слово Божіе, не проникло въ его душу — и онъ не будешь имѣть языка; онъ только спанешь произносишь несвязные звуки и пресмыкаешься по землѣ. Слава мірская, сія шнь истиннаго блаженства, не можешь имѣть цѣны въ глазахъ его; онъ умрешь не живши, не зная своего собственнаго ума, не наладившись сердцемъ; онъ сойдесть въ могилу, не оставивъ ни слѣдовъ, ни сожалѣнія. Не спанемъ скорбѣшь объ немъ: Богъ Судія произвольнаго невѣденія. Пожалѣемъ о гордыхъ и неблагодарныхъ.

Гдѣ же найду я предметы для наблюденія? Поѣду ли къ дикимъ Ордамъ? Спану ли между Канадцами, Гопшеншопами, Канибаллами искашь челоуѣка Природы? Философы согласно увѣряюшь меня, что таковы были челоуѣки, вышедшіе изъ рукъ Природы. Разсмотримъ: основательно ли сіе споль укоренившееся мнѣніе?

Г Л А В А IV.

О д и к и х ъ.

Создашель ничего не сотворилъ безъ цѣли. Все, что искусство челоуѣка имѣешь возможность усовершенствовашь, брошено въ міръ необработаннымъ, грубымъ. Всевышній хощьль предославить челоуѣку славу усовершенствования. Сія высокая мысль вошла въ обширный чершежь Бога, поставившаго челоуѣка Царемъ земли, осудившаго его къ прудамъ и давшаго ему способность усовершенствовашься. Богъ, вмѣсто того, чтобъ создать скалы и утесы, власнень былъ создать чертоги и дома, очистишь золото, ограничишь алмазы; могъ дать дикимъ произрашѣніямъ полей шощъ же вкусъ, цвѣшь, запахъ, какіе сообщило имъ искусство. Онъ не здѣлалъ сего: Онъ предославилъ сіе дѣло челоуѣку. Ишакъ расшѣніе, земледѣлецъ удобреннос,

исполняешь свое назначеніе лучше, нежели дикое, которое, по недосшатку попеченій о немъ, каждый день стано-
вится поще и безильнѣе.

Падшій человекъ, сынъ справедливо наказанный, но не опрѣщенный отъ наслѣдства, пользуешься счастливымъ правомъ, украшать свою опчину и не смотря на свое уничтоженіе, не смотря на суровую, необходимую и шрудную работу, въ самомъ наказаніи своемъ находишь еще слабый лучъ славы, печать своего достоинства и опеческую любовь своего Создателя. Лучшее швореніе Божества, человекъ обязанъ развернуть все свои способности: симъ только однимъ исполняешь онъ волю Того, Кто одарилъ его умомъ, памяшью, разсудкомъ. Какъ же опредѣлимъ шеперь *человѣка Природы*? Человекъ Природы есть пошъ, кто лучше другихъ исполняешь свое назначеніе; пошъ, кто болѣе другихъ усовершенствоваль свои душевныя и шѣлесныя способности и всеми ими пользуешься самымъ лучшимъ образомъ. Я говорю: *лучшимъ*, пошому, что совершенно образованный умъ его покажетъ ему истинное, доброе ихъ употребленіе. Богъ одарилъ насъ памяшью, чтобы удерживашъ понятія въ головѣ нашей; умомъ, чтобы различашъ истинное отъ ложнаго; шочно шажже, какъ сошворилъ онъ намъ ноги, чтобы мы могли ходишь, а глаза глядѣшь. Изъ эшаго слѣдуешь, что человекъ, сполящій почти на низкой степени животнохъ, не можетъ бышь *человѣкомъ Природы*: это существо грубое, необразованное, обезображенное пороками, ему чуждыми. Дикій есть человекъ унизившійся; многіе хваляшь его за то, что онъ не имѣетъ честолюбія и презираетъ роскошь. Правда, что его льношь и невѣжество не дозволяютъ ему бышь приобрѣшателемъ. Но на что ему приобрѣшатъ поля, когда онъ не хочетъ ихъ обрабатывать? За то онъ шрашно любитъ роскошь, ему

знакомую: перья, раковины, кораллы. Онъ рабъ самыхъ грубыхъ предрасудковъ и обычаевъ; въ немъ закоренѣли ложныя преданія, въ младенческомъ зашверженныя. Онъ пошерялъ природную способность пахать землю; способность, могущую опличить его опъ живопныхъ; онъ равнодушенъ къ чудесамъ шворенія, и благодѣянія Творца для него пошеряны; онъ не умѣеть ни собирать ихъ, ни сохранять; наконецъ, онъ изгналъ изъ сердца самое естественное чувство — *жалость*. Всѣ дикіе дюдофды пишаюшя мясомъ плѣнныхъ непріятелей. И Философы имѣюшъ духъ называющъ звѣря, пожирающаго себѣ подобныхъ, — челоѡкомъ!

Гдѣ же найду я предметъ, который наблюдашь намѣреваюсь? Повсюду вижу поддѣльныя склонности или порочныя привычки, болѣе или менѣе обезображивающія перво-бышній его образъ. Вижу, что мнѣ должно взять другую дорогу для доспизенія моей цѣли: хочу искашь, какимъ долженъ бышь челоѡкъ, согласно съ намѣреніемъ, которое имѣлъ Богъ при создании его и какого рода должны бышь его съ Нимъ сношенія. Ибо я не хочу изображашь челоѡка общесшвеннаго: это значило бы описывашь нравы и обычаи, а сіе многіе прежде и лучше меня здѣлали. Напротивъ, хочу обнажить сердце челоѡческое опъ всѣхъ привычекъ и предрасудковъ и показашь его такимъ, какимъ бы оно было, слѣдуя направлению Природы. Спану искашь, каковы есть и каковы должны бышь природныя склонности челоѡческаго сердца и постараюсь доказашь, что счастье состоишь въ искусствѣ обрабошашъ и направишь сіи склонности и движенія, сообразно съ благодѣшельнымъ намѣреніемъ Виновника бышя нашего.

Г Л А В А V.

О Наукахъ и дарованіяхъ.

Желая глубоко проникнуть въ изгибы сердца чело-
вѣческаго, несправедливо дѣлашь опыты надъ существами
ограниченными, лишенными приобрѣтенныхъ понятій
и познаній и думаешь, что обработанный умъ (въ пря-
момъ значеніи) поришишь и развращаетъ сердце.
Таково однако общее мнѣніе Философовъ, кото-
рые думаютъ, что наблюдать челоѣка должно
только между дикими. „Тамъ“ — говорятъ они —
„ничто не могло изгладить закона естественнаго.“
Какъ будто самыя природныя склонности, худо направ-
ленныя, не могутъ ни ввести въ заблужденіе, ни раз-
вратить! И гдѣ законъ естественный больше забытъ
и поправъ ногами, какъ не между людоедами? Челоѣкъ
паль, свѣщильникъ его погасъ и потому онъ имѣетъ
нужду *въ постороннемъ свѣтѣ*; у него оспалась только
способность, различить истину и принять ее. Изъ
такой зависимости само собою слѣдуетъ, что онъ
не можетъ сохранить ее въ чистотѣ и совершенствѣ,
не признавъ, изъ какаго источника она происходитъ.

Если небесный свѣщъ не озаряетъ его; то онъ
останется въ самомъ глубокомъ мракѣ. Приобрѣтенныя
познанія останутся безплодны или вредны, а дѣйствіе
ихъ будетъ поверхностно и даже пагубно.

Челоѣкъ не слѣпъ; но въ поспушкахъ своихъ похо-
дитъ на того, кто, будучи одаренъ хорошимъ зрѣніемъ,
въ темную ночь, безъ свѣчи ничего не видитъ. Въ немъ
нѣтъ свѣта, а есть способность имъ пользоваться;
огни свѣща — и онъ ничего не увидитъ.

Только одно полезное челоѣкамъ есть добро и до-
стойно нашего удивленія; но людямъ истинно полезно

только то, что можешь сделать их лучшими. *Единственный источник счастья есть добродетель и краснотельный камень Нравственности есть Вѣра.* Однажды навсегда принявъ сіи правила, мы избавимся отъ самаго вреднаго и повсюду распространившагося заблужденія, руководствуясь копорымъ мы вѣчно несклаши удивляемся и презираемъ.

Тѣ, кои властію, примѣромъ, трудами, дарованіями и сочиненіями споспѣшествовали очищенію нравовъ, одни имѣютъ право на имя благодѣтелей рода человѣческаго. Какую бы кто ни принесъ видимую пользу, какимъ бы блескомъ славы ни украсился, онъ здѣлалъ зло, если имѣлъ вредное вліяніе на нравы. На что украшать зданіе, когда, стараясь убрать его, ты подкапываешь его основаніе?

Г Л А В А VI.

О согласіи главныхъ склонностей челоука съ его назначеніемъ.

Если бы челоукъ, спрасно привязываясь къ мнущимъ существамъ, могъ найти счастье; если бы сильнѣйшія побужденія его происпекали изъ его самолюбія; — то я бы не призналъ безсмертіе и небеса его удѣломъ. Но я вижу, что сильныя спраси никогда не ведутъ къ счастью; вижу, что самыя непорочныя и живыя чувствованія, какъ то жалость, мапернская любовь и проч., суть самыя безкорысныя. Нахожу, что самыя восхищительныя движенія души производятся чувствованіемъ, копорое я ощущаю, а не шѣмъ, копорое вдыхаю другимъ; нахожу, что одно изъ сладчайшихъ наслажденій сердца челоуческаго имѣетъ свое начало въ чувствѣ удивленія, доходящаго до восторга. „Удивленіе,“ говоритъ *Дидеротъ* въ Энциклопедіи, „*есть*

чувствованіе, которое едва ли можно назвать страстью.“ Совершенно ложное понятіе; ибо удивленіе есть одно изъ самыхъ спраспныхъ движеній души, если зависть не оправляетъ его. И въ самомъ дѣлѣ, оно не есть спрасъ свѣскихъ людей, а спрасъ, вмѣстѣ со многими другими первобытными чувствованіями, достояніемъ проспаго народа оставшаяся.

Если зависть не борется въ насъ съ чувствами Природы; то мы не устанемъ съ воспоргомъ удивляться всему, что кажется намъ великимъ. Сіе чувство, глубоко врѣзанное въ душъ нашей, заспавляетъ насъ при представленіи Трагедіи лишь сладкія слезы; оно заспавляетъ насъ брашь споль сильное учасіе въ дарованіяхъ юношества. Мы увлекаемся и предполагаемъ, что сіи дарованія будутъ чудесны. Оно заспавляетъ насъ любить все сверхъ-естественное: мы бы хотѣли видѣть безпрестанныя чудеса, чтобы непрерывно имъ удивляться. Сердцу челоѣка необходимо вѣрить во что нибудь таинственное, непоспимое. Это безконечное удивленіе, сіе чувство смиренія есть предвѣшникъ того, что сія нѣжная и высокая поспребность души можетъ быть удовлетворена только въ вѣчности; а въ сей жизни оно есть доказательство и замѣна слабыхъ познаній нашихъ. Природное пристрастіе наше къ чудесному происходитъ отъ того, что мы обязаны обожать Существо, по своему величію, могуществу и совершенствамъ непоспимое; что Богъ хранитъ для насъ таинства, не откровенныя до тѣхъ поръ, пока мы прикованы къ смертному тѣлу; что сіи великія таинства должны быть намъ отккрыты. Напрасно гордость говоритъ намъ: *„вѣрь только тому, что ты постигаешь.“* Но таинное сладкое чувствованіе, несравненно сильнѣйшее гордости, съ непобѣдимую си-

люю влечешь насъ къ чудесному, къ сверхъ-естественному. Здѣсь очень замѣчательно, что человекъ, сіе щцеславное швореніе, съ гордостію опирающесея на свой разумъ, находишь прелестъ въ томъ, что уничижашъ разумъ и приводишь его въ смяшеніе; вопъ доказательство его нынѣшняго ничпожества, невѣжества и — исповданіе сего невѣжества передъ Тѣмъ, кто все вѣдаешъ!

Сія-шо врожденная любовь къ чудесному производишь споль нелпья басни между дикими; она въ просвѣщенныхъ Государствахъ свергаешъ народъ, сбросившій легкое иго Вѣры, въ споль пагубное суевѣріе. Самые ученые безбожники не меньше другихъ готовы вѣришь чудесному и между шѣмъ, какъ опвергають Религію, обуздывающую порокъ и очищающую нравы, часпо предаются они самому смѣшному суевѣрію: — вѣряшь *гадальщикамъ, Сомнамбулизму, Симпатическому порошку!*

Я не находилъ грубаго самолюбія въ сердцѣ, не совершенно испорченномъ. Въ первыя движенія его возвышенны; человекъ, чпобы спасти незнакомца, бросаешся въ воду, въ огонь, безъ большихъ усилій сносишь бѣдствія, которыя бы въ другомъ разперзали его душу. Кто не былъ въ жизни своей болте распроганъ чужими, нежели собственными несчастіями? Жалость, дружба, материнская любовь пролили въ тысячу разъ болте слезъ, нежели собственные спраданія. Терпѣшь одному сносно: убійственны сердцу удары, ошъ другаго сердца опражающіеся.

Къ сей потребности удивляшся, о коей мы сей часъ говорили, человекъ присоединяешъ ненасыпимое любопытство, для котораго никакаго ума, никакой

памяти недоспаечно; онъ желалъ бы все знать и не можеть ни во что углубляясь. Сіе пламенное любовишество, всегда въ сей жизни обманутое, естъ ничто иное, какъ предчувствіе и служишь только доказательствомъ того, что естъ великія таинства, конхъ открытіе содѣлаеть со временемъ его славу и блаженство.

Наконецъ непостоянство, столь свойственное сердцу человѣческому, оправдывается назначеніемъ чловѣка. Безсмертная душа не сотворена привязываься къ предметамъ гнбущимъ и мгновеннымъ.

Если таково сердце чловѣческое; то зачѣмъ оно одарено такою глубокою чувствительностью? Она не можеть ни привязать, ни удовлетворить его, а можеть только сдѣлать его несчастливымъ, когда онъ захочеть искать драгоценнѣйшихъ благъ своихъ въ земной жизни! Зачѣмъ дано сердцу сіе страстное желаніе удивляться, когда ничто на землѣ, исключая Божія созданія, не достойно постояннаго и живаго удивленія? Зачѣмъ желаетъ чловѣкъ все знать, когда ничего не въ силахъ совершенно расшолоковать себя?..... Какаго рода то Существо, коего естественныя побужденія и благороднѣйшія склонности вѣчно воюють съ его назначеніемъ?..... Все сіе сдѣлаеться яснымъ, какъ скоро мы представимъ себѣ, что Всевышній создалъ насъ для Себя и что Онъ, единственный образецъ всякаго совершенства, естъ вмѣстѣ и единственный источникъ всякаго блаженства. Тогда чловѣкъ, возвышаясь къ Виновнику бытія своего, возвратишь себѣ первоначальное достоинство, выполнишь свое назначеніе и удовлетворишь своимъ чувствованіямъ: *знать, понимать, быть постоянно, любить и удивляться неограниченно.* Развернемъ сіи мысли.

ГЛАВА VII.

О непостоянствѣ.

Желать и надѣяться! — вопль цѣль, съ копорую человекъ на нѣсколько часовъ брошенъ на землю. Здѣсь все блаженство его состоитъ *въ ожиданіи*. Гоняясь за ложными благами и ошибаясь при каждомъ новомъ опытѣ, онъ говоритъ самъ себѣ: *Ты не того искалъ!*

Отсюда происходитъ сія общая всемъ людямъ спрашивать новоспичамъ: мы всегда ожидаемъ чего-то неизвѣснаго, чего-то шакого, чего не нашли въ предметахъ, намъ извѣстныхъ. Невѣденіе окрыляетъ желаніе; въ семъ случаѣ любопытство есть надежда, копорую безпрестанно разрушаетъ существенность, показывая намъ, что мы гнались въ сей жизни за пустыми химерами. Человекъ ищетъ прочнаго блага и напрасно ищетъ его въ скоропреходящихъ наслажденіяхъ; здѣсь само непостоянство дѣлаетъ ему честь и показываетъ истинное его назначеніе. Онъ не перестаетъ искашь, не перестаетъ обманываться. Его наслажденія существуютъ въ одномъ воображеніи; ибо природное побужденіе не обманываетъ его. Оно даетъ ему понятіе о верховномъ благѣ; но сіе понятіе сбивчиво безъ Религии и скоро дѣлается ложнымъ, если мы попустимъ спрашивать омрачить его.

Заблуждающійся человекъ безпрестанно мучится опъ обращеніемъ опъ всего и сомнѣіемъ. Сомнѣіе для него есть самое несносное и самое противное Природѣ его состояніе; ибо, какъ мы уже сказали, ему необходимо — вѣровать. Между тѣмъ, какъ желанія и спрашнн его скоропреходящи, понятіе о безконечности живо въ его воображеніи, и оно по увеличиваніи его надежды и спрахи. Человекъ пресмыкается, а воображеніе его летаетъ; но, лучезарное знаменіе его благороднаго про-

исхожденія, оно обманываетъ его, удаляясь отъ Бога, и гонится за жалкими химерами; общая челоѣку вообразительное блаженство, лишаетъ его заблужденіями; живописуя ему наслажденія мечтательныя, подстрекаетъ его желанія и такимъ образомъ содержитъ его въ безпрестанной тревогѣ, въ безпокойномъ ожиданіи чего-то ужаснаго. Тогда челоѣкъ блуждаетъ въ слѣпотѣ; безумно гоняется за улетаящими отъ него призраками, которые мгновенно исчезаютъ, какъ скоро онъ протягиваетъ руку схватить ихъ. Сомнѣвающійся, безпокойный, обуреваемый: спрашями, попеременно переходя отъ надежды къ страху и, совсѣмъ не подозревая сего, видитъ себя у предѣла жизни, полной горькихъ воспоминаній и печальныхъ предчувствій.

Блаженъ, тысячу разъ блаженъ тотъ, кто съ перваго шага по дорогѣ жизни, видитъ цѣль ея и никогда не теряется изъ вида! Онъ всегда въ мирѣ самъ съ собою; онъ начерпалъ для себя свои обязанности и никогда отъ нихъ не удаляется, но идетъ по прямой дорогѣ, — единой вѣрной и ведущей къ цѣли. Въ Нравственности нѣтъ для него ничего противорѣчащаго, запущаннаго, неяснаго: истина, каждый день болѣе и болѣе передъ нимъ разоблачается, каждый день являясь ему достойнѣе любви и величественнѣе, наконецъ, на краю гроба, откроется созерцашельнымъ очамъ его во всей красотѣ и блескѣ.

(Продолженіе впереди.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Память о Божіихъ словахъ.

*„Примле земли душа моя, живи мя по словеси
Твоему. —*

(Псаломъ 118.)

Еще на тѣ же раны — стрѣлы!...
Живаго мѣста въ сердцѣ нѣтъ!
Но шайный рокъ развдрѣпѣлый
Меня пѣсннхъ ошъ раннихъ лѣтъ!
Въ слезахъ я жизнь младую встрѣшилъ;
Мнѣ чуждъ былъ всѣмъ родимый міръ;
Я не званъ къ счастью на пиръ
И счастья въ буряхъ не примѣшилъ.
Мое все доброе — какъ сонъ,
И помню я лишь сердца спомнъ!
Меня могучее волненье,
Какъ брошенный челнокъ влекло
И рано грустное сомнѣнье
И умъ и сердце облегло. —
Я съ жизнью, какъ съ волнами, бился;
Но, припаяся ошъ враговъ,
Къ Тебѣ, мой Богъ! сберегъ любовь
И въ шайнѣ все Тебѣ молился....
И мнѣ казалось часто, Ты
Какъ будто бралъ во мнѣ учасье;
И мнѣ неясныя мечпы
Какое-то сулили счастье....
Шепталъ мнѣ часто сладкій гласъ:
„Не унывай, что жизнь какъ время!
„Минующъ годы; придетъ часъ
„И лучшее настанетъ время.
„Не погашай души въ слезахъ:
„Есть *Око* въ вышнихъ небесахъ!“....

Но годы вихремъ быспрымъ мчали,
 Какъ лиснь осенній, жизнь мою :
 Печали сердце расшерзали,
 Какъ враны добычу свою.
 Когдажь придешь?.... О Милосердый!
 О Богъ, въ Своихъ обьпахъ пвердый!...
 Когда, утпшенный Тобой,
 Окончу я съ бѣдами бой?...
 Какъ дивны камни самоцѣпны,
 Какъ сердца пайную любовь,
 Берегъ Твоихъ я пайну словъ,
 Идя сквозь бури многолпшны.
 Еще со мной Твои слова....
 Но вотъ, отъ слезъ стараюшь вѣжды.
 Ахъ, лучшія мои надежды
 Прошли, какъ ложная молва....
 Но долго ль такъ еще скипашься?
 И все ль такъ темень будетъ пушь?
 И долго ль млпшь и надрываешья?
 Отъ грусти наболѣла грудь...
 Отець! Ужель сей мiръ прекрасный
 Ты бросилъ грѣшнымъ и бѣдамъ?
 Ужели пруженикъ несчастный
 Не сыщеть вѣкъ стези въ Твой храмъ?
 Воскресли жъ Боже, Боже правый!
 Уже вездѣ грѣхи кипятъ ;
 Пируешь въ замыслахъ лукавый ;
 Твоихъ людей, какъ хлѣбъ ѣдашь!
 Но пуспъ шекушь печальны лѣшы!
 Твои я помню словеса :
 Пройдушъ, склубившись, небеса,
 Но не пройдушъ Твои обтшы!

Ѡ. I лнка.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XLVI.

П Р О З А.

Взглядъ въ челоуѣческое сердце.

(Продолженіе.)

Г Л А В А VIII.

О жестолубіи.

Сотворенный, если будешь сего достоинъ, для безсмертной славы, челоуѣкъ долженъ быть честолубивымъ. Не будучи на своемъ мѣстѣ, онъ обязанъ желать возвышеннѣйшаго; но не будучи просвѣщенъ Религіею, онъ слѣпо мчится за мірскою славою. И сія обманчивая слава никогда не удовлетворитъ его: желанія его безпрестанно будутъ расти. Онъ никогда не насытится; ибо никогда не получитъ чего-либо, могущаго наполнить душу безсмертную. Челоуѣка не ушѣшитъ завоеваніе цѣлой вселенной, если не сопряжено съ симъ попятіемъ о безсмертіи его имени; ему нужна гораздо обширнѣйшая будущность, нежели земное его существованіе. Но могъ ли бы онъ заранѣе наслаждаться славою, долженствующею пережить его, если бы не чувствовалъ, что переживешь сей быстрый переходъ, сію

часовую ссылку? Зачѣмъ сіе благородное чувство споль худо направляешся? Сколь жалкимъ и мѣлочнымъ покажешся намъ честолюбіе свѣтскаго чловѣка, въ сравненіи съ честолюбіемъ чловѣка набожнаго! Одинъ жертвуетъ собою для пріобрѣтенія ложныхъ благъ, которыя даны ему заимообразно и на такое короткое время. Другой попираетъ ногами все, что скоропременно, что не вѣчно: онъ стремится къ величію неувыдаемому, къ Небу, желаетъ бесѣдовать съ Богомъ!.. Увы! казалось бы, что одной чувствительности довольно для обузданія мірскаго честолюбія: чловѣкъ, заслуживъ удивленіе, увѣнчавшись лаврами, возбуждаетъ зависть . . . . Слава дорого ему стоить. Пожалѣемъ о честолюбцѣ: онъ получилъ вѣнецъ, но, можешь быть, пошерялъ друга. Дивятся и рукоплескають ему люди равнодушные; но что ему въ этомъ пользы, если его другъ въ тайнѣ ему завидуешь?

Г Л А В А IX.

О благодарности.

Благодарность и жалость — два чувствованія, самымъ Богомъ начертанныя въ сердца чловѣческаго. Онъ повелѣлъ чловѣку помогать ближнимъ и, чтобы облегчить исполненіе сего, далъ ему чувство жалости. Младенецъ незнакомъ съ нимъ; ибо оно есть плодъ опытности и понятія о боли и спраданіяхъ. Тяжело и ужасно было бы узнать его прежде, нежели мы въ состояніи, быть другимъ полезными.

Чловѣкъ жалосливый имѣетъ предметомъ своихъ ближнихъ и самаго себя; благодарный — Бога. И потому-то сіе чувствованіе, столь много возвышающее чловѣка надъ животными, составляетъ главный

и священный узелъ, соединяющій разумную и чувствительную нить съ ея Создателемъ, — развертывается прежде жалости и впечатлывается сильно въ сердце человеческомъ. Всѣ дѣши благодарны. Самое то дѣло, которое въ послѣдствіи будетъ увлечено гордостью и другими спростыями и сдѣлается неблагодарнѣйшимъ изъ людей, въ младенчествѣ своемъ бываетъ благодарно. Привязанность дѣшей не есть чувственное побужденіе, какъ между животными: основанное на благодарности къ Создателю, оно, такъ сказать, все образовалось въ сердце челоука и не имѣло надобности дожидаться образованія разума. Благодарность не есть рабское чувствованіе. Младенецъ любитъ только предметы, которые онъ любитъ обязанъ. Оскорбите его — и онъ перестанетъ любить васъ, между тѣмъ какъ самое чувствительное животное — собака, любитъ по инстинкту, по привычкѣ и безъ разбора лобызаетъ руку и худаго и хорошаго хозяина. Замѣтимъ, что дѣши, способное къ продолжительной и спростной благодарности, никогда не бываетъ мстительно. Приласкайте его — и оно забудетъ ваше суровое обращеніе; но долго будетъ помнить вашу дружбу. Сіе первоначальное употребленіе драгоценной душевной способности — памяти, только одно, къ несчастію нашему, сообразно съ намѣреніемъ Создателя. Во время нашего младенчества, оскорбленіе оставляетъ едва замѣтный слѣдъ, который вскорѣ изглаживается; одно благодѣяніе глубоко врѣзывается въ сердце.

Г Л А В А X.

О в о о б р а ж е н і и.

Какъ прекрасна, какъ возвышенна сія способность, расширяющая до безконечности тѣлесныя границы

нашего существованія! . . . . Воображеніемъ можемъ мы представить себѣ то, чего никогда не видали и опять видѣть то, чего уже не видимъ. Воображеніе можетъ даже созидать предметы не существующіе и благошворною властью облегчать спораданія разлуки, представляя намъ совершенное подобіе оплакиваемого друга, съ коимъ пространныя моря и обширныя степи насъ разлучаютъ. Оно не представляетъ его намъ только въ такомъ видѣ, въ какомъ память его удержала. Нѣтъ, оно являетъ его во всѣхъ шѣхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, въ какихъ ему быть возможно. Ежели эпо мать, разлученная съ младенцемъ — сыномъ; то ея воображеніе представляетъ его младенцемъ, опрокомъ, цвѣтущимъ юношею. Прошедшее забыто; воображеніе доставляетъ ей возможность наслаждаться настоящимъ: младенецъ исчезъ и на его мѣстѣ явился молодой человекъ, красавецъ, одаренный всѣми талантами. Мать вкушаетъ сладкіе восторги, смотря на него очами воображенія, хотя онъ можетъ быть безобразенъ, шупъ умомъ и неловокъ въ обращеніи. Почти всѣ земныя удовольствія, воображеніемъ намъ доставляемыя, основаны на заблужденіи. Неужели Богъ далъ намъ сію чудотворную способность для того, чшобы насъ забавлять или огорчать? Какъ! Плодомъ сего великолѣпнаго дара будетъ одно заблужденіе? И должны ли мы заставлятъ пресмыкаться по землѣ сей внутренній чудесный взоръ, кошерый, соединяя тройное качество творить, озарять и видѣть, равно способенъ проникать въ черныя бездны ада и, возвышаясь до обители Ангеловъ, открывать тамъ лучезарныя лучи Божія величія и безпредѣльныя долины вѣчности? . . . . .

Такъ! Воображеніе должно облагородить существо наше, ошвлечъ насъ отъ чувственности, удостовѣритъ

въ безсмертіи. Несчастливъ тотъ, кого оно вводитъ въ заблужденіе! Праведно раздраженный Судія нѣкогда спросишь у насъ опчешь въ употребленіи сего неодоушеннаго сокровища, сего дара сверхъестественнаго — и мы будемъ наказаны за нашу неблагодарность.

Г Л А В А Х I.

О л ѣ н н о с т и.

Человѣкъ, созданный условно безсмертнымъ, вкушалъ все наслажденія жизни созерцательной и сладкое спокойствіе до тѣхъ поръ, пока сохранялъ непорочность. Ни въ чемъ не встрѣчалъ онъ преніянія; все повиновалось швари, повинующейся Творцу своему; одно прешупленіе могло родить шрудъ; ибо работа и безпокойство суть дѣши возмущенія. Вся Природа должна швовала возбуждаться прошивъ человѣка непокорнаго и неблагодарнаго. Работа, какъ определенное ему отъ Бога наказаніе, не можешь казаться ему приапною, и дѣйшвишельно, человѣкъ отъ Природы лѣнивъ. Посмотрите: самые дѣшельные люди шрудяшся для того, чтобы кушить покой. Мы любимъ шрудъ по шешолюбію, по необходимости; любимъ спокойствіе по склонности, по внутреннему побужденію. Мы чувствуемъ необходимость приобрьшашъ покой шрудами, и потому-то послѣ работы онъ кажется намъ слаще, всенасладишельнѣе.

Но для прешупниковъ нѣтъ истиннаго покоя; мы обладаемъ только ложною шѣнью его. И тогда, какъ мы не изнурены работою, воспоминаніе прошедшаго, шерзашельная горесшь, сомнѣніе и страхъ о будущемъ, не дозволяютъ намъ вполне наслаждашся покоемъ. Сколь же сладокъ долженъ бышь сей божешшвен-

ный Нектаръ, сіе благо неоцѣненное, во всей чистотѣ своей, если и вкушаемый въ земной жизни споль намъ пріятенъ! . . . . Самые язычники были нѣкоторымъ образомъ знакомы съ сладостью покоя; ибо они предсказывали себѣ Елисейскія поля обителью тишины и вѣчнаго мира. Но заблужденіе не могло начертать истиннаго его образа: въ самомъ дѣль, душа, сотворенная любить страстно, удивляясь съ воспоргомъ, могла ли найти спокойствіе въ вѣчномъ равнодушіи? Напрощивъ, она съ желаніями и чувствительностью безцѣльн ужасно бы мучилась въ состояніи неподвижномъ! — Душа полная и удовлетворенная, могущая съ совершенною безпечностью и неограниченно любить и удивляясь, одна можетъ вкушать спокойствіе. Истиной Вѣрь предсказано было дасть намъ понятіе о небесахъ.

Чѣмъ болѣе человекъ развращается и ожесточается; тѣмъ менѣе шановится способенъ, наслаждаться покоемъ и знать цѣну его. *Для злодѣя нѣтъ мира*, изречла вѣчная Премудрость. Ни одна душа на землѣ не наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ; ибо всякая обременена грѣхами. Первый человекъ сотворенъ для тишины и созерцанія; проникнутый любовью къ Предвѣчному, онъ находилъ величайшее наслажденіе въ созерцаніи безконечныхъ совершенствъ Его. По удивленію, которое чувствуемъ мы при видѣ изящной картины, можемъ сосланивъ себѣ нѣкоторое понятіе о благоговѣнномъ восоргѣ, который должно произвестъ въ насъ созерцаніе Верховной красоты и Виновика всѣхъ чудотвореній въ Природѣ. Святые вкушали сіе блаженство сполько, сколько позволяла имъ слабость человѣческая.

Г Л А В А XII.

О задумчивости.

Если жизнь наша есть испытаніе, а земля ссылка; то человеку очень свойственно быть задумчивымъ — и онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ задумываться.

Изгнанники и преслушники не имѣютъ истинныхъ радостей: они привыкаютъ къ унылости.

Увы! Смѣхъ есть безуміе! Ищущія, водимыя инстинктомъ, не знаютъ смѣха, потому что не спрашиваютъ, какъ мы, припадками сумасшествия. Смѣхъ не имѣетъ ничего общаго съ радостію; ибо истинная радость есть души происхожденіе. Никто даже въ язычествѣ не вздумалъ сдѣлать смѣхъ уделомъ душъ добродѣтельныхъ. Блаженныя нѣжи Елисейскихъ полей представляются молчаливыми и задумчивыми.

Никогда еще смѣхъ не былъ признакомъ счастья. Мы плачемъ одни, но одни никогда не смѣемся. Грустимъ примѣшиваясь къ самымъ сладкимъ думамъ. Ошчего находимъ мы какую-то унылость въ каждомъ предметѣ, который насъ глубоко трогаетъ; во всемъ, что необыкновенно хорошо и величественно, на примѣръ: смотря на дремучія лѣса, на пространное море? Отъ того, что всякой предметъ, напоминающій намъ о безконечности, возобновляетъ въ насъ сбивчивую идею о безмерномъ нашемъ назначеніи: это взглядъ, обращенный на нашу истинную родину. Мы не можемъ вспомнить объ ней безъ сладостнаго трепета и не удѣлимъ нѣсколькихъ вздоховъ чуждой землѣ, которую должны на всегда покинуть. *Надобно разстаться со всемъ, что насъ здѣсь привязываетъ!* Грустные мысли! Ихъ можно разсѣять; но онѣ шаятся въ сердцѣ и время опять времени опять возвращаются.

Г Л А В А XIII.

О чувствительности и счастіи.

Чувствительность не есть отличительное наше свойство. Живописныя умѣють любить и, къ стыду чловѣчества, живописныя — голубь и собака — служатъ эмблемою вѣрности и вѣрности.

Душа есть лучъ божественнаго разума; способность сравнивать и выбирать одна даетъ цѣну чувствительности и одна можетъ сдѣлать ее добродѣтелью. Чувствительность, худо управляемая, есть преступная слабость и источникъ несчастій. И въ такомъ случаѣ, когда чувствительность основана на прочныхъ, истинныхъ началахъ, мы не должны превращать ее въ страсть — или она оправитъ жизнь несмертными спраданіями и сдѣлается справедливою казнію за безразсудство, съ какимъ мы предались во власть ея. Что можетъ быть безуміе, какъ страстно привязываться къ существамъ несовершеннымъ, непостояннымъ и скоропреходящимъ? . . . Несчастный, обманушый, распаленный прелестями излишней чувствительности! Ты хочешь отдать ей во власть свое сердце. Основись! Что ты дѣлаешь? Ты не удвоиваешь бышя своего; ты его губишь. Предметъ, страстно тобою любимый, ускользнетъ изъ рукъ твоихъ; честолюбіе заславитъ его съ тобою разстаться, моря зашумяшь между вами, смерть васъ разлучитъ! . . . Ты оплачешь его пошерю, или, что еще мучительнѣе, оплачешь его, какъ неблагодарнаго и можешь бышь даже, какъ измѣнника! — Умъ, разсудокъ и чувствительность — при Небесныя силы! Божественныя качества души безсмертны! Вы сильны возвращитъ падшему чловѣку его первоначальное достоинство! . . . . Съ какою цѣлю даны намъ понятія

и разумъ? Чшобы мы, водимые Ошкровеніемъ, *познавали* и *постигали*. За чѣмъ дана въ подруги намъ чувствительность? Чшобы она не была у насъ простымъ инстинктомъ, какъ у животныхъ. Съ какимъ намѣреніемъ Богъ одарилъ насъ вмѣстѣ съшомъ разума и способностію сравнивать и любить? Богъ хотѣлъ пошавшъ насъ въ возможность — *выбрать*, и безмѣрная благость Его вмѣнила намъ въ достоинство выборъ, съ совѣша нашего разсудка, благодарности и выгоды. Безумно было бы не дать воли чувствованіямъ, лешшъ къ высочайшему нашему Благошворителю, къ единшвенному другу, неизмѣняющему и Всемогущему. Напрасно ищемъ мы на землѣ счастья. Душа высоко лешашъ и желанія наши слишкомъ обширны: мы никогда не найдемъ его. Счастье до того несообразно съ здѣшнюю жизнью, что большая радость вредна для здоровья. Не говоря ни о сумасшешствіи, ни о смерти, коихъ она бываетъ виновницею, — она приводитъ все шѣло наше въ разсшрѣшеніе, сопровождаемое сильнымъ бшеніемъ сердца, судорогами, зашншіемъ дыханія и всѣми болѣзненными припадками, кои называютъ *сладкими потрясеніями души*, производя сіе слово, ошъ радости — ихъ испочника. Но ошъ, сами по себѣ, производашъ споль сильныя спраданія, что ихъ ошдѣльно ошъ радости невозможно вышерпѣшь. Нервическія болѣзни не иное что, какъ сіи же пошрясенія, безъ правешвенной причины. Все это доказываетъ намъ большую силу воображенія, превращающаго жестокія мученія въ небесныя наслажденія.

Въра не разрываетъ священныхъ узъ Природы или дружбы, но крѣче ихъ соединяетъ. Въ чувствительности ошуждаетъ она одну пылкость, то есть, презрительную слабость; ибо всякая пылкость происходитъ ошъ слабости. Она говоритъ намъ, что посліку мы

обязаны любить и помогать другъ другу, посланку естественное побужденіе сердца усмремляешь насъ въ опасность для спасенія жизни незнакомцу; но непростишительно бы намъ было, не пишаешь самой безкорыстной привязанности, самой дѣяшелей и пренебрегающей смертью любви къ обществу, къ супругѣ, къ дѣтямъ, къ другу. Самыя щедрыя, самыя благородныя, самыя великодушныя и пребывающія постоянною твердостью дѣянія произведены не страхомъ, но разсудительною привязанностію и Христіанскою любовью.

Справствъ, доведенная до высочайшей степени, имѣетъ одно желаніе и одну цѣль: она хочетъ удовольстворенія. Добродѣтель и порокъ представляются ей, какъ средства и она, сообразно съ своими выгодами, предается весело и дерзко той или другому. Но какихъ пошляныхъ благъ ожидать можно отъ поступка безумнаго? Сколькихъ бѣдспивій, сколькихъ преступленій можешь онъ быть бѣдспивенною виною! Ежели справствъ и не вовлечешь насъ въ самыя пошляныя заблужденія, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлаешь несчастіе цѣлой жизни. Гдѣ найдемъ любящее, справствное сердце, которое бы не было тысячу разъ разтерзано?

Какъ мало пошребно мудрости къ перенесенію несправедливости и неблагодарности безъ ропоша и горести, если мы не пишаемъ гордости и тайной справсти! Первый челоукопенависпникъ имѣлъ сердце слишкомъ чувствительное и глубоко пораненное. Онъ сказалъ самъ себѣ: „Если мнѣ здѣсь измѣнили, то нигдѣ не найду вѣрности!“

ГЛАВА XIV.

О стыдливости и цѣломудріи.

Не смотря на первородный грѣхъ, содѣлавшій насъ шоль слабыми, мы имѣемъ еще во власни нѣсколько природныхъ склонностей, кошорыя воспитаніе, примѣръ, спрасши очень легко могутъ ослабить, но совѣемъ уничтожить не въ состояніи. Благость Божія начертала сіи склонности въ сердцѣ нашемъ неизгладимыми буквами; и хошя онѣ безсильны совершенно предостеречь насъ опъ пороковъ, однако же мучашъ насъ, когда мы заблуждаемъ и дославляющъ неизъяснимыя удовольствія, когда мы вѣрны добродѣтели. Такимъ образомъ Богъ, заповѣдавшій намъ цѣломудріе, далъ намъ врожденное чувствованіе стыда, кошорое находимъ у самыхъ грубыхъ и погруженныхъ во мракъ суетврія варваровъ. Язычники, коихъ мнимыя божества имѣли всѣ пороки, воздвигали храмы Стыдливости и Веспалкамъ оказывали большое уваженіе. Женшина безъ стыдливости шолько же далека опъ Природы, сколько муцина жестокосердый и безчеловѣчный. Нѣшь спраны и языка, въ кошоромъ бы слово *безстыдный* не почищалось оскорбительнымъ. Самые развратные люди не любятъ, чшобы ихъ называли *безстыдными*. И Священное Писаніе, говоря, чшо *благодать на благодати жена стыдлива*, объяснило намъ чувствованіе, у всѣхъ насъ въ душѣ шаящееся. Цѣломудріе ешь въ одно время добродѣтель Ангельская, благороднѣйшая и самая безкорыстнѣйшая. Мужество, заславляющее презирать смерть, имѣешъ мало случаевъ опличашься; оно прекрасно шолько шамъ, гдѣ полезно и въ самыхъ пѣхъ случаяхъ, въ кошорыхъ по справедливости можемъ назвашъ его Героическимъ, оно имѣешъ въ виду блескъ

славы и поржесивеннаго награжденія. Сколь возвышеннѣе, сколь достойнѣе уваженія мужество цѣломудрія! Какое великосердіе, поржесивовашъ надъ чувствами и надъ всѣми соблазнами порока, сражашься безпрестанно и уединенно, и постоянно довольствовашься единымъ свидѣтельствомъ одобряющей созвѣсти! Счастливъ, спокрашно счастливъ чловѣкъ благородный и чувствительный, навсегда сохранившій сию драгоценную чистоту! Какъ его мысли возвышенны, какъ его чувствованія нѣжны, какъ его удовольствія сладостны! Ничто не оскверило его воображенія; его мечты небесны, его безмолвіе сокрываетъ сокровища! Цѣломудріе, сія добродѣтель, уважаемая во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; сія добродѣтель, столь плънишельная, должна опираться на Религію, чтобы восходить къ совершенству; ибо нѣтъ ни одной добродѣтели, копорую бы лжеумствованіе могло сиюль легко поставишь въ число предразсудковъ, какъ цѣломудріе. Несчастливецъ, отвергающій бышіе Бога, не можетъ бышь цѣломудреннымъ даже и тогда, когда самъ онъ сознается, что развращъ нарушаетъ общесивенное благоуспройство. Оспорожность и шайна укрюють его оиъ укоризны. Какъ скоро не будетъ для него невидимаго свидѣтеля шайныхъ поступковъ его; но онъ необходимо сиваетъ сивнать за безуміе безпрестанную борьбу со спрасшями и воображеніемъ. Но лишасъ сего шайнаго владычества надъ собою и слушая одиъ пылкія чувства, онъ долженъ рано или поздно сдѣлать ихъ невольникомъ. И тогда, какіе нравы и какой ужасной безпорядокъ! Вообразише себѣ: что сдѣлалось бы съ общесивомъ, что сдѣлалось бы съ Нравственностью, Словесностью, изящными Искусствами, еслибы истребилось между людьми понятіе о сшдыѣ и цѣломудрії? Изъ сего слѣдуешь, что столь необходимая для связи людей добродѣтель, цѣломудріе, не

можешъ бытъ предразсудкомъ или условною добродѣ-
телью; ибо никакое общество не можешъ сполнать безъ
своей. Но опшнмнше сношеніе челоѵка съ Богомъ и сія
добродѣтель существовать не будешъ: это доказываетъ,
что есть Богъ и что челоѵкъ созданъ для сообщенія
съ Нимъ посредствомъ молитвы, дѣшской довѣрен-
ности и неограниченнаго повиновенія. Кто насадилъ
въ сердце челоѵческомъ сіе благоговѣніе къ цѣломудрїю,
сей вкусъ, сію любовь къ чистотѣ, споль противную
сильному побужденію Природы чувственной? Простой
взглядъ на самаго себя объяснитъ вамъ опшраченіе отъ
зѣрскаго жестокосердія: никакая прелестъ не влечетъ
васъ къ кровопролитїю. Напротїивъ шого, всѣ соблазны
влекутъ къ развращу, къ сладоспращїю; но напрасно
лжеучители обтекали ихъ въ имена *любезной слабости,*
занмательной страсти, непобѣдимой склонности. Мо-
гущїй гласъ произнесъ: *будьте цѣломудренны* и развращъ
покрылся безчестїемъ; всѣ шонкія мудрспрощанія невѣрїя
и любоспращїя не спасли его отъ поношенія и не за-
чернили безсмертнаго блеска цѣломудрїя. Какъ возвы-
шенна душа, презирающая чувственныя удовольствїя!
Самовластно владычествуетъ она надъ спращїями,
желающими порабощить се и созерцаетъ Бога, ей
открытаго; ибо она разорвала тѣлесныя узы свои и
заранѣе наслаждается безсмертїемъ и славою.

(Продлженіе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Пѣснь Барда во время владычества
Татаръ въ Россіи.*

„О! Спонаши Руской землѣ, помянувшѣ пръвую годину
и прѣвыхъ Князей.“

Слово о полку Игоревѣ.

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
Баяновъ струны золошья,
Пѣвицы вольности и славы и побѣдъ
Народу Русскому родныя?

*

Бывало: раники лежатъ вокругъ огней
По берегу свѣтлаго Дуная,
Когда тревога боевая
Молчитъ до ушренныхъ лучей.
Вдали — шуманомъ покровенный
Снаиъ Грековъ, (*) и надъ нимъ, грозна
Какъ щипъ въ бою окровавленный,
Восходишь полная луна!

*

И тихій сонъ во вражьемъ снаиъ;
Но тамъ, гдѣ вы, сыны сѣговъ,
Тамъ, вдохновенный, на курганъ,
Поешъ дѣянья пращцовъ —
И персты вѣщѣ лешающъ
По звонкимъ, пламеннымъ струнамъ,

(*) Поэтъ разумѣетъ здѣсь славныя въ Лѣтописяхъ
нашихъ времена Олега, Святослава и Владиміра
Великаго. (Прим. Изд.)

И взоры воиновъ сверкають,
И рвуся длани ихъ къ мечамъ!

*

На утро солнце лишь возспало —
Проснулся дерзоспный булашъ:
Валяшя Греки — рядъ на рядъ,
И ихъ полковъ — какъ не бывало!

*

И вы сокрылися, вѣка полпочной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!

Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.

Но завтра солнце вновь возстанешъ....

А мы.... намъ долго цѣпи влечь;

Сполѣшя (*) прошекушъ — и Руской мечъ не грянешъ
Тиранства гордаго о мечъ.

Неушомимыя спраданья

Погубяшъ память объ опцахъ

И Геній рабскаго молчанья (**)

Возсядешъ, вѣчный, на гробахъ.

*

(*) Татарское иго бременило Россію почти при сполѣшя: опъ несчастнаго сраженія при рѣкѣ Калкѣ до сраженія при рѣкѣ Непрядвѣ, гдѣ храбрый Димитрій Донскій разбилъ Мамаю.

(**) Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась опъ ея Восшочныхъ предѣловъ до Западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественныя вмѣстѣ опушопшили ихъ.

Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., Т. IV, стр. 16.

Опъ временъ Василія Ярославича (періодъ самый ужаснѣйшій) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство.

Тамъ же, Т. V, стр. 370.

Теперь воище младый Баянъ
На голосъ предковъ запылаешь:
Жестокихъ бѣдъ свѣй ураганъ
Рабовъ полмершвыхъ оглушаешь; —
И онъ — дрожащею рукой
Поднявъ холодныя желѣзы,
Молчишь — смотри на нихъ сквозь слезы,
Съ нещеплимою тоской!

И. Языковъ.

Печатать позволяется: Ноября 14-го дня, 1823 годъ.

Цензоръ А. Бирюковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XLVII.

П Р О З А.

Взглядъ въ челоуѣческое сердце.

(Продолженіе.)

Г Л А В А Х V.

О г н ѣ в ѣ.

Многіе Писатели спарались доказать, что всё челоуѣческія добродѣтели и пороки происходятъ отъ тѣлеснаго сложенія. Сіе мнѣніе, при первомъ спрогнмъ взглядѣ разума, окажется ложнымъ, хотя и имѣетъ нѣкоторое основаніе. Какое бы ни было тѣлесное наше сложеніе, мы, безъ всякаго сомнѣнія, можемъ съ помощію Религіи оспашься добродѣтельны; ибо Провидѣніе всегда посылаетъ намъ силу побѣднть спрасни, если мы искренно желаемъ съ ними сражашься. Сверхъ шого, смѣшно ушверждать, что умъ и чувствнтельность зависяшъ отъ слабаго или крѣпкаго шѣлеснаго сложенія: ежедневный опышъ доказываетъ прошивное. Первоначальныя наши чувствованія: жалость, пошребность любить и удивляшья, благодарность и проч., равно находяшья въ сердцѣ челоуѣка крѣпкаго и слабосиль-

паго. — Впрочемъ я согласенъ, что нѣкоторыя пороки почти всегда соединены съ извѣстнымъ шѣлеснымъ расположеніемъ; но увѣренъ, что уму легко ихъ обуздать. Сии пошудныя склонности можно назвашь скотскими побужденіями: я полагаю въ числѣ ихъ гнѣвъ, обыкновенно свой швенный, людямъ полнокровнымъ. Замѣчательно, что сей порокъ, коего слѣдствія бывають столь пагубны, не унижаетъ челоука въ глазахъ людей до такой степени, какъ многіе другіе пороки, менѣе вредные. Вспылчивый челоукъ не внушаетъ окружающимъ его такого презрѣнія, какъ слабый и можно даже сказать, что для людей вообще онъ служишь предметомъ какаго-то невольнаго удивленія. Мы уважаемъ все, что показываетъ могущество, что насъ устрашаетъ: презрѣніе несомѣстно съ ужасомъ. Гнѣвный челоукъ, въ пылу буйной и безумной спрашпи, повелѣвающій другими, служишь сильнымъ доказательствомъ того, что народная шолва должна повиноваться и бышь управляема.

Нашоящая и жалости достойная слабость челоука состоишь въ томъ, когда онъ, почти не сражаясь, устушаетъ яростному наспуду первыхъ движеній гнѣва. Бѣшенство есть самое пошудное и опасное сумасшествіе. Весьма предосудительно не умѣшь управляшь природными склонностями нашего сердца; но еще предосудительнѣе допустить управляшь собою подлей чувственности. Это унижаетъ челоука болѣе, нежели злоупотребленіе духовныхъ его способностей.

Г Л А В А Х V I .

О покорности и надеждѣ.

Челоукъ отъ Природы покорень Проведѣнію; ибо участь его въ сей жизни не есть совершенно незави-

симая. Нельзя добровольно согласиться, быть вечно несчастливымъ; ожесточенные грѣшники не могутъ имѣть ни преданности, ни послушанія. И самая вѣчность не внушаетъ такого мужества: вѣчное осужденіе производитъ только ропотъ и опечаленіе.

Франція въ царствованіе ужаса видѣла, сколь естественна челоѣку покорность волю Божіей: самыя слабыя существа безропотно переносили жесточайшія спраданія и показали на эшафотахъ рѣшимость Геройскую. И какое перлѣніе, какую швердоссть духа явили намъ изгнанники, пошерявшіе имѣніе, почести, опечесиво, низвергнушые съ вышины въ бездну, лишенныя убежища, друзей и всякой помощи, скипающіеся изъ спраны въ спрану безъ насущнаго хлѣба, между чужими людьми и подъ чуждымъ небомъ!

Покорность Провидѣнію даже въ людяхъ, совсѣмъ непобожныхъ, есть ничто иное, какъ тайная надежда, какъ внушрешній голосъ, убѣждающій ихъ, что земныя бѣдспвія ничтожны и скоропсходящи; это сильное врожденное чувсшво, которое, вмѣстѣ со многими другими чувсшвами, удосшовѣряетъ насъ въ будущей жизни и безсмертіи.

Изъ сего слѣдуешь, что опечаленіе не въ порядкѣ Природы; что челоѣкъ, пришедшій въ опечаленіе, унизилъ себя и что самоубійство — послѣдняя степень сего ужаснаго униженія — и постыдно и опсрашительно.

Я нахожу, что надежда столь же глубоко вкоренена въ челоѣческомъ сердцѣ, какъ и самая покорность: та же десница, которая постыла въ немъ преданность волю Божіей, успѣшила подкрѣпить его надеждою. Жизнь челоѣка, брошеннаго на землю, сосшопшъ въ ожданіи лучшей участи; а надежда есть необходимая

ему снуница. Но какъ часно мы упопроблемъ возло сіе ушъшишельное чувствованіе! Оно божественно, а мы приковываемъ его къ землѣ. Человѣческая надежда обѣщаетъ намъ одиѣ мечпашельныя удовольствія и почпи всегда обманываетъ; но Богъ истины не могъ имѣшь намѣренія, ушъшашъ насъ мечпашами. Надежда включена Религією въ число добродѣтелей; эшо показываетъ уже ея цѣль и назначеніе.

Мы безпреспанно обращаемъ на легкомысленное или даже и злое упопробленіе изящнѣйшіе дары Божіе. Какое ослѣпленіе! Въ надеждѣ заключена сила, могущая поднятъ насъ къ Небесамъ, а мы порабощаемъ ее грубымъ спраснямъ нашимъ. Мы сдѣлали изъ нея прелеснищцу, кошорая, подспрекая безумныя наши желанія, раздражая самыя гибельныя склонности и увеличивая наши бѣдствія шерзанельными муками, (происходящими ошъ неисполненія нашихъ замысловъ и мечпаній), дорого продаетъ свои минушныя ласки. Надежда, обращенная на предметы сей жизни, сходна съ ядовитыми лѣкарствами, кошорыя на минушу ушюляютъ наши спрадация и чрезъ шо дѣлають бользнь нашу пецальчимою.

Г Л А В А XVII.

О г о р д о с т и.

Священное Писаніе говоритъ: *не создана бытъ геловѣкомъ гордыня, ни гнѣвъ ярости рожденіемъ жель* (*). Воспшаніе, общеспво и ложныя умщвованія поселаютъ въ человѣкѣ гордоспъ; уединенному и разсудительному человѣку она не свойственна. Испытавъ собственное свое сердце, узнавъ свою слабоспъ, шншшожештво и зависимоспъ, нашу ошъ всѣхъ возрасповъ жизни, мы не

(*) *Исусъ Спрахъ*, Глава X, сшпхъ 21-й.

можемъ быть гордыми. Первородный грѣхъ предасть насъ во власть всѣмъ пагубнымъ соблазнамъ сладоспращія; мы порабоцдаемъ себя чувственности; но гордость не родилась съ нами. И могла ли она быть удѣломъ брешной невѣжественной швари, несчастнаго игралица спрассей; швари, кошорая существуетъ одну минушу, должна со всею разсашься и, стремясь за земною славою, быспро приближается ко гробу? Гордость не есть порокъ врожденный; это злое и чуждое намъ сѣмя заронено въ нашу душу. Въ семь случаѣ, шакже какъ и во многихъ другихъ, надбно признашь сѣю адскую силу, кошорая шайнственна и коварно въ насъ вкрадывается; сей внушрешній обманчивый голось, кошорый обольщаетъ насъ для шого, чшобъ развращишь и погубишь.

Чашо однакожъ приписываемъ мы гордосши движешя души, коихъ основаніе ешь чувство справедливосши. Не всегда изъ зависши пишаемъ мы ненавись къ любимцамъ Форшуны; мы предполагаемъ, чшо они напыщены удачею и счастьемъ. Ишпивно скромный человекъ не имѣешъ враговъ непримиримыхъ: къ нему ни кто не пишаетъ ненависти. Всѣ опдавали справедливосшь *Тюренну*. Ни кто не завидовалъ *Лафонтену*. Гордость ешь порокъ шполь чудовищный, чшо въ самыхъ мудрыхъ людяхъ возбуждаешъ ропосъ и зависшь, очень похожую на ненавись.

Г Л А В А XVIII.

О б ѣ у м ѣ р е н н о с т и .

Человекъ, существо на землѣ ограниченное, должень, кромѣ жалосши, умѣрять всѣ свои чувешвованія въ продолженіе сего крашкаго прохожденія. Ишпивная мудросшь состоишь въ умѣренносши, шполь соотвѣшственной нашему здѣсь назначенію. Почши всѣ наши

добродѣтели, выходя за предѣлы, становятся пороками. Богъ, Существо безконечное, во всемъ великъ, безпредѣленъ: это Его свойство. Онъ безконеченъ во гнѣвѣ, въ воздаяніи, въ любви. Когда Онъ наказуетъ — это адъ; когда награждаетъ — это небо! — Злоупотребленіе обязано своимъ рожденіемъ безразсудности человѣческой; но къ чему служишь сила воли, безсилы исполнишь ее? Что заключите вы о существѣ раздражительномъ и властолюбивомъ, которое не можешь ни предвидѣть, ни распоряжать происшествіями и которое безсильную ярость и безумное бѣшенство прошивопославляетъ претящивіямъ непреодолимымъ?

Человѣкъ обязанъ быть терпѣливъ и милосердъ; ибо онъ слабъ.

Безпредѣльность принадлежитъ одному Богу, Существому вѣчному, все сотворившему и всемъ по волѣ Своей управляющему. Для насъ же нѣтъ мира, нѣтъ спокойствія на землѣ безъ чрезвычайной умѣренности въ желаніяхъ и чувствованіяхъ. Самый порядокъ Природы вещественной показываетъ намъ необходимость умѣренности; учить насъ, что Богъ, одаря насъ свободою, не преснаетъ обращать къ умѣренности нашу волю. Кажется, что высочайшая плѣсная боль есть излишество, а не прошивность удовольствія: прохлада намъ пріятна, холодъ пагоспелъ; шедлоша живошворить, зной умерщвляетъ. Тихая Музыка плѣняетъ слухъ, громкая насъ оглушаетъ и ушомляетъ. Слишкомъ большой свѣтъ ослѣпляетъ. Сильныя пріятности и благошонія непріятно щекотаютъ вкусъ и обонаніе. Наши чувства не выношатъ никакого излишества, а желанія безпрестанно увлекаютъ насъ за границы. Мы никогда не вкусимъ вполне земнаго блаженства; мы не даемъ

ны имъ наслаждашся; самыя наши органы пому прошивашся. Однакожь мы имѣемъ объ немъ понятіе, ибо оно не естъ мечшательное: мы насладимся имъ въ будущей жизни.

Вопреки обширнымъ нашимъ замысламъ и природному честолюбію, наше плѣсное устройство шакъ приспособлено къ наблюденію во всемъ строгой умѣренности, что всякое насильственное движеніе души насъ расслабляетъ. Ярость и бѣшенство не упоминають дикихъ звѣрей, льва, пшгра, медвѣдя; но гнѣвъ и все попрысающія душу страши доводятъ человека до изнеможенія.

Заключимъ: всякое наше излишество не продолжительно и не сопровождается счастьемъ. Высокій санъ причиною тысячи неудовольствій; большое богатство ведетъ за собою безчисленныя заботы и хлопоты; умѣренность, и можетъ быть во всемъ, естъ самое блаженное состояніе, какого только на землѣ желать дозволено. Надобно только умѣнь съ нею ужиться и ею удовольствовашся.

Г Л А В А XIX.

О добродѣтели и Нравственности.

Еслибъ не было Бога, еслибъ душа не была безсмертна и еслибъ не было въ вѣчности награды и наказаній; то добродѣтель было бы слово безъ значенія, существо мечшательное. Жизнь для наслажденій, всемъ жертвовашъ удовольствованію своихъ приходей, стараешъ только избѣгать излишностей, могущихъ имѣть вредныя лично для себя послѣдствія — вопшь что сосшавляло бы тогда основанія Нравственности! Если спраши убѣждали иногда въ несообразности вѣчныхъ мукъ съ малыми нашими, по уврѣненію лжеучителей,

проступками; но какое вредное вліяніе должна имѣть увѣренность во временномъ наказаніи! Въ будущей жизни все не вѣчно ничего не значить и пошъ, кто начинаешъ вѣрою въ наказаніе скоропреходящее, кончить убѣжденіемъ въ совершенной безнаказанности. Истина не допускаешъ двусмысленныхъ толкованій: Религія говоритъ намъ, что опмешающій одинъ дѣлаешъ, опшвергасешъ ихъ всѣ. Вопшъ, опшъ чего невѣріе при самомъ началѣ своемъ разрываетъ одну за другимъ всѣ узы, опспанавливаюція спрасши. Величайшее совершенство книги состоитъ въ доказательствѣ, что всѣ части, ее соспавляющія, необходимы. Вѣра, также какъ Правдивенность, состоитъ изъ частей, споль совершенно между собою соединенныхъ, что оппачіе малѣйшей изъ нихъ разрушительно для цѣлаго. Невѣрующій въ вѣчное наказаніе не мыслитъ и объ наградахъ: надобно допустить адъ, чтобы ревностнѣе спарашься заслужить Небо. Правила Оеиспа не споль ужасны, какъ Ашеиспа; но ни пошъ, ни другой не имѣютъ понятія о Богѣ.

Вольнодумцы соглашajúтся, что вѣра въ адъ нужна для народа (т. е. для большой части людей). Мы всѣ въ этомъ случаѣ принадлежимъ къ классу простаго народа: понятія сбивчивыя не исправятъ нашего поведенія. Желая насъ обратиться и удержатъ, надобно представить воображенію предметы ясныя и доводы разительныя. Въ бѣдспвенной и краткой нашей жизни, намъ легче вообразить себѣ нескончаемыя муки, нежели безпредѣльное блаженство. Вопшъ почему спрахъ есть самая сильная пружина дѣйсшвій человѣческихъ! Не должно однако же смѣшиватъ спрахъ съ ужасомъ. Ужасъ, вселяемый въ насъ самовлстнымъ мучителемъ, унижаетъ человѣчество; ибо опшъ него не избавляешъ ни

какое благоправіе, никакая добродѣтель. Напрощивъ страхъ, основанный на ожиданіи справедливаго наказанія; страхъ, отъ коего числоша намѣреній и поступковъ нашихъ насъ освобождаетъ, — не есть слабость, а слѣдствіе правильнаго разсужденія. Такой страхъ есть лучшій поручишель за исполненіе должности и за покорность Богу, законамъ и Правительству. Если бы не было страха; то своевольство и неповиновеніе дошли бы до высочайшей степени. Если мы опасаемся гнѣва Государей просвѣщенныхъ; то не постыдно пишащъ страхъ Божій, боящся правосудія Того, Кто проникаетъ во глубину сердца и видитъ самые тайные наши помыслы? И дляшаго Священное Писаніе говоритъ: *начало премудрости есть страхъ Божій*. Слова божественныя, очень хорошо доказывающія, что страхъ указываетъ намъ прямую дорогу къ истинной мудрости; но не онъ, а любовь насъ приводитъ къ ней.

Постоянно полезное и необходимое не можешь имѣть источникомъ своимъ — заблужденіе: страхъ Господень нуженъ для людей; но не возможно имѣть его, не имѣя вѣры въ вѣчныя награды и наказанія. Ишакъ, адъ существуешь.

Очень вѣроятно, что отвращеніе отъ злодѣяній происходитъ отъ понятія о правосудномъ Богѣ, карашель прешупниковъ. Человѣкоубійца не спалъ бы споль жестоко терзаться совѣстью и не искалъ бы раскаяніемъ и добрыми дѣлами загладить свое прешупленіе, еслибы онъ былъ увѣренъ, что Всевышній не възыщеть съ него въ вѣчности. Если предположишь въ Богѣ шолікое милосердіе; то порокъ пошеряетъ все свое безобразіе, угрызения совѣсти будутъ причислены къ пелѣвымъ предразсудкамъ и человѣкъ, однажды

соврапившійся съ пупи добродѣтели, не будешь имѣшь причины въ шомъ раскаяваться. Нельзя уменьшишь безобразіе порока, не уменьшивъ въ соразмѣрности блеска и прелести добродѣтели; слѣдовательно Вѣра въ вѣчность наказаній необходимо полезна для Нравственности и счастья рода человѣческаго. Добродѣтель есть законъ; исполненіе его предписано Богомъ. Не вѣруя сему, вы ее уничтожаете. Требуя большихъ пожертвованій, она основывается на законной, непреложной, всемогущей власти Создателя.

Законы, самимъ Богомъ начертанные, должны быть образцомъ самой высокой Нравственности. Богъ вложилъ первое понятіе объ оной въ сердце человѣческое; понятіе, совершенно развернутое въ Откровеніи и естественнo поспавляющее человѣка въ обязанность, принявъ сей божественный уставъ и соображаясь съ нимъ и сужденія разума, и чувствованія сердца.

Если бы добродѣтель, всегда на землѣ поржествовала; то не было бы никакого шруда исполнять ее. Но почти всегда почитающъ ее болѣе достойною сожалѣнія, нежели какъ эшо бываетъ и должно бытъ на опынѣ. Добродѣтель есть самое дѣйствительное лѣкарство противъ вседневныхъ и самыхъ горькихъ несчастій жизни; ея утѣшенія нельзя сравнивать ни съ какими другими. Добродѣтель рѣдко ведетъ къ богатствамъ и знашности; да и какая ей въ нихъ надобность? Она любитъ умѣренность; презираетъ богатство и не завидуешь почестямъ. Ее часто презирающъ, на нее клеветуешь; но она мало обращаетъ на шо вниманія, ибо дѣйствуешь не по упрямству, не по тщеславію. Ей не отдающъ полной справедливости; но она сама щадательно скрываетъ благія дѣла свои. Ей неизвѣстны адекія мученія неависности, и въ шо время, когда мръ

воображаетъ себѣ ее въ слезахъ и горести, она спокойна и довольна своею участью. Единая добродѣтель умѣетъ разсуждать съ пользою и сравнивать время, долженствующее скоро кончиться, съ вѣчношью. Какъ сладко предаваться волю Божией — правосудной и благошворной; взирать на бѣдшвія, какъ на счастливыя испытанія и въ наружномъ униженіи и гоненіи находить славу и блаженство! Это не значить покоряться Судьбѣ, а съ воспоргомъ и благодарностью получать безцѣнные сокровища изъ рукъ Создателя. Никакое несчастное положеніе не доведетъ до опчаянія того, кто заключилъ въ сердцѣ надежду вѣрную и восхищительную. Инакъ безъ всякаго сомнѣнія, земное счастье принадлежитъ добродѣтели. Эшаго не нужно было и доказывать; ибо все вообще въ этомъ увѣрены. Хотя добродѣтель терпитъ гоненія; но понятіе о счастьи съ нею неразлучно. Это подтверждаютъ слѣдующія народныя выраженія: *онъ счастливо рожденъ, у него счастливыя склонности; по ешь, у него природная склонность къ добродѣтели.*

Споиическая Философія учила обманывать самихъ себя; она была обезьяною добродѣтели. Спонки отрицали боль; вся сила ихъ души состояла въ томъ, что они поддерживали ложь, рожденную въ головѣ ихъ гордостью. Единной истиной добродѣтели свойственно истинное мужество; ея ученіе основано на разсудкѣ; ея доводы священны и сильны.

Намъ кажется, что и ложная добродѣтель насъ поддерживаетъ. Но сіе несправедливо: она напыщаетъ сердце, а не наполняетъ его. Истинная добродѣтель проникаетъ въ душу и наполняетъ ее; она все замѣняетъ, за все вознаграждаетъ и сама собою довольствуется.

Порокъ ничемъ безопасно не наслаждается; испочникъ самыхъ возвышенныхъ надеждъ для него изсяк-

пуль: опнимите опъ него ложный блескъ, коимъ Фортуна его осыпала — и всеобщее презрѣнiе будетъ неизбежнымъ его удѣломъ!

Сила добродѣтельнаго челоѣка рѣдко обнаруживается просымымъ взорамъ; ибо она дѣйствуетъ, борется, отражаетъ, одерживаетъ побѣду безъ большихъ усилiй. Мнимая горячность челоѣка порочнаго, съ перваго взгляда могущественная, есть ничто иное, какъ грубый огонь, столь же презрительный въ своихъ причинахъ; какъ и въ дѣйствiяхъ: онъ производитъ глупости и пресусленiя. Это пагубная живошная сила бѣшеннаго сумазброта или дикаго звѣря.

Если мы найдемъ образъ добродѣтели, (болѣе или менѣе совершенный) у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, то есть, во всѣхъ Государствахъ, копорыя держатся на прочномъ основанiи и копорыя постепенно возрастали, распространялись, усовершенствовались и долго существовали; то она не есть пустое имя. А мы легко найдемъ ее повсюду! Замѣните, что во всѣхъ вещахъ и дѣйствiяхъ, въ коихъ не участвуетъ добродѣтель, дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, вкусовъ и мнѣнiй. Почему добродѣтель, столь снѣзняющая большую часть людей въ ихъ поступкахъ, сохраняетъ однакожь высокое, могущественное влiенiе на родъ челоѣческiй, вопреки лжеучиняемъ, развращу и безвiрiю, копорыя напрасно сплещатъ лишить ее власти? Выгоды столь безчисленнаго множества людей пребудутъ, чтобы выставить ее съ смѣшной стороны или обезобразить. Почему же, не смотря на столь великое число опстунниковъ опъ нея, добродѣтель пользуется всеобщимъ и постояннымъ уваженiемъ? Во всѣхъ состоянiяхъ число порочныхъ людей несравненно превышаетъ число добродѣтельныхъ: опъ чего же мнѣнiя послѣднихъ такъ сильны и не подвержены измѣне-

нію? Изъ чьихъ ушь слышали порабощенныя чувствениосни чловѣки, слова: *будете гисты*, и кпо сими двумя словами, вопреки самой сильной и вѣзмъ имъ общей склонности, даль безмершнй блескъ цѣлоумдрію? Неужели чловѣческая власнь заставила приняшь и споль многіе вѣки поддерживаешъ между самими просвѣщенными народами спрогую Нравешвениосшь Евангельскую? . . . . О сколь божешвенна сія Нравешвениосшь! Она шяжела для сильныхъ земли, упоениныхъ гордосшью и успѣхами; но ушьшншельна для спрадальца и для бѣднаго, съ коими бешѣдуешъ споль сладосшно, коихъ учишь не презирать и не завидовашъ богачамъ и счаснливцамъ и коимъ, за спраданія, гоненія и преданосшь вошь Божіей, гошовишь вѣщцы славы въ вѣчноспи.

Евангельская Нравешвениосшь высока для чловѣка просвѣщеннаго, проспа для простосердечнаго; приспособлена ко вѣзмъ случаямъ, она обуздываетъ могуцаго, ободряешъ слабаго, удерживаешъ пришьсншеля, не воорукая противъ него пришьсншяемыхъ, ужасаетъ мучишелей, распроспраняешъ въ народѣ духъ мира и послушанія, уничтожаетъ опасныя спрасши, возышасешъ до небешъ жалосшь, чловѣколюбіе, мужештво и вѣь благородныя чувешвованія, изобильно разливаешъ благодѣшельное мурос на глубокія раны сердечныя. — Сохранимъ же се, укорешимъ въ сердць: што не чловѣческое произведеніе!

(Окончаніе впреть.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Возращеніе на родину.

(Отрывокъ изъ Поэмы, еще не напечатанной.)

Ахъ! что сбылось съ моей душою,
Когда, въ святой красѣ своей,
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родныхъ Кіевскихъ полей!
Они какъ прежде зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Все шопъ же лѣсъ въ дали шемнѣлъ,
На живахъ нѣ же пѣсни пѣли,
И также все въ странѣ родной;
И нѣшъ лишь шамъ *ее* одной!
Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины
Въ предѣстной, милой тишинѣ;
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣплыми годами . . . . .
Но я, съ оправленной душой,
На родинѣ — пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣшествовалъ слезами
И безошрадною поскою.
Я шель — день къ вечеру склоная
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ
И внѣ себя я приближался
Къ могилаш шой, гдѣ сынъ, жена —
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть спупалъ, какъ бы спрашилъ
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди спѣснялъ мой тяжкій спонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился;

Спрашиваю въспревоженнымъ своимъ
Не свѣтъ вдалашься духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой,
Дышалъ я воздухомъ святымъ.
Творилось дивное со мною,
И я съ надеждой неземною
Колѣна шихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ.
Вдругъ слышу шорохъ за кустами!
Гляжу — чшожь взоръ встрѣчаешь мой?
Жнеца съ подругой молодой
И возъ, накладенный снопами.
И вижу я: между сноповъ,
Сидишь, въ вѣнкѣ изъ васильковъ,
Младенецъ съ алыми щеками.
Невольно я запрепешалъ....
„Я все имѣлъ! Все потерялъ!
„Намъ не дали жить другъ для друга;
„Въ сырой землѣ моя подруга
„И не въ цвѣтахъ младенецъ мой —
„Его червь почиць гробовой.“
Тогда въ слезахъ къ нимъ на могилу
Безъ памяти бросаюсь я;
Горѣло сердце у меня;
Тоска души убила силу.
Цѣлуя дернъ, я разрывалъ
Руками жадными моими
Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними....
Въ безумствѣ дикомъ я ропсалъ;
Мнѣ чшо-шо страшное мечшлось;
Едва дышалъ я — въ мушной пѣмъ,
Сливалось все, какъ въ шяжкомъ снѣ.
Ужь чувствво жизни пресѣкалось
И я лежалъ между гробовъ,

Мершлвй ихъ хладныхъ мершвецовъ.
Но свѣжій воздухъ, влажнось ночи
Сспрадалца вновь живошворяшъ;
Вздохнула грудь, опкрылись очи,
Кругомъ бродилъ мой помный взглядъ;
Все было шихо, скрышо мглою;
Въ шуманъ мѣсяць чущь свѣшилъ,
И лишь могильною правою
Полночный вѣшеръ шевелилъ.....

Иванъ Козловъ.

Печаташь позволяешся: Ноября 30-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XLVIII.

П Р О З А.

Взглядъ въ человеческое сердце.

(Окончаніе.)

Г Л А В А XX.

Религія не предписываетъ намъ исполненія добродѣтелей, противныхъ Природѣ.

Религія не предписываетъ намъ и въ сей жизни ничего несправедливаго, б-зполезнаго и худаго; самъ Богъ положилъ въ сердце сѣмена добродѣтелей, которыя повелѣтъ исполнять намъ. Онъ запретилъ намъ снрашныя привязанности: оспергаясь опть нихъ, мы избегаемъ грозныхъ бурь жизни и страдаемъ самыхъ шерзашельныхъ.

Еслибы Создатель (чего нигдѣ не повелѣно) предписалъ намъ самое снрое воздержаніе; то и въ такомъ случаѣ, исполненіе воли Его вело бы за собою гораздо менше тѣлесныхъ недуговъ, нежели позволеніе, необузданно предаваться снрашьямъ своимъ. Сіе правшо можно разпроснранить на всѣ случаи: вы не найдете исключенія!

Можно ли удивляться, что Богъ уничижаетъ гордость въ сердцѣ такой швари, копорая всемъ ему обязана; въ швари слабой, зависимой, невѣжественной, для коей все — даже самое ея бышье, есть тайна и копорая безъ помощи Божіей не въ силахъ была бы пропивишья пороку, ею презираемому и слѣдовашь добродѣтели, ею обожаемой? Сіе правило божественно. Оно спавишь благодарность и любовь на мѣсто гордости: да не дерзнешь человекъ гордиться своими благими дѣлами; но да лобызаетъ могущественную и благодѣтельную руку, его подкрѣпляющую! Да не почиаетъ онъ дѣйствія Благодати за особое преимущество, его природнымъ добрымъ качествамъ оказываемое; ибо Господь иногда ниспосылаетъ благодать и ожесточенному грѣшнику. Бездѣнный даръ сей, чистый плодъ Божіаго милосердія, есть таинство непоспимое и должно быть таинствомъ, также какъ почти все Божіа намѣренія, слишкомъ для насъ высокія и ускользящія ошъ повѣрки нашего разума.

Евангеліе, предписывая намъ смиреніе, по есть удаленіе ошъ почестей, сокpышіе нашихъ благодѣній, пребусъ ошъ насъ только справедливаго, въ самомъ спрогомъ смыслѣ. Благоприспоспность пребусъ, чтобы мы, для избѣжанія соблазна, скривали наши слабости; ишакъ шощъ, кшо рассказываетъ о всякомъ добрѣ, имъ сдѣланномъ, есть лицемеръ, хоща бы онъ въ расказахъ своихъ и не увеличивалъ благихъ своихъ подвиговъ. Онъ шашь, сколько возможно, свои пороки и слабости, показываешь свою хорошую спорону и шѣмъ даетъ о себѣ вышодн е мнѣніе, копорая бы мы не имѣли, если бы знали дурные поступки его, шщашельно скриваемые. Думайте объ этомъ чаще — и вы найдете въ себѣ силу перепоспшь клевшу

не только безъ ропота, но съ совершенною покорностью! Злословіе есть справедливое воздаяніе, посылаемое намъ отъ Бога; ибо люди говорящъ о насъ худо, котораго нѣтъ, а не вѣдающъ о томъ, которое существуетъ. Я согласенъ, что клевета иногда приписываетъ намъ дурное намѣреніе, какого у насъ не было; за то сколько разъ въ годовѣ нашей рождались во множествѣ такія мысли, которыхъ не подозрѣвалъ никто въ мірѣ. Еслибъ мы имѣли довольно правоты, чтобы безпристрастно судить о себѣ; то почувствовали бы, до какой степени пресупнна наша досада и ропотъ на несправедливость людей и покорились бы своей участи. Это намъ предписываетъ Евангеліе!

Справедливость пребудетъ, чтобы мы въ вознагражденіе за зло, нами тайно содѣланное, посвятили невидимому Свидѣтелю всѣхъ нашихъ помысловъ, нѣсколько благихъ, запечатлѣнныхъ тайною дѣлъ, коихъ похвала свѣта не испортила и не наградила.

Г Л А В А ХХІ.

О глупости и сумасшествіи.

Если бы разумъ человѣческой рѣдился образованнымъ, если бы не могъ онъ ни помѣшаться, ни поперяться; то человѣкъ не былъ бы, или по крайней мѣрѣ, пересталъ бы быть смертнымъ. Подобно духамъ небеснымъ, онъ имѣлъ бы другія свойства, во всемъ отъ шеперешнихъ отличныя: таковъ первый человѣкъ, вышедшій изъ рукъ Создателя! Его разумъ, также какъ самъ онъ, не вѣдалъ младенчества; но онъ одаренъ сими совершенствами и безсмертіемъ — условно. Человѣкъ палъ, чистое созданіе Божіе померкло и шло чело-

вѣка огрубѣло; душа его, запернушая въ сію полстую оболочку, осуждена, во время жизни, не рѣдко завѣсть отъ шѣлесныхъ органовъ. Разспройство ихъ производишь разспройство въ чувстввахъ, коими сообщашь она другимъ душамъ свои духовныя ощущенія. Ея небесныя способности переснающъ существовать для свѣта. Тѣлесное образованіе человѣка, сколь оно ни кажешя намъ чудеснымъ, много обезображено грѣхопаденіемъ; ибо преступленіе, сдѣлавъ гибнущимъ шѣло, сотворенное для безсмертія, исказило сіе образованное созданіе Божеской десницы. Вошъ единственная причина недоснашковъ и уродливости, замѣчаемыхъ нами въ шѣлесномъ успроеніи человѣка!

Подъ тонкимъ покрываломъ, закрывающимъ мраморный ишуканъ, видны, хопя не совѣмъ, его члены и округлости; покрывало, не столь тонкое, сокросишь его болѣе, а грубое сдѣлаешъ совѣмъ невидимымъ. Можно сравнишь душу съ симъ завѣшаннымъ ишуканомъ; ибо душа всегда закрыта въ смершномъ шѣлѣ. Только въ вѣчности сбросишь она съ себя мрачное покрывало. Весьма поняшно, что сложеніе шѣла, болѣе или менѣе по природѣ своей грубое, ошчаси или совѣмъ ее закрывашь: это, объясняешъ разные степени умовъ. Понимая, что шѣлесная оболочка вредитъ уму и что отъ несравненно будешъ яснѣе, освободясь отъ нее, не могу ли я понять, что сія оболочка, сдѣлавшее по снеченію несчастныхъ обшоянельснвъ, въ высочайшей снечени грубою и темною, въ состояніи совершенно помрачишь разумъ? Но безсмертная душа существуетъ подъ завѣсомъ, ее отъ нашихъ чувствъ сокрывающимъ. Слабоумный отъ рожденія, освободясь изъ смершнаго шѣла, въ то же мгновеніе получишь божеснвснныя свойсна свои. Такъ пламень, заключен-

ный Химикомъ въ стеклянномъ сосудѣ, бываетъ невидимъ; но разбейте стекло: огонь улетаетъ, поднимается къ верху, загараются и превращаются въ яркое сіяніе. Душа челоѵка, слышшаго на землѣ великимъ Гениемъ, не будетъ тогда ни просвѣщеніе, ни умнѣ; шопъ, кто въ сей жизни лишень былъ упошребленія умшвенныхъ способностей, возрадуется предъ престономъ Всевышняго. Слабоумный принесетъ шуда непорочность: онъ не упошребилъ во зло ни одного дара Божіаго. Счастливецъ, онъ позналъ истину, ни малѣйшимъ облачкомъ не покровепную; счастливецъ, онъ насладился гдругъ и вполне поняшемъ о совершенствѣ, видя Бога во всемъ его блескѣ, во всемъ мугуществѣ и величїи! Счастливецъ, онъ не испыталъ муки сомнѣнія и заблужденія; онъ познаетъ и будетъ обожанъ съ благоговїемъ. Сколь сладко видѣшь рожденіе сей души, новой для всѣхъ впечатлѣній, вдругъ озаренной сіяніемъ истины, купающей блаженство небесное, выходящей изъ густаго мрака для наслажденія лицезрѣніемъ Бога и вѣчношью! Она слышитъ судъ, произносимый сильнымъ земли и благословишь свое невѣжество: вопъ жребїи младенца, который едва началъ улыбадъся мамери! Незнакомый съ заботами и просшупками жизни, засынаетъ онъ легкимъ сномъ невинности и просынается въ объшїяхъ Божїихъ, — познаетъ опасншши, опъ коихъ избѣгнулъ и славу и блаженство, конми вѣчно будетъ наслаждатъся.

Хопя намъ извѣшно, что недоспашки шѣлесные имѣюшь свое начало въ первородномъ грѣхѣ, исказившемъ наше шѣло и душу, но не извѣстенъ ходъ Природы при семъ дѣйствїи; ибо самый здоровый и самый сильный челоѵкъ не естъ самый оспроумный. Намъ не дано знашь, изъ чего сошкана завѣса, помрачающая

умъ: это пайна недостижимая! Довольно, для нашего спокойствія, увѣренности въ томъ, что душа существуетъ въ слабоумномъ и сумасшедшемъ и что разрушеніе тѣла освобождаетъ ее изъ тяжкихъ оковъ и темницы.

Неизлечимое сумасшествіе въ мужескомъ возрастѣ есть насоящая смерть въ очахъ Всевышняго: благія и злыя дѣла сумасшедшаго человѣка только до сей несчастной минуты подвергнутся суду Божию — и онъ не можешь ни исправить себя, ни принести покаянія! — Ужасно, если мы объ этомъ размыслимъ! Каждого изъ насъ можетъ постигнуть сіе несчастіе — и внезапно. Замѣшимъ, что надобно испытать дѣйствіе спрасшей, прежде нежели сдѣлаешься способнымъ къ сумасшествію; надобно, чтобы онъ произвели свое испребишельное дѣйствіе и разспроили мозгъ нашъ. Сколь сильно ихъ пагубное вліяніе! Люди рождаются слабоумными, но не рождаются сумасшедшими. Слабоуміе есть неспособность разсуждать, совершенное ничпожество мыслпшельной силы; сумасшествіе есть крайняя степень испорченности, замѣчаемой въ нашихъ сужденіяхъ.

Богъ допустилъ падшаго человѣка быть рабомъ болѣзней, слабоумія, сумасшествія; но хотѣлъ, чтобы онъ сохранилъ все превосходство свое предъ живыми, чтобы его душевныя способности не зависѣли отъ тѣлеснаго устроенія. Человѣкъ разслабленный, уродливый, лишенный одного изъ чувствъ своихъ, можешь быть по уму Паскалемъ или Невтономъ. Богъ поспановилъ, чтобы добродѣтель осталась совершенно независимой отъ ума и просвѣщенія. Самый ограниченный человѣкъ можешь быть равенъ добродѣтелями съ самымъ остроумнымъ. Это блистательное поржество Христіанской вѣры; ибо одна ея Нравственность по-

нянна для каждаго и одна производить сіе благошворное дѣйствіе. Въ большей часши добродѣтелей: въ благодарности, щедрости, благородствѣ духа, нѣжности чувствованій, вы не откроете ничего грубаго, вещественнаго. Напрощивъ того, въ порокахъ все вещественное — и рабъ своихъ спрассей живешъ шолько шѣломъ. Допущивъ ложное предположеніе, что Мораль древнихъ и новыхъ Философовъ можешъ руководствовашъ людей и не нося на себѣ священной печати божественнаго, что она всегда пошьянна, чиста и удивительна въ своихъ правилахъ, — обыкновенные умы не поймушъ Метафизическихъ книгъ, шоль хипро написанныхъ и большая часшъ людей не будушъ добродѣтельны, пошому что не знаюшъ, въ чемъ состояшъ добродѣтели. Но каждый изъ насъ съ Евангеліемъ въ рукахъ знаешъ свои обязанности, легко различаешъ зло ошъ добра и ложъ ошъ истины. Вѣрь и повинуйся! Младенцу опкрышы красоты Евангельской Нравственности!

Г Л А В А XXII.

Объ усовершенствованіи.

Древніе мудрецы опкрыли и написали объ образованіи и благоустройствѣ обществъ все, что природный свѣшъ ума опкрышъ въ состояніи. Ученые проникнули въ вещественномъ мірѣ всюду, куда имъ проникашъ позволено; однакожъ оспались вѣчныя таинства, для насъ необьяснимыя. Божественное опкровеніе здѣсь намъ не нужно: оно было необходимо для Нравственности.

Имя Евангеліе, не возможно думашъ объ усовершенствованіи правилъ Нравственности. Для просвѣщенія челошкось оспаешся писашъ шолкованія на сію божественную книгу и бесѣды на шкесшы

ся; но придетъ время, когда все будетъ изъяснено и располковано, когда не найдутъ ничего ни полезнаго ни новаго, что бы не было въ ней написано. Можетъ быть возразить мнѣ, что черезъ нѣсколько вѣковъ правила Евангельской Нравственности распространился въ цѣломъ мѣрѣ и крѣпче укоренился между народами, оныя нѣхъ уклонившимися. Я согласенъ, что тогда будутъ люди простѣе и счастливѣе; но это не должно называться усовершенствованіемъ, а распространеніемъ спасительныхъ правилъ благовѣстія, сознаниемъ ихъ необходимости, чистоты и божественности. Истина не измѣняется; вѣка въ полетѣ своемъ все на землѣ опрокидываютъ и разрушаютъ, кромѣ истины, которая одна, посреди народныхъ переворотовъ и паденія Царствъ, непоколебима. Заблужденіе, всегда непостоянное и перебѣгающее, перемѣляетъ, смотря по обстоятельству, мѣсто, правила и обычаи: оно не носитъ одного лица, но принимаетъ всѣ образы. Вошь чѣмъ соблазняетъ и увлекаетъ оно въ свои сѣти людей, падкихъ къ новостямъ. Изобразитель истины ограниченъ весьма малымъ числомъ понятий и образовъ, между шѣмъ какъ поле мечтателя неограничено; онъ можетъ, сколько ему угодно, создавать уродовъ и чудовищъ. Истинные Правоучители видятъ себя въ необходимости, повсюду одно и тоже; лжеучители безпрестанно могутъ выдумывать новое. Конечно они не сравниются съ великими Писателями XVII вѣка, ибо Писатель высокъ и глубокомысленъ только проповѣдующій истину; а защищающій ложь поверхностенъ. Но самая сумасбродная книга, если она нова, имѣетъ своихъ приверженцевъ; время и опытъ, доказавъ вредъ и истинность ея, подвергаютъ ее забвенію. Тогда люди возвращаются къ истинѣ и опять покидаютъ ее для новыхъ заблужденій. Это обыкновенный ходъ мѣтлы.

вседневно собственнымъ нашимъ опытомъ подтверждаема.

Учасишь предныхъ книгъ естъ всеобщее презрѣнiе; рано или поздно онъ сходящъ въ могилу и никакъ не воспоминаешъ о предметѣ, нами презираемомъ. Но досстойное уваженiя никогда не забывается ни спроси, ни скука не прешествующъ забывашъ добра правила Нравственности; онъ досаждаютъ, если не возвращаютъ на путь истины; правоученiе производитъ на насъ непрiятное впечатлѣнiе, если оно бесполезно и неуспѣшительно. Легко его отвергнушь и разсѣяшь; но оно невольно опять припомнается. Софистамъ ничего не сподобъ выдавать себя за изобрѣтательныхъ Генiевъ: имъ сподобъ только воспользоваться глубокимъ забвенiемъ, которыхъ всѣ дѣльныя умствованiя рано или поздно дѣлаются жертвою. Пусть возобновятъ ихъ; имъ не надобно бояться, чтобы обожновенные Писатели ихъ уличили въ похищенiи. Они могутъ наслаждаться своею славою: это доказали намъ Софисты XVIII вѣка. Усовершенствоване естъ мечтательная чина; спранно, что ей хотѣли дать существованiе въ такое время, когда все споль быстрыми шагами шло къ разрушенiю. Нравственное совершенство челофка — оставиися частнымъ: мы не превзойдемъ въ непорочности Святыхъ, кои оставили намъ уроки и образецъ жизни почши Ангельской; мы не увидимъ людей добродѣтели и совершенiе Святаго Людовика, Святаго Винченна, Святой Екшериты. Испорченности нравовъ можешь распросирашися и умножися; но добродѣтель не сдѣлается совершенiе. Касательно Словесности, вероятно, что въ печенiе нѣсколькихъ вѣковъ, новые народы на новыхъ языкахъ произведуть превосходныя сочиненiя а новые обычаи досажатъ предметы для карикши опи-

сапельныхъ и Сапирическихъ; но все ои предметы весьма немногочисленны.

Г Л А В А XXIII.

О животныхъ.

Все животныя должны были безъ сопротивленія повиноваться человѣку — и теперь еще человѣкъ пользуется нѣкошорыми правами самовластиа. Животныя суть мясешные рабы; но врожденное чувство и склонности ихъ обнаруживаютъ ихъ первоначальное рабство. Тщешно мучители хотѣли поработить родъ человѣческій нѣкошорымъ низкимъ работамъ: Природа шому противилась. Человѣкъ не сошворецъ замѣнять лошадь; ему не дано силы быка, верблюда, дромадера и слона. Животныя снабжены способностями, полезными человѣку; онѣ все перемчивы, безъ штруда пріучаются къ повиновенію и шерпѣливо несутъ иго, на нихъ налагаемое. Будущность бесполезна для существъ, коихъ назначеніе ограничено; имъ и не дано способности предвѣденія; но за шо дана память, необходимая для рабовъ и даже для служителей; ибо не имѣя понятія о наградахъ и наказаніи, они не спали бы повиноваться. Величіе человека и теперь еще содержишь въ почщеніи животныхъ; сильнѣйшія и кровожаднѣйшія изъ нихъ, въ первомъ движеніи, предаются бѣгству. Сей врожденный животнымъ страхъ до шого простирается, что, по увѣренію всехъ путешественниковъ, по одному уже обонанію предвидашъ онѣ опасность. Будучи принуждены ночевать въ Американскихъ лѣсахъ, путешественники для безопасности онѣ дикихъ звѣрей, развѣсиваютъ на шестахъ свою одежду. — Напротивъ мирныя животныя, на пр. собака, слышавъ человека, невольное чувствуютъ къ нему влеченіе. Человѣкъ

укрощаешъ самыхъ свирѣпыхъ живописныхъ, можешъ всѣхъ ихъ пріучишь къ себѣ; онъ обладаетъ шампсвенною силою, успрашающею сильнѣйшихъ изъ нихъ и привязывающею къ нему какъ шѣхъ, коихъ принимаетъ подъ кровъ свой, шакъ и шѣхъ, на коихъ возлагаешъ обязанность, защищать его.

По многимъ отношеніямъ, врожденное чувство живописныхъ удивительно, и имянно пошому, что онъ просія машины и повинуюшся слѣпо рукъ, ими управляющей. Напрасно расчотающъ похвалы ихъ правамъ; никакой нравсвенности нельзя искашь между сущесвами шѣлесными, коихъ смершь обращашъ въ ничтожешво: шущъ надобно удивляшъся Создашелю, на мгновение вызвавшему ихъ къ бытію и шноль мудро ими распорядившему. Между живописными не замѣшно никакого порыва къ добродѣтели, ни малѣйшаго шпрешленія къ развращу; онъ безопасны ошъ развращенности воображенія, но за шо не имѣють понятія о цѣломудрін; они созданы шакъ, что могутъ обойшисъ безъ одежды. Человѣкъ, шакъ сказать, предуведомленъ на счешъ спыдливости, необходимостью, въ какую поставила его Природа, носишь одежду. Замѣчашельно, что человеческое шѣло не производишь ничего годнаго на одѣяніе; что напрощивъ распшнія и живописныя производяшъ для сего до безконечности разнообразныя шкани и вещесшва и что въ климашахъ, гдѣ всего пужнѣе человѣку одежда, онъ находишь самую драгоценную, шо ешь самую шеплую. Еще замѣчашельнѣе, что женщина, дѣлаясь машерью, снабжена ошъ Природы молокомъ шолько въ шакоемъ количесшвѣ, какое пошребно для ея младенца; напрощивъ, у живописныхъ сія чистая, пріяшная, драгоценная жидкость въ чрезвычайномъ изобиліи, и сіе именно для шого, чтобы человѣкъ могъ пользовашъся ею, какъ своею общешвенностью.

Живошныя пошеряли для падшаго челоуька по мовиновеніе, коимъ были они обяваны челоуьку непорочному; но освободясь отъ зависимости, для коей созданы, они сохранили способность къ оному. Ихъ Природа не возвысилась, а напротивъ, переспавъ исполнять свое первое назначеніе, они унизились. Звѣри, употребляя во зло шѣлесную силу, сдѣлались свирѣпыми и кровожадными; челоуьку предоставлено укрощить ихъ, по ешь, по прежнему порабощить ихъ и шѣмъ возвратиться къ первоначальному назначенію.

Живошныя познали буйство и неповиновеніе, такіа бѣдствія, отъ коихъ сколь бы ни справедлива была пригшна къ мяшежу, мяшежники никогда не избѣгають. Тѣ, коимъ назначено жить въ зависимости, не могутъ найши спокойствія въ необузданномъ своеволіи.

Г Л А В А XXIV.

З а к л ю ч е н і е.

Кажешся я доспашочно доказаль, что люди, предаваясь порокамъ, несправедливо думаютъ въ семь случаевъ слѣдовать Природѣ. Мы дѣйствительно одарены опасными склонностями, и испорченная наша Природа можетъ вовлечь насъ въ самые гнусные пороки; ибо влеченіе наше къ добру ешь чувствованіе, простая склонность, а не спрась. Ходъ добродѣтели вѣрентъ и поспоянентъ; она не производишь воспорговъ, но даруешъ миръ душъ — единое существенное благо; между шѣмъ какъ порокъ легко въ спрась превращаешся, а всякая спрась ешь уже сумасшесвіе. Предаваясь ей, мы воспламеняемся до нешповешва. Могущество спрасши, кошорая превращаешся совершенно въ пошребность шѣлесную, дѣлаешся непреодолимымъ; напротивъ, сего не можетъ случиться съ усовершен-

спованною добродѣтельно, которая, необходимо для насъ духовныя, старается освободить отъ власны чувствъ и плоти.

Лжеучителямъ легче доказать Фатализмъ благи дѣянiями человека, нежели злыми. Мы можемъ, руководствуясь врожденными способностями, исполнять все предписанная намъ обязанности; злыя же противоположны нашимъ склонностямъ; вопль почему злодѣй не имѣеть оправданiя, а добрый долженъ смириться. Наши ошибки и заблужденiя происходятъ отъ дурно направленныхъ склонностей, отъ ложной чувствительности, отъ сумасброднаго удивленiя, отъ любовныспва, на мѣлочныя предметы устремленнаго. Сiи движенiя души вмѣстѣ съ благодарностью, честолюбиемъ, жалостью, служатъ свѣильниками, озаряющими прямую нашу дорогу; мы заблуждаемся, следуя за блестящимъ призракомъ.

Нѣтъ никакого противорѣчiя въ сердцѣ человеческомъ; то, что намъ кажется неизяснимымъ, является такимъ только по наружности; осмотришь пристальнѣе — и найдешь въ душѣ праведника миръ, согласiе, гармонию. Отъ чего? Отъ того, что онъ умѣеть направлять склонности и знаетъ истинныя свои выгоды. Внѣрнимъ, легкомысленнымъ кажется намъ человекъ, который, не умѣя отличить природныхъ склонностей, позволилъ спраснямъ увлечь себя; злодѣемъ становившися потѣ, кто изгладилъ изъ души все слѣды сихъ склонностей.

Такъ разсмотрѣнiе человеческого сердца доказываетъ истину Религiи: слабости обнаруживаютъ намъ испорченную Природу и усилiя духа-искусителя, погубившя насъ; счастливыя склонности и даже вводящiя насъ въ заблужденiе являютъ намъ Божескiй о насъ промысль и убѣждаютъ, что мы созданы для Бога и

безмерсія. Сіи испины, краснорѣчивѣ изложенныя, бросили бы яркій свѣтъ на всѣ другія испины, и именно на тѣ, кои намъ знашь и коимъ вѣришь необходимо. Я не только ихъ вижу; я ихъ глубоко чувствую; но надобно имѣшь несравненно большія дарованія, чшобы изобразить ихъ во всей полнотѣ.

Если бы каждый изъ насъ рѣшился безприсрашно взвѣсиль доказательства Религій, сіи доказательства, копорыя одно другое подкрѣпляютъ и одно за другое держатся; то не оспалось бы и тѣни сомнѣнія. Нѣшь необходимости изъясняшь себѣ все; довольно разрѣшишь для себя извѣстное число важнѣйшихъ вопросовъ, служащихъ основою.

Самое несносное изъ мученій для нечесливца въ вѣчности будетъ сознаніе, что намъ дано было довольно свѣта, чшобы освѣтити дорогу къ Вѣрѣ.

Мы можемъ предсказати себѣ то, что будемъ мы думать въ будущей жизни о нашихъ шеперешнихъ заблужденіяхъ, вообразя себѣ, что думаемъ мы объ сдѣланныхъ нами въ молодости шалостяхъ: мы не постигаемъ сами себя, пришедъ въ спокойное состояніе.

Откроемъ же глаза, пока есть время; шеперь будемъ *прозирать*, чшобы нѣкогда, безъ ужаса и опчаянія, вполне все *увидѣть!*

Съ Франц.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П ъ с н я.

Минувшихъ дней очарованье!
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ
И зримо ей минуша стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, *святое прежде*,
За чѣмъ въ мою пѣснился грудь!
Могуль сказать: живи, надеждѣ?
Скажуль тому, что было: будь?
Могуль узрѣшь во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могуль опять одѣшь покровомъ
Знакомой жизни нагосу?

Зачѣмъ душа въ шопъ край спремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится;
Не узришь оиъ минувшихъ лѣтъ!
Тамъ есть *одинъ* жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины:
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены!

Жуковскій

Элегія.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечпы;
Оспалась мнѣ одни спораданья —
Плоды сердечной пустошы.

*

Безмолвно жребію послушный —
Влачу спрадальческой вѣнецъ;
Живу, печальный, равнодушный,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

*

Такъ поздимъ хладомъ пораженной,
Какъ въпрорвь слышенъ зимній свистъ,
Одинъ — на вѣлкѣ обнаженной —
Тренещешь запоздалый листъ!

А. Пушкинъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XLIX.

П Р О З А.

А р ф а.

Истинное происшествіе (*).

(Изъ сочиненій Кёрнера.)

Эдуардъ любилъ прекрасную Жозефину со всею пылкостью юнаго, пламеннаго сердца. Они знали другъ друга съ младенчества; взаимная любовь ихъ возрастала съ годами; но обстоятельства долго удерживали Эдуарда отъ цѣли его желаній, — отъ вступленія въ бракъ съ милою Жозефиною. Получивъ наконецъ мѣсто съ достаточнымъ доходомъ для

(*) Такъ по крайней мѣрѣ называетъ его Сочинитель. Впрочемъ происшествіе сіе не есть единственное въ своемъ родѣ. Славный *Виландъ* рассказываетъ подобное въ своей *Этаназіи*. (Отрывокъ сей переведенъ и напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1803-го г.) Книга Д-ра *Вецеля*: *Meiner Gray zweymalige Erscheinung* и проч. извѣстна въ ученой Европѣ. — Мы однакожъ воздерживаемся отъ всякихъ Психологическихъ изслѣдованій о семъ предметѣ; ибо не имѣемъ другаго намѣренія, какъ только угодить Читателямъ занимательною Повѣстью. *Изд.*

содержанія себя и жены, предсталъ онъ съ вѣрною подругою къ олшарю — и высочайшее земное блаженство остигло двухъ счастливицевъ.

Послѣ ушюмишельныхъ поздравленій и семейныхъ праздниковъ, они могли наконецъ, безъ свидѣтелей и въ сельскомъ уединеніи, наслаждаться прекрасными лѣтними вечерами. Планы о будущемъ образѣ жизни, флейша Эдуарда и арфа Жозефины пріятнѣйшимъ образомъ наполняли часы, слишкомъ быстро пролетавшіе для нѣжныхъ любовниковъ-супруговъ. Сладостное согласіе ихъ Музыки казалось имъ благопріятнымъ предвѣстникомъ счастливой будущности.

Въ одинъ вечеръ Жозефина, послѣ долгой игры на арфѣ, почувствовала сильную боль въ головѣ. Она умолчала передъ мужемъ объ обморокѣ, случившемся съ нею наканунѣ того дня. Легкій припадокъ лихорадки увеличился послѣ раздражительнаго дѣйствія Музыки и послѣ сильнаго напряженія нервъ, которыя у нея съ малолѣтства были весьма слабы. Теперь Жозефина не могла болѣе скрывать своей болѣзни и заболѣвший супругъ ея тотчасъ послалъ за Докторомъ. Онъ пріѣхалъ, но не замѣтивъ ни малѣйшей опасности, общалъ къ утру совершенное выздоровленіе.

Послѣ безпокойной ночи, которую бѣдная Жозефина провела въ безпрестанномъ бреду, Докторъ увидѣлъ всѣ признаки жестокой нервической лихорадки. Онъ испощалъ всѣ возможныя средства; но болѣзнь Жозефины становилась часъ отъ часу опаснѣе. Эдуардъ былъ въ отчаяніи. Въ девятый день больная сама уже предчувствовала близкій конецъ свой и съ спо-

койнымъ духомъ покорилась волѣ Всевышняго. „Любезный Эдуардъ!“ — говорила она мужу слабымъ голосомъ, прижимая его въ послѣдній разъ къ своему сердцу: „горестно для меня разлучаться со свѣтомъ, гдѣ я тебя любила, гдѣ наслаждалась величайшимъ земнымъ блаженствомъ. Но если не дано мнѣ Судьбою, бышь счастливою здѣсь; но вѣчная любовь Жозефины да будетъ твоимъ вѣрнымъ Гениемъ - Хранишителемъ, до свиданія нашего тамъ!“

При сихъ словахъ она припала лицомъ къ изголовью и тихо преспавилась. Было девять часовъ вечера. Кто опишетъ свиданія Эдуарда? Жестокій ударъ сей навсегда разрушилъ его здоровье. Онъ долго боролся со смертію; но протѣвнн многихъ недѣль хоша и всталъ онъ съ одра болѣзни, но прежнія силы его исчезли. Пенсильная пска заступила мѣсто опчаянія и цвѣщущее прежде здоровье его часъ ошъ часу увдало.

Комната Жозефины оспалась въ шакомъ точню видѣ, въ какомъ находилась предъ ея смертію. На столнкѣ лежало еще ея рукодѣлье, а въ углу стояла безмолвная арфа. Эдуардъ каждый вечеръ приходилъ съ сіе святилище любви, приносилъ съ собою флейшу и садясь къ окну, какъ бывало въ дни счастливаго супружества, въ унылыхъ ея звукахъ выражалъ поску по незабвенной подругѣ. Такъ сидѣлъ онъ однажды въ комнатѣ Жозефины, погруженный въ тяжелыя думы. Полный мѣсяць взошелъ изъ за роуци. Тихій вечеръ навѣвалъ на него прохладу сквозь открытое окно и на ближней башнѣ пробило девять часовъ. Вдругъ зазвучала арфа, какъ будто коснулось къ ней

дыханіе невидимаго Духа — и звуки *Эдуардовой* флейты слились со звуками арфы. Пораженный симъ чудомъ, Эдуардъ пересталъ играть, но вмѣстѣ съ нимъ умолкла и дивная арфа. Онъ заигралъ любимую пѣсню Жозефины и — струны снова зазвучали, громче и пріятнѣе.

Тогда простеръ онъ руки съ радостнымъ шепетомъ, дабы обнять шѣю незабвенную, какъ вдругъ почувствовалъ надъ собою нѣчто подобное тихому дуновенію весенняго вѣтерка и ксманша озарилась слабымъ мерцаніемъ. „Я узнаю тебѣ, шѣю моею несравненной Жозефины!“ — вскричалъ онъ съ радостнымъ восторгомъ: „ты обѣщала осыпать меня своєю любовію и сдержала слово! Я пью швое дыханіе; чувствую, что супружнія лобзанія швои горящъ на ушахъ моихъ!“

Въ семъ радостномъ изступленіи, снова взялъ онъ флейту. Арфа опять заиграла, но звуки ея мало по малу утихали и наконецъ слились съ шептаніемъ ночнаго вѣтра.

Чудесное сіе происшествіе имѣло великое вліяніе на жизненныя силы несчастнаго Эдуарда. Встревоженное сердце его сильно билось; онъ бросился на постелю; желалъ уснуть, но разгоряченному воображенію его безпрестанно слышались звуки арфы. Наконецъ, будучи утомленъ смутными мечтаніями, впалъ онъ въ сладкую дремоту. Но къ утру почувствовалъ онъ въ себѣ ужасную перемену: здоровье его совершенно разстроилось. Имъ овладѣла неизлечимая шоска, предчувствіе близкаго разрушенія.

Съ непертяливымъ безпокойствомъ ждалъ онъ вечера, сидя въ комнаѣ Жозефины. Унылыя звуки флейшы погружали его въ сладосныя мечшанія о минувшемъ блаженствѣ. На башнѣ пробило девять часовъ и лишь шолько послѣдній ударъ колокола исчезъ въ пусшынномъ воздухѣ, — какъ арфа заиграла, сперва тихо, подобно шопошу З-фира, а потомъ струны ея зазвенѣли громче и громче. Когда Эдуардъ пересшавалъ играть на флейшѣ, то и арфа умолкала. Слабое мерцаніе свѣща и въ сей вечеръ показалось въ комнаѣ. Внѣ себя отъ восхищенія, Эдуардъ могъ шолько произнести: „Жозефина Жозефина! прими меня въ свои объятія!“ Арфа и въ сей разъ прощалась съ Эдуардомъ тихими, пропьяжными звуками, кошорые наконецъ перешли въ нѣкошорый унылый шопошъ.

Эдуардъ, еще сильнѣе разпроганный происшествіемъ сего вечера, въ великомъ волненіи удалился въ свою комнашу. Вѣрный слуга его испугался, увидѣвъ смершную блѣдноту на лицѣ своего Господина: безъ всякаго приказанія, побѣжалъ онъ за Докторомъ, старымъ другомъ Эдуарда. Онъ шощасъ прѣхалъ и зашшалъ больного въ жестокомъ лихорадочномъ жару, съ шѣми же самыми признаками, какіе были у Жозефины, но въ гораздо сильнѣйшей степени.

Въ продолженіи цѣлой ночи Эдуардъ непрерывно бредилъ о Жозефинѣ и о чудесной арфѣ. Къ утру казался онъ спокойнѣе; душевная борьба его ушла. Онъ говорилъ ушвердительно, что чувствуетъ приближеніе смерти, хошя Врачъ не хошѣлъ о томъ и слышашъ. Больной открьлъ другу своему проис-

шестиве послѣдняго вечера; но никакія возраженія благоразумнаго Врача не могли вывести его изъ этого мнѣнія. Съ наступленіемъ вечера слабѣсть его увеличилась и онъ спалъ просить шрепещущимъ голосомъ, чибобы отнесли его въ комнату Жозефины.

Желаніе его было исполнено. Съ неописаннымъ веселіемъ смотрѣлъ онъ вокругъ себя; со слезами умиленія привѣщивовалъ онъ воспоминанія о милой подругѣ. Съ швердою увѣренностію говорилъ онъ, что девятый часъ сего вечера будешь послѣднимъ въ его жизни.

Роковая минуша приближалась. Просшившись со всеми, онъ просилъ ихъ выйти изъ комнаты. Всѣ повиновались, выключая Доктора, кошърый непременно хотѣлъ ошашься.

Прошяжно и глухо прозвучали на башнѣ девять часовъ. Въ пошухающихъ глазахъ Эдуарда засверкала живая радость; на блѣдномъ лицѣ его вспыхнуло чувство сильнаго движенія. „Жозефина!“ — возкликнулъ онъ, какъ будшо въ нѣкошоромъ вдохновеніи. „Жозефина! привѣщшвай хоть разъ еще мое опшешіе! Дай мнѣ почувшвовашь швою близость, дабы любовью швоею могъ я побѣдить шраданія смерти!“ И струны арфы дивно заиграли: громко раздались согласные звуки, какъ будшо пѣснь побѣды! Надъ умирающимъ носился нѣкошорый слабый свѣшь. „Иду! иду!“ — вскричалъ онъ, приподнимаясь съ одра своего; но жестокая сила болѣзни повергла его опять на пошелю. Смерть боролась съ жизнью — и побѣдила. По мѣрѣ приближенія кончины несчастнаго Эдуарда, арфа играла все громче и согласнѣе,

и когда юный спрдадецъ испустиль послѣднее дыханіе, то струны вдругъ лопнули, какъ будто разорванныя невидимою рукою.

Врачъ содрогнулся и закрывъ глаза усопшему другу, оставилъ компану въ сильномъ волненіи. Долго не могъ онъ изгладить изъ сердца своего воспоминанія о чудесной арфѣ; долго хранилъ глубокое молчаніе о странныхъ подробностяхъ Эдуардовой кончины. Но однажды, будучи въ искреннемъ кругу пріятелей, рассказалъ онъ имъ сіе происшествіе и показывалъ арфу, кошорая досталась ему въ наслѣдство послѣ покойнаго друга.

В. Тило.

Выписка изъ путешественнаго Журнала Г. Штурмана Васильева (*).

Высадя, при Божіей помощи, на *Неву* команду и грузъ въ Пепропавловской гавани, 12-го Октября 1811-го г., отправился я на островъ Ашху, куда благополучно и прибылъ 27-го шегожь мѣсяца. За успешнѣемъ тамошняго Правителя *Куликолова*, управляль, уже 4 года, промышленникъ С**, который не имѣль нужныхъ для сего способностей. Промышленность острова, оныя лѣности и безвѣстности управляющаго, была запущена. Жители, не занимаясь лѣшомъ заготовленіемъ припасовъ, часто шерпанъ зимою ужасный въ нихъ недоспашокъ и пришомъ до такой степени облѣнились, что имъ ничего нѣшь возможнаго, а все кажется спрашно и избыточно. Словомъ, они переняли всю Алеушскую жизнь и лѣность. Хотя уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ сѣ острова найдены и посѣщаемы были Руссѣйскими мореплавателями; но въ гавани нѣшь еще ни одной рубленой избы, а шолько нѣсколько земляныхъ юршъ, въ которыхъ не найдете ни шепла, ни свѣта. Не знаю, чѣмъ занимающя живущіе тамъ 7 человекъ Рускихъ, которые еще при себѣ имѣють 15 человекъ Каюровъ, ш. е. Алеушовъ работниковъ и до 15-ти

(*) Штурманъ 12-го класса, Ив. Фил. *Васильевъ*, служившій на суднѣ *Финляндія*, посѣщиль и описаль (въ 1811-мъ и 12-мъ г.) гряду Алеушскихъ острововъ. Вошь подробное извлеченіе изъ его Журнала, о коемъ знаменитый нашъ мореходецъ, В. М. *Головинъ*, упоминаеть съ достойною похвалою.

Каюрокъ или Алеускихъ женщинъ, исключая развѣ того, что они наряжаютъ всѣхъ живущихъ здѣсь Алеушова и Алеушова на работу. При такомъ пособіи, можно бы очень хорошо выстроиться, если бы только была охота и жизнь порядочно, такъ что судамъ была бы возможность, зимовать при островѣ. Въместо того нашелъ я страшную бѣдность и сердечно жалѣлъ объ участи жителей. На сіе можешь бышь иисей скажешь, что они занимающа прораменностію и имъ недосужно. Советъ ишь: ни одинъ Руской не умѣешь промыслишь бобра, а прораменляють одни Алеушы, — и отдають первымъ, за самую малую цѣну. Миѣ отвѣли также подземельную юршу, въ которую, за всѣ мои перенесенные шруды, долженъ былъ я съ семействомъ помѣститься и жизнь цѣлые полгода. Въ сихъ юршахъ, какъ выше сказано, ишь ни шенла, ни свѣта. На юршѣ и въ юршѣ рощесть шрава; Компасы и прочіе инструменты опъ сырости ржавѣють, книги и плашь гниють. Въ дождь оповсюду каплешь, а окна, здѣланная изъ кишокъ, вырываетъ въшромъ. Такого бѣднаго селенія рѣдко гдѣ можно найши, хоша уже лѣшь 50 сія гавань ешала извѣстна. Я боялся, что опъ сырости и душевнаго унынія, какъ я самъ, шакъ равно и Команда, не впали къ веснѣ въ болѣзнь; а пошому надобно было, въ продолженіи зимы, чѣмъ ишбудъ заняшься.

Ноября 1-го, 1811. Судно было изъ Камчатки, нагружено дровами, которыхъ доспашочно выходило на всю зиму и съ остаткомъ; ибо дрова идушъ только для кухни. У С*** находилось еще довольно лѣснику, собраннаго по берегамъ на дрова; къ шому же у Але-

ушовъ прикупили мы на 25 рублей. Ишакъ половину Команды своей, состоящую изъ 12-ти человекъ, раздѣлилъ я слѣдующимъ образомъ: шесть человекъ, кошорые знаютъ плотничную работу, заставилъ рубить мапрозскую избу, а остальныхъ употребилъ къ поправленію судоваго шакелажа и починкѣ парусовъ.—1-го Ноября заложили двухъ-саженную квадрашную избушку, а 16-го Декабря перешель я въ оную жищъ. Изъ найденнаго въ горѣ, мягкаго камня склали печку и вскорѣ забыли всю прешерпѣвную нужду. Это по всей Алеушской грядѣ первой домъ, (если шакъ можно его назвашъ, хотя онъ и крытъ шправою), и первая въ немъ печка, изъ кошорой мы спали печеной хлѣбъ употребляшъ въ пищу. Послеъ этаго принялись мы, соединенными силами, поправляшъ судно и всѣ принадлежности онаго. Къ счастью, нашлась на Апхѣ кое-какая кузница и шакже кузнецъ; мы поправивъ первую, принялись исправляшъ судно. Въ семь же мѣсяцъ нашли каменный уголь, кошорой намъ годился для крашенія судна, а потомъ и для кузницы. Въ кипячихъ ключахъ нашель я разныя краски, кошорыя, высушивъ и расперши на ворваньемъ жиру, по немѣннѣю олифы, выкрасилъ судно, кошорое первый разъ получивъ на себя шакую оболочку, сдѣлалось красиво и прочно. Въ Февраль 1812-го года прихожу въ Охошскъ и—его не узнаюшъ! Я не опушилъ ничего, что нужно было на счешъ улучшенія судна, сколько искушва моего досшашочно было; равно въ шакелажѣ и парусахъ сдѣланы необходимыя исправленія, кошорыя Компаніи ничего не стоющъ, а ходишь ешало судно гораздо лучше.

Надобно знашь, что польза Компаніи и благоденствіе живущаго по градъ народа, пребують, чтобы въ Ашхъ былъ Правитель добрый, честный и правдивый человекъ. Нужно, чтобы онъ былъ и женащъ; ибо въ шамошнемъ краю, при первомъ шагѣ, всякъ впадаетъ въ порокъ и развращъ, кой пошомъ, зашмѣвая рассудокъ, ведушь за собою цѣпь злоключеній и бѣдствій, какъ для себя, такъ и для народа. Трудолюбіе можно конечно поставишь первымъ долгомъ; ибо ошъ него всякая промышленность и спокойствіе приобрьшающа, а особливо въ такомъ новомъ мѣстѣ, какъ Ашха, кошорая пребуешъ не малыхъ прудовъ какъ для населенія, такъ и для запасенія пищи и проч. При большемъ прудолубіи не могли бы они шерпѣшь голода, какъ нынѣ часто случается. Ашха всегда доставляла въ Охотскъ немалую часть богатства; но ошъ нерадѣнія Правителей и неполученія на сей островъ шоваровъ, промышленность онаго годъ ошъ году упадаетъ. Въ чешыре года шолько могли кое-какъ, со всей Андреяновской гряды, собрать съ небольшимъ 500 бобровъ и 71 песца, между шѣмъ какъ при прудолубивомъ Правителѣ можно-бы собрать гораздо болѣе. Должно присемъ замѣшишь, что за бобра, по шарому договору, плащашъ 3 рубля. Въ шо время спойлъ конецъ Кишайки шоже 3 рубля и Г. *Деларовъ* уговорился съ ними, брать ошъ нихъ за конецъ Кишайки по одному бобру. Нынѣ же привезли мы шовары въ высокой цѣнѣ и Алеушъ уже за конецъ Кишайки плащашъ шри бобра и одишь хвоешь. Жалки эши бѣдные люди: они мало промышленяють и за эшу малосшь взять имъ нѣчего. Хотя бы вѣшщо

Киптаскъ. привозили имъ сѣраго шолешаго сукна или шолешаго холеша; они бы довольнѣе были, пошому чшо сїи шовары для нихъ дешевле, да и нужнѣе. (*)

Селеніе острова Апхи лежишь подь $52^{\circ} 17'$ N ширины и 185° Восточной ошь Гренича долготы. По Компасу имѣешь 17° Восточнаго склоненія. Климашъ изрядной; во всю зиму не бывало болѣе 5 ши градусовъ ешужи, а болѣею часнїю по Термометру выше почки замерзанія. Осенніе господствующіе вѣтры сущь: N W и N, а къ веснѣ O. Западный и Восточный вѣтры самыя жестокіе, какіе только можно себѣ представитишь; ими не одинъ разъ, за всѣми уврѣленїями и бдѣтельностью, судно срывало съ канашовъ и якори увлекались шакъ, чшо я уже рѣшился-было вынушь и мачшы.

Островъ Апха горнистой и въ приморскихъ мѣстахъ утесистой; въ Сѣверной части имѣешь онь высокую огнедышущую гору, которая и нынѣ производишь пламя. Часно случающа землетрясенія, иногда столь чувствительныя, чшо заставляющъ выходишь изъ юршь. Есть много кипучихъ ключей, и можно сказашъ, чшо островъ весь каменной и много имѣешь въ себѣ селитрянаго вещества, только сверху покрывъ нѣсколько черноземомъ, на коемъ, а особливо на низменныхъ мѣстахъ, роснѣшь превысокая густая трава, которая и употребляется для юршь на кры-

---

(*) Надобно вспомнитишь, чшо сїе писано за 10 лѣтъ предъ симъ. Мы увѣрены, чшо попечительное Правленіе Сѣверо-Американской Компанїи обратило вниманіе на сїи предметы и чшо всѣ сїи неудобства болѣе не существующи. *Изд.*

ши. Скопководство было бы весьма выгодное; сѣна заготовлять почти не нужно, потому что земля рѣдкіе годы покрывается снѣгомъ, а когда и покрывается, но не на долго. Лѣсу совсѣмъ не растутъ, кромѣ мѣлкаго пальнику; но если бы стали разводиль, то можешь бышь имѣли бы усѣхъ. Да еще выкидныи съ моря собирають по берегамъ на байдары и привозять въ гавань. Лѣсъ сей идетъ только для варенія пища. Заливовъ и гаваней со всѣхъ сторонъ довольно; только ша гавань, гдѣ селеніе, не изъ лучшихъ. Входъ въ нее, судя по пространству, самой узкой; безъ пошановленія вѣхъ или бакеновъ неуловительно, чтобы кто могъ войти благополучно, не попавъ на мѣль, а особливо сначала входа, гдѣ $1\frac{3}{4}$ сажель глубины и каменный грунтъ. Ошь прилива и отлива бывають быстрое шеченіе, а съ моря ходишь значущая зыбь. Возвышеніе воды здѣсь не болѣе прехъ фушовъ, и надобно, чтобы судно было въ грузу не болѣе 3-ши фушовъ. Нужно будущему Правителю, переменить гавань и обселить ону.

До прибытія Рускихъ, островъ сей былъ многолюднѣйшій, что доказываютъ во многихъ мѣстахъ по острову, останки бывшихъ селеній. По прибытіи Рускихъ число ихъ стало уменьшаться, какъ ошь несогласій, кои съ частными Компаніями происходили, такъ и ошь моровыхъ повѣтрій, особливо привезенной на суднѣ *Петръ* и *Павль*, подъ командою Г. *Пышенкова*, гнилой горячки, которая распространилась по народу, съхавшемуся тогда въ гавань и причинила совершенное опустошеніе. Сказываютъ, что въ сіе время, если кто захвораетъ и нашьется

холодной воды, но онъ въ то же время умиралъ, такъ что и хоронить выходило нѣкому. По приказанію Г. *Пышенкова*, были приспавлены люди, которые сморгали за хворавшими и не давали пить холодной воды, чѣмъ и прекратили сію свирѣпствующую заразу. Нынѣ по всему острову считашася природныхъ жителей мужскаго и женскаго пола, большихъ и малыхъ, 108 душъ. Какая малость въ сравненіи съ прежнимъ числомъ! Живутъ всѣ они при гавани, лѣтомъ только выѣзжаютъ для промысла въ Бичевинскую (на здѣшнемъ же островѣ) гавань, отсюда въ верстахъ 70 къ SW, а къ осени и на зиму пріѣзжаютъ обратно.

Мужскаго пола здѣсь меньше, нежели женскаго, а всѣ вообще живутъ въ великомъ развратѣ. Для прекращенія эшаго зла, нужно на островъ послать Священника. Еслибъ онъ обвѣчалъ одну пару, то сіе подало бы другимъ похвальный примѣръ; ибо шеперь, наживши съ одною женою нѣсколько дѣтей, островитянинъ бросаешь ее и беретъ другую, пошешъ ирешью и ш. д. Впрочемъ Алсупы, какъ и Апхинцы и другіе жители Андрияновской гряды, всѣ просятъ, чтобъ у нихъ была церковь и Священникъ: они къ Вѣрь гораздо усерднѣе Кадьяцкаго народа.

(Продолженіе спредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Элизѣ.

Зачѣмъ неискреннимъ участіемъ
Меня такъ нѣжно ты даришь?
Ты лаской въшреной со счастьемъ
Судьбы моей не примиришь.

*

Прошли минуны шоропливыя
Тѣхъ красныхъ, юншескихъ дней,
Когда надежды, вѣчно льстивыя,
Играли жизнию моею.

*

Когда швой образъ усланишельной,
Твоя улыбка, слово, взглядъ,
Въ душѣ моей, мечшой живишельной,
Спраданья врачевами ядъ.

*

Давно я кипнулъ уцваніе....
Давно шбой я позабылъ;
Твое безплодное вниманіе
Любви моей не оживилъ.

*

Я оцѣнилъ швой взоръ предашельной;
Въ обманъ рѣчей не вдаюся я!
Престань же нѣжноешью мечшашельной
Тревожишь еуешно меня!

*

Оставь меня съ привычной мукою,
Въ бесѣдѣ и въ борьбѣ съ душой;
Бышь можешь хладной сей наукою
Воспоржешсвую надъ собой.

*

Бышь можешь, съ гореспнымъ забвеніемъ
Всѣхъ благъ упраченныхъ моихъ,
Я выкуплю долгошерпніемъ
Хошя спокойсшва бѣдный мигъ!

С. П. Б., 25-го Маія.

Печашать позволеншя: Декабря 20-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. *Влруковъ*.

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. I.

П Р О З А.

Выписка изъ путешественнаго Журнала Г. Штурмана Васильева.

(Продолженіе.)

Что касается до бѣдности здѣшняго селенія, то къ оной содѣйствовали многія обстоятельства. Прежде производили здѣсь торгъ частныя Компаніи. Тогда всякой старался только, прозимовавши кое-какъ, набрать побольше бобровъ и вышши въ Охотскъ съ богатствомъ; нынѣ же, по соединеніи Компаній, Апхинскій ошдѣль, во многихъ отношеніяхъ, былъ несчастливѣе другихъ. Выѣхавшій ошсюда за 4 года предъ симъ Правитель *Ладыгинъ* спрадалъ, въ послѣднее время, бользненными припадками. Онъ оставилъ послѣ себя промышленнаго С*** и съ нимъ 6 человекъ Рускихъ; но мы уже выше сказали, въ какомъ состояніи нашли мы островъ и жишелей. Теперь только еще насталь Февраль мѣсяць, а ни у Рускихъ, ни у Алеушовъ всть нѣчего. Представьте себѣ положеніе народа, который живешъ въ земляныхъ юрсахъ, да и пуждается въ пищу! Чѣмъ занимаешься? Дровъ нѣсть, а бѣдные Алеушы наги и босы.

Чешвероногихъ живонныхъ никакихъ здѣсь не найдены, кромѣ песцовъ, копорые частными Компаніями были привезены съ Командорскихъ острововъ, лишь 20 шому назадъ. Звѣри сіи расплодился и сосавляють отрасль промышленности; мѣха ихъ пушисты и голубаго цвѣта. Сказываютъ, что одинъ песецъ производилъ въ годъ до 10-ти и 12-ти дѣтей. Впрочемъ Алеуты жалуются, что они ошогнали пшницъ, копорыхъ прежде было очень много и конхъ перья служили имъ для ихъ одежды. Нынѣ для сего должны они ѣздить на другіе острова.

Здѣшняя гавань ошкрыта частными Компаніями, имено Перовицкомъ *Корвиннымъ*, почему и называютъ ее гаванью Корвинскою. Ошсюда къ З, въ 70-ти верстахъ, ошкрыта гавань Компаніею *Бечевиннымъ*, копорую и называютъ Бечевинскою.

Прозимогавиши кое-какъ и собравши со всей Андреевской гряды промышленныхъ звѣрей, вооружили мы судно и 29-го Апрѣля вышли въ море. Мы взяли съ собою на ближніе острова *Беринговъ* и *Алжикку*, разныхъ новаровъ и съсисныхъ припасовъ.

Льтъ за 6 или за 7, промышленнымъ *Лазаревымъ* (не знаю, зачѣмъ и для чего), вывезены были съ Крымской гряды, на двухъ байдарахъ, все люди на острова Алжку. Ихъ находилось до 85-ти человекъ. Насполяція причины неизвѣстны, ошчаспи пошому, что сей *Лазаревъ* вскорѣ пошомъ умеръ. Говорятъ, что сіе здѣлано для *отдыха* шѣхъ острововъ, ошносительно къ звѣриной ловлѣ; другіе ушверждаютъ, что для работы при гавани. Какъ бы шо ни было, они жили шамъ лишь 7 безъ всякихъ промысловъ и шолько заготовляли пшпасы для гавани. Многие изъ нихъ померли пошомъ ошчь голода и ошчь разныхъ болѣзней. Когда бывшій

Правитель *Ладыгинъ* отпралялся на корабль *Петръ* и *Павль* съ *Г. Пышенковымъ* въ Охотскъ, по представлялся хорошій случай, вывезши его обратно; но— онымъ не воспользовались. При нынѣшнемъ моемъ отправленіи, ихъ *Таіонъ* (*Спаршина*) *Сапожниковъ* и прочіе переселенцы убѣдительно просили, отвезши ихъ обратно на Амчишку. Жалко было не удовлетворить ихъ желанію, хотя С*** мнѣ въ помѣ отказывалъ, говоря: „Кшожь у меня будешь работашь?“ Я совѣтовалъ ему отдѣлать часть поварнаго для Амчишки груза; а я пришлю къ нему изъ Команды, по ихъ желанію, двухъ человекъ, которыхъ онъ можешь попомѣ съ сими переселенцами и съ грузомъ отправить на Амчишку. Онъ согласился на сіе предложеніе и при Божіей помощи отвезено на Амчишку 38 человекъ мужскаго и женскаго пола, съ ихъ дѣтьми и съ двумя промышленными *Мальцовымъ* и *Сергѣевымъ*. При нихъ отправлены шестивесельная байдара и 13 однолучныхъ байдарокъ. Я имѣлъ счастье высадить сихъ островицъ, 5-го Маія, на ихъ родину, въ показанную ими же самими гавань, коюрой по всему острову, какъ увѣряюшь, лучше нѣтъ. На Амчишкѣ широта мѣста $51^{\circ} 26' N$; долгота отъ Гренвича къ Востоку $179^{\circ} 32'$; Компасъ склоненіе имѣешь $51\frac{1}{2}$ град. Восточное. Въ Охотскую Контору представленъ мною планъ оной гавани, коюрая и названа гаванью *судна Финляндіи*. Какая была радость Алеушовъ! Они непременно хотѣли исправить байдарки и шопчасъ ѣхашь для промысла, также отпрашивать шоварищей своихъ, уѣхавшихъ изъ Амчишки на Кыску на 6-ши байдаркахъ. Вопъ все населеніе Крысей гряды. Мы нашли еще два жилья: въ одномъ были двѣ спарухи и двѣ молодыя женщины, а въ другомъ шарикъ *Таіонъ Усага*, коюрый едва ходишь, съ мало-

лѣпнымъ сыномъ и при или чешыре спарухи. Я имъ совѣщоваль поселишься при этой гавани, общая, что въ слѣдующій годъ придешь судно, кошорое будешь искашь ихъ въ оной. Слова мои, кажешся, не были безъ дѣйствія.

Островъ Амчишку можно назвашь одинъ изъ лучшихъ Алеушской гряды. Оный имѣешь около 100 верстъ длины; самая большая широта не превосходишь 10-ти верстъ, а въ NW гораздо уже. Островъ покрышь правую и имѣешь множесство озеръ и болошь; повсюду водишься довольно гусей. Берега ровные и прямые, на коихъ собираешся много выкиднаго лѣсу. На срединѣ берега, по Сѣверной сторонѣ острова, ешь ушесь, изъ кошораго Алеушы привезли мнѣ каменнаго прекраснаго угля, кошорый горишь безъ всякихъ мѣховъ. Около острова ловишься на уду много рыбы: судаки, морские окуни, преска, рямба и другія. Къ величайшему удовольствію плавашелей ешь надежда, что съ голоду здѣсь нельзя умереть. Отъ здѣшняго острова къ N, въ верстахъ 10 или 15, находишься, по рассказамъ Алеушовъ, высокой островъ, кошорой я и видѣлъ. На ономъ водишься множесство крысъ, почему здѣшняя гряда и называешся *Крысья*. За нимъ, чрезъ проливъ, лежишь островъ Кыска, довольно великъ, положеніе имѣющій NS. Въ Юго-восточной часши онаго находишься хорошая и пространная гавань.

Распросясь съ сими добрыми людьми, вышелъ я въ море 10-го Маія и опправился къ оспровамъ *Ближнимъ*, куда при Божіей помощи пришелъ 17-го погожь мѣсяца. Здѣсь нашлась самая покойная гавань; только къ сожалѣнію, селенія при ней не находишься, а ближайшее ошпоишь верстахъ въ 11-ти къ Востоку при заливѣ, гдѣ не только судамъ нѣтъ дикакой присшани,

но и байдарамъ причалишь неудобно. Здѣсь я долженъ былъ просюхать до 27-го Маія, что затрудняло меня перевозкою груза, копорый надлежало ошиправлять моремъ къ ихъ селеньицу, въ 11-ши верстахъ, на кашеръ и потомъ забрать опъ цихъ промыслъ. Я долгомъ посшавляю рекомендовать здѣшняго байдарщика *Соломонна*, копорый съ велкою дѣшельностию приобрѣтаешъ промыслы. Онъ самъ всегда ѣздишь съ Алеушами, руководсшвуешъ ихъ своею опышностию и они весьма довольны его распоряженіями. Мы его уже не зашпали: онъ уѣхаль съ Алеушами на ошрова Семиши, опсюда верстахъ въ 70-ши или болѣе. Я посылаль къ нему байдарку и онъ, съ радостию услышавъ о приходѣ судна, въ шу же минушу со всемъ народомъ собрался въ двухъ байдарахъ и приѣхаль въ гавань. Сказываюшь, что уже чешыре года прошло, какъ они не видали здѣсь ни одного судна, и посему во всѣхъ шоварахъ шерпяшь великой недосшашокъ. Рускихъ здѣсь шолько двое; но одинъ износишь послѣднее свое плашье и рубашки. Иголь, нишокъ, необходимыхъ для промысла виншовокъ, шакже болѣе не было, что и препятсшвовало дальнѣйшему успѣху ихъ промышленности. *Соломонъ* приѣхаль, лшь 9 шому назадъ, съ ошрова Ашхи въ 3-хъ байдарахъ, съ Андреяновскими Алеушами. Одна изъ сихъ байдаръ, по прошесшвіи 2-хъ или 3-хъ лшь, возвратилась обратшо на Ашху, а съ двухъ прочихъ Алеушы шакже просились возвратишься. Но онъ уговориль ихъ пошерпѣшь шолько нынѣшній годъ, обнадеживая, что придетъ судно и снабдишь всѣмъ нужнымъ для ихъ пошребностией, а можешъ бышь и опвезешъ на Ашху. Онъ сказываешъ, что въ первые годы промыслишь 900 бобровъ, копорые и ошиправиль въ Охотскъ съ *Ладыгинимъ* на *Петръ* и *Павль*. Послѣ шого звѣрей сшало очень мало и въ минувшіе 4 года промыслишь

бобровъ только 357, да песцовъ 146. Онъ просилъ у меня позволенія, ѣхать на оспровъ Булдырь, верстъ около 170 по грядѣ къ О. Сей оспровъ не былъ никогда посѣщаемъ и удалившійся оспъ ближнихъ оспрововъ звѣрь долженъ конечно имѣть шамъ приспанище. Сіе общается большой успѣхъ въ промыслѣ; къ осени общался онъ возвратиться назадъ и я охотно изъявилъ ему свое согласіе. Алеушы говорятъ; что когда они сюда пріѣхали съ Андреяновской гряды, то бобровъ было шамъ много, что ихъ били палками; но что они ихъ и половины не промыслили, какъ звѣрь здѣлался гораздо рѣже. Полагаюшъ, что бобры удалились на Булдырь. Алеушы по большей части промышленяють на оспровкахъ, оспъ *Ближнихъ* къ О, какъ-то на *Семигахъ*, на *Кругломъ*. Сей послѣдній не гориситъ; шамъ водися много гусей и другой пшицы, около береговъ звѣри и въ морѣ рыбы. Алеушы иногда и зимуюшъ на *Кругломъ*.

Соломонъ желалъ, чтобъ я взялъ его съ собою, говоря, что онъ Компаніи не долженъ и хочешъ возвратиться на свою родину. Я его, сколько могъ, уговаривалъ, чтобъ онъ пошерпѣлъ еще годъ, пока нѣтъ здѣсь Прависеля, до прибытія коего нельзя оставишь ему сіе мѣсто. „На слѣдующій годъ, говорилъ я, „пришлется сюда Прависель, которой непременно себя вывезешъ и можешъ распорядишься въ вашемъ дѣлѣ.“ — „Такимъ же почно образомъ,“ ошвѣчалъ онъ мнѣ, „Василій Пешровичъ *Пышенковъ* уговорилъ меня здѣсь ошашься.“ Напоследокъ, будучи убѣжденъ моими словами, принужденъ онъ былъ согласишься.

На семь оспровѣ живущъ два народа: Первый сошпочишь изъ природныхъ обисашелей, при которыхъ находится Таіоць Никифоръ *Паньковъ* со всеми Алеу-

шами; у нихъ есть и своя байдара. Они живутъ со-
всѣмъ ошдѣльно ошъ *Соломонна*; сами для себя заго-
павлиють припасы и промышляють звѣрей. Сказы-
ваютьъ, что ихъ собирается не болѣе, какъ на 20 шъ
однолючныхъ байдаръ; промышляють бобровъ и ош-
дають въ Компанію каждаго за три рубля. На выру-
ченныя же деньги покупають пряжу для сншокъ,
вишновки, порохъ, свинець и проч. Они гораздо бѣд-
нѣе Андреяновскихъ и не столько проворны какъ
въ ѣздѣ на байдарахъ, такъ и въ промыслѣ. При
всемъ томъ, нашли мы у нихъ бобровыя шапки
и опушки и пещовыя одѣяла. Я имъ совѣщовалъ
промышлять вмѣстѣ и не дѣлался; ибо опытами
доказано, что это для нихъ вовсе невыгодно и
что для Компаніи они всѣ равны. Другой народъ
есть, какъ выше сказано, пріѣхавшій съ Андреянов-
ской гряды. Съ ними - то на промыселъ ѣздишь
Соломонна; ихъ набирается около 50-ши байдаръ и
они проворнѣе здѣшнихъ жишелей какъ въ сей ѣздѣ,
равно и въ ловлѣ звѣрей. Какъ тошъ, такъ и дру-
гой народъ ѣздяшъ иногда промышлять вмѣстѣ, но
въ шакомъ случаѣ, одни ошдають звѣрей своему Таіопу,
а уже сей *Соломонну*, а другіе свосму байдарщиму.
Сии Алеушы, радуясь о прибытіи нашемъ, дѣлали
пирушки и угощали нашихъ мапросовъ.

22-го Маія жишели обонхъ поколннй, въ прехъ
байдарахъ, пріѣзжали съ ошрова *Круглаго* въ гавань
и съ удивленіемъ смощрѣли на судно, говоря, что
никогда еще не видали столь красиваго. Я увѣрялъ,
что на слѣдующій годъ придетъ опяшъ это судно
и привезешъ все, что для нихъ нужно, чѣмъ они
были очень довольны. Тогожь мѣсяца 27-го числа,
при SO вѣтрѣ, просшился я съ сими добрыми людьми
и ошправился къ *Командорскимъ* ошровамъ.

Широша мѣста сей гавани $52^{\circ} 56' N$; долгоша 173 градуса ошъ Гренвича къ О, Компась склоненія имѣшь 8 градусовъ О. Селенія здѣсь почши никакого нѣшь и гораздо хуже Апхи. Компанейскихъ шолько двѣ юршы, да баня; въ одной изъ первыхъ живушь Рускіе, а въ другой лежишь Компанейской промысль; пушь же, въ своихъ юршахъ, находяшся Алеушы. Сказываюшь, что годъ ошъ году народу спановишся меньше, а особливо природныхъ жипелей; число же Андреяновскихъ переселенцевъ нѣсколько увеличилось.

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Трагедіи: *Федра* (*).

Дѣйствіе второе.

Я В Л Е Н І Е V.

Федра, Энона, Ипполитъ.

Федра, въ отдаленіи *Энона*.

Вошь онъ: вся кровь моя вдругъ къ сердцу при-
снушила

И что ему скажешь, Энона, я забыла.

Энона.

Твой сынъ осиротѣлъ, Царица.

Федра.

Говорятъ,

Что скоро, Государь, ты сей оставишь градъ.

Съ швоею горестью я слезы соединяю;

О сынъ, Государь, молишь себя дерзая.

Нѣтъ у него отца и близокъ грустный срокъ,

Въ кошорой и со мной его разлучишь рокъ.

(*) Изъ новаго, прекраснаго перевода сей Трагедіи, М. Е. Лобанова. Это уже *одиннадцатый* полный переводъ *Федры*. О достоинствѣ его сказано въ No. 271-мъ Рускаго Ивалида.

Въ No. 46-мъ С. О. напечатанъ подробный разборъ онаго, Лишператоромъ, который долго самъ жилъ въ Парижѣ и не одинъ разъ имѣлъ случай видѣть представленіе сей *первой* въ свѣтѣ Трагедіи, на *первомъ* Театрѣ Европы.

Сія Трагедія продается противъ Госпинаго двора, въ домъ, принадлежащемъ Императорской публичной Библиотекѣ, въ кварширъ Переводчика. Цѣна на Любской бумагѣ 5 рублей.

Уже враги къ нему пылають злобой скрытой.
Ты можешь быть одинъ несчастному защитой.
Но тайной скорбію превожится мой духъ:
Не заградила ль я къ мольбамъ его швой слухъ?
Спрашусь, чшобъ къ машери шы ненависть пипая,
Не спалъ бы гнашь его, мнѣ въ сынъ ошомщая.

И п п о л и т ь.

Царица, низкихъ чувствъ чужда душа моя.

Ф е д р а.

Нѣтъ, на вражду швою не съшовала бь я.
Тебѣ вредила я; шы Федру ненавиждьль;
Но сердца моего шы глубины не видѣль.
Къ враждѣ швоей сама я поводъ подала:
Я, я шерпѣшь себя въ Аѣинахъ не могла
И шайцо я съ шобой и явно враждовала;
Хошѣла, чшобъ морей насъ бездна раздѣляла;
Я даже шпрого всѣмъ велѣла запрешить,
И имя здѣсь швое при мнѣ произносишь.
Но коль съ обидою раскаянье сравниаешь,
Коль ненависть ко мнѣ за ненависть пипаешь;
Невинна я въ душѣ: шы Федру пожалѣй,
Всѣхъ менѣе вражды досшойную швоей.

И п п о л и т ь.

Мать счастье свое въ родныхъ лишь дѣшяхъ видишь
И рѣдко первыхъ женъ сыновъ не ненавидишь.
Такъ, подозрѣнія, боязни и вражды
Вшнорого брака суть всегдашніе плоды.
Иная бь, можешь быть, мнѣ болѣе вредила
И болѣе шшокрапъ меня бы огорчила.

Ф е д р а.

Ахъ! Небо, Государь—свидѣтельшвуюсь имъ —
Избавило меня ошъ чувствъ, подобныхъ симъ!
Иное чувство мнѣ душу сокрушаешь!

И п п о л и т ь.

Не время съшовашь, Царица: и кто знаешь?
Бышь можешь, живь еще возлюбленный Тезей:
Рокъ силенъ возврашишь его любви шеей.
Непшунъ, смиришель волнь, благой его хранишель:
Не щещно призовешь безмершнаго родимель.

Ф е д р а.

Никшо не преходиль двукрашно адскихъ рѣкъ
И если зрѣль Тезей подземный шѣней брегъ,
Напрасно льспишься ты, что богъ сей намъ внимаетъ —
И жадный Ахеронъ добычь не возвращаетъ.
Но нѣшь, не умерь онъ; онъ живь въ шебъ — и вдругъ
Мнѣ кажешся, въ шебъ — вновь дышеш мой супругъ:
Съ нимъ вижусь, говорю и сердце . . . Забываюсь;
Въ безумной спрасши я невольно объясняюсь.

И п п о л и т ь.

Я вижу, мой опецъ, сей доблестный Герой,
Мечшаешся шебъ и мершвой, какъ живой;
Исполненная имъ, любовью пламеня . . .

Ф е д р а.

Такъ, Государь, люблю, богошворю Тезея:
Тезей мнѣ миль! — Не шощъ, что въ шаршаръ низхо-
дилъ,

Что тысячи красощ похипиль и пѣнилъ,
Что посягнушь гошовъ на одръ шѣней владыки;
Но вѣрный и молодой, но гордый — даже дикій,
Прелестный, взоры всѣхъ влекущій на себя,
Похожій на боговъ, похожій на шебя.

Тошъ самый спашъ, шощъ взоръ, шощъ голосъ — все
пѣняло;

Такой спыдливостью лице его пылало,

Когда онъ въ Кришь приплыль чрезъ глубины морей,
Досшойный нѣжности Миноя дочерей.

Чшо дѣлалъ ты тогда? Зачѣмъ, зачѣмъ безъ сына
Героевъ Греческихъ имъ собрана дружина?

Зачѣмъ, бывъ младъ еще, съ нимъ въ ладіи одной
Не могъ ты къ намъ приплышь? Ты бѣ собственн^{ой}
рукой

Чудовище сразиль, грозу и ужасъ Криша;

Ты бѣ мрачные проникъ извивы лабиринта.

Сестра моя, чшобъ жизнь драгую сохранишь,

Вручила бы тебѣ спасительную нить.

Нить, я сестру мою въ семъ счастья бѣ упредила;

Мнѣ мысль сію любовь, скорѣ мнѣ бѣ внушила!

Моею помощью, спараніемъ моимъ,

Въ вершепахъ гибельныхъ ты былъ бы невредимъ.

Чего не сдѣлала бѣ для сей главы прекрасной!

Нить не покоила бѣ моей любви спрасшной:

Чшобъ всѣ опасности мнѣ раздѣлишь одной,

Сама пошла бы я одна передъ тобой!

И Федра бѣ въ лабиринтъ съ любезнымъ успремилась,

Погибла бѣ вмѣстѣ съ нимъ иль вмѣстѣ возвратилась!

И п п о л и т ь .

Чшо слышу? Небеса! Или забыла вдругъ,

Чшо мнѣ Тезей отецъ, чшо онъ тебѣ супругъ?

Ф е д р а .

Съ чего же думаешь, чшо я о томъ забыла?

Или я честь свою и славу помрачила?

И п п о л и т ь .

Прости, Царица, мнѣ прости вину мою:

Не такъ я поняль рѣчь невинную твою.

Краснѣя отъ стыда и чувешвуя упреки,

Бѣгу . . . . .

Ф е д р а.

Нѣтъ, понялъ ты, все понялъ ты, жестокий!
Чтобъ разумѣла меня, все высказала я.
Узнай же Федру, знай неистовство ея:
Люблю! Не думай ты, чтобъ страшная шобою,
Казалась правою сама я предъ собою;
Ни чтобы волею въ пылающей крови
Сама пишала я свирѣпый ядъ любви;
Нѣтъ, мщенія небесъ предметъ, увы, несчастной,
Я больше, чѣмъ себѣ, кажусь себѣ ужасной.
Клянусь богами въ шомъ, богами, кои въ кровь
Семейства моего ядъ влили и любовь;
Богами, кои по въ величіе вмѣнили,
Что слабой смершной умъ и сердце обольстили!
Самъ вспомни прошлое: всю жалость изшребя,
Жестокой, изъ Аѳинъ изгнала я себя;
Бышь ненавистною въ глазахъ швоихъ желала,
Чтобъ разлюбишь себя, вражды швоей искала.
Къ чему жъ несчастной мнѣ напрасный шрудъ служилъ?
Чѣмъ я гнуснѣй себѣ, шѣмъ ты милѣй мнѣ былъ.
Печаль швоя себѣ прелестнѣй мнѣ казала;
Я шлѣла опъ огня, опъ слезъ я изсыхала.
Чтобъ въ шомъ увѣришься, довольно глазъ швоихъ,
Когда бъ на мнѣ хоть мигъ остановилъ ты ихъ!
Признаье самое — какихъ свидѣтельствъ боль! —
Уже ль я сдѣлала шеперь по доброй волѣ?
О сынъ я пришла съ слезами умоляшь,
Чтобъ не даль ты его врагамъ шоржешшествовать.
О сердце! О любви неодолима сила!
Лишь о себѣ одномъ себѣ я говорила!
Ошмщай мнѣ за любовь и гнѣвъ свой уполи.
Тезея славный сынъ, съ опеческой земли
Смой шмыдъ — чудовища ужаснѣйшаго кровью!
Вдова Тезеева — горюшъ къ себѣ любовью!

Нѣтъ, нѣтъ; чудовища не долженъ ты щадить!

Вопь сердце: мечь въ него ты долженъ свой вонзить,

Да страшное скорѣй безчестіе сопрется!

Я чувствую, оно само на мечь твой рвется.

Рази: когда жь твоя гнушается рука,

Когда ты думаешь, что казнь сія легка,

Когда не хочешь быть прешупницы убійца; —

Опдай ты мнѣ свой мечь. — —

Геній-Хранитель.

Покинуть въ пустынь младенецъ бродилъ,
Но Геній-Хранитель незримо съ нимъ былъ.

Зной солища полдневный луга опалялъ,
Но Геній-Хранитель его прохлаждалъ.

Тамъ тигръ кровожадный, шамъ левъ проходилъ,
Но Геній-Хранитель младенца укрывъ.

Тамъ змии шипѣли сверкая хребтомъ,
А онъ беззаботно игралъ съ мышьякомъ;

О пернъ ядовитый ноги не кольнулъ,
Резвился и въ миршахъ спокойно уснулъ.

И Геній лелѣлъ младенческій сонъ,
И въ снѣ улыбался хранителю онъ.

Ему въширокъ ошь фіалокъ дышалъ,
Открытый сводъ неба лазурью сіялъ;

Со скалъ водопадъ низвергаясь кишѣлъ
И сладосный финикъ ему золотѣлъ.

Такъ росъ онъ въ пустынь; далекъ ошь людей,
И чистъ былъ — невинной, какъ Ангель, душой.

Арабы лещли на быспрыхъ коняхъ,
Взвѣвая пустыни клубящійся прахъ.

Одинъ лишь примѣшилъ Гассана . . . вскричалъ
И въ мигъ — на порывѣ, коня удержалъ.

Раскрышая роза не сполько мила,
Какъ ошрока юность прелестна была;

Схватилъ онъ Гассана, влечетъ его въ плѣнь,
Съ нимъ къ Шейку въ счастливый спѣшилъ Іемень.

И Шейкъ — величавой плѣнясь красотою,
За юношу ошдалъ сосудъ золотой.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. LI.

П Р О З А.

Выписка изъ путешественнаго Журнала Г. Штурмана Васильева.

(Продолженіе.)

Островъ Ашпа гористой; вершины горъ покрыты снѣгомъ. Онъ имѣетъ одну шельку, съ Сѣверной стороны и въ Сѣверовосточной части острова, гавань; другая хоша и есть на Южной сторонѣ, но она открыта и каменста. Островъ длиною около 100 верстъ и кажется неширокъ; мѣстахъ въ трехъ переносахъ Алеуты съ одной стороны онаго на другую байдарки. Сказываютъ, что ширина простирается не болѣе верстъ 10-ти. Западная часть острова шире. Въ рѣчкѣ находится красная рыба, кошую они заготовляютъ, суша на солнцѣ, на зиму. Изъ земли роютъ корни дикой пепрушки и маркови и шѣмъ кормятся. По рѣдкости пшиць съ удивленіемъ видѣлъ я здѣсь парки (одежды) изъ рыбьей кожи. Впрочемъ оныя носятъ одни шельку шамошніе жишеля.

Саломонъ, изъ присланныхъ къ нему поваровъ, замѣнилъ высокую ихъ цѣну; ибо С*** въ пишесть къ нему изъ Ашхи, чѣмъ ошъ Алеушовъ принималъ бобровъ. Онъ просилъ меня, для прекращенія ропота Алеушовъ, прибавить нѣсколько къ шремъ рублямъ. Я ошвѣчалъ, что не грѣшно будетъ плашить по 5-ти рублей; но что прибавку эту должно предославить Правителю, когда онъ прѣдетъ.

Ошъ сего оспрова, 31-го Маія, при шихомъ О вѣтрѣ подошелъ я SO., къ оконечности оспрова Мѣднаго, имѣя цѣлью, начашъ въ сей странѣ обьискъ 11-ши Россіянъ, высаженныхъ на оный Шшурманомъ *Потаповымъ*, въ 1805-мъ году; въ случаѣ же небышности ихъ на здѣшнихъ оспровахъ, Охошскую Коштору увѣдомишь. Для эшаго, при помянушой SO. оконечности, по развѣшѣ въ 4 часа ушра, высадилъ я на прехъ байдарахъ 5 человекъ Алеушовъ, исправляющихъ мапрозскую должность и двухъ промышленныхъ, давъ имъ писменное наставленіе, провизіи, воды, своихъ два ружья, Компасъ и Каршу. Я приказалъ двумъ байдаркамъ, ѣхать подлѣ SW берега оспрова, а прешей байдаркѣ по SO сторонѣ онаго, подлѣ берега, осмашривашъ и палишь изъ ружей для сигнала; пришомъ, чѣмбы при NW оконечности оспрова намъ соединиться. Засимъ и самъ я пошелъ въ параллель берега, въ вершахъ $1\frac{1}{2}$ и 2-хъ, разсмашривая въ шрубѣ каждое мѣсто. Прошедъ болѣе половины оспрова, послѣ полудня настушилъ шуманъ и я спалъ держашъ далѣ ошъ берега. Пошомъ въ 6-мъ часу вечера, немного прочистилось и я ошашъ поворошилъ къ оспрову, разсмашривая въ шрубѣ. Къ живѣйшему

моему удовольствию, я самъ первой увидѣлъ въ заливѣ спроеньцо, выпалилъ изъ пушки и поднялъ на форшенгъ флагъ; пошомъ продолжая ищи къ берегу, выпалилъ изъ другой, какъ увидѣлъ ѣдущую изъ упомянушаго залива байдару. Я спустился къ оной; а она шихо гребла ко мнѣ и напоследокъ, въ 8-мь часамъ вечера, приспала къ судну. Мы легли въ дрейфъ. На ней прѣхаль байдарщикъ *Шипицынъ* съ шестью человекѣми Рускихъ промышленныхъ, шѣхъ самыхъ, кошорыхъ нужно было ошѣискать. Они перекрестясь сказали: „Слава Богу, есть еще на свѣшѣ люди!“ — Поздоровавшись и узнавши другъ друга, изъявили они намъ свою радость; пошомъ, ошѣ неперѣнїя дѣлали упреки, говоря: „Какъ эшо можно? Семь лѣшъ пропекло и намъ не прислали ни одного судна! Высадя насъ, какъ скошовъ, бросили на пустошомъ островѣ. Не хошимъ болѣе служить, а желаемъ возвратишься въ Охопскъ. Возмише насъ на судно!“ — Извольше, если хошите, (сказалъ я). Переѣзжайше скорѣе; я ошвезу васъ въ Охопскъ. Но знайте, что нѣшѣ Правшеля, кошорый бы въ вашемъ дѣлѣ могъ распорядишься; ипакъ, если вы не имѣете охопы оставашься, шо подайте бумагу въ шомъ, что вы по своей волѣ возвращаетесь.“ Поспешенно прошелъ первый ропощ и они, къ удивленію моему, одинъ послѣ другаго, согласились еще на годъ ошпашься. Только одинъ изъ нихъ, кошораго *Лодыгинъ* сюда привезъ, по болѣзни просился, чтобы его вывезли. На мѣсто его выискался охопникъ изъ судовыхъ машросовъ, кошораго я и поручилъ байдарщику, а ошѣ него взялъ помянушаго больнаго.

По увѣренію сихъ людей, на здѣшнемъ островѣ звѣря спало очень мало; они промыслили шолько около 1800 морскихъ коповъ, двѣ съ половиною тысячи голубыхъ песцовъ, да 15 бобровъ. Жалуются на прежнія Компаніи, копорья приспавали къ острову и нещадно и безъ разбора губили какъ молодыхъ звѣрей, пакъ и самцовъ и машокъ. (Знающій промышленный никогда не ударитъ сихъ послѣднихъ въ огонь, а всегда надсмаприваетъ за ними и бережеть, чшобъ не ушиблись.) Опъ сего-то нынѣ и спало звѣря очень мало. — Сіи люди просили меня, чшобъ привезенный нами грузъ и ихъ собственность перевезши на островъ Беринговъ, гдѣ они при года назадъ были и промыслили 600 песцовъ. При семъ промыслѣ, для караула, оставили они одного чшловѣка, обѣщаясь къ нему на другой годъ пріѣхать; но прошло шри года и — они не бывали. За то нынѣшній годъ хотѣли они опправиться на Беринговъ островъ, для ловли песцовъ, которыхъ, сказываютъ, премножество. Я звалъ ихъ съ собою на судно, дабы перевезши на ономъ; но они опказались, предсшавляя, чшо имъ надобно еще съѣздишь къ Южной оконечности сего острова на свое жильѣ и забрашь шамъ свои вещи, а пошомъ уже опправляясь на Беринговъ островъ на байдарѣ. Я принужденъ былъ согласиться на ихъ желаніе. Пошомъ спали они возишь промышленныхъ ими звѣрей. На упрѣ, 1-го Іюня, видя зашрудненіе въ перевозкѣ оныхъ и не хотя опустить благопріятсшвуюющей погоды, взошелъ я къ нимъ въ гавань и къ самому селенію. Тамъ, забравъ весь ихъ промыселъ, опправили они со мною товарища своего *Чернопивова*, копорый могъ бы опъ

судоваго прикащика во время дороги принять слѣдующую къ нимъ поварной грузъ и провіантъ. По малому количеству отпускаемаго провіанта, оставилъ я имъ своего пять мѣшковъ, которые они и приняли съ радостію.

Забравъ все, что они просили перевезши на Беринговъ островъ, также находившуюся у нихъ новую 8-ми-весельную байдару и опасаясь, чтобы въ здѣшней гавани не захватилъ N вѣтръ, кошорому она открыта, на другой день же, съ жалостію простились мы съ сими соотечественниками и пожелали имъ впредь скорѣе дожидаться судовъ, нежели какъ нынѣ случилось. Они просили, чтобы я ихъ не позабылъ и посѣтилъ самъ. Такимъ образомъ въ 7-мъ часу вечера, при ихъ пособіи, вышелъ я въ море, направивъ къ NW, чтобы обойти около N оконечности острова Берингова съ Востока.

Байдарщикъ *Шипицынъ*, высокой, здоровой мужчина, болѣе уже 20-ти лѣтъ находился въ путешествіяхъ; усердіе его къ Компаніи отличное. Онъ по крайней мѣрѣ претъ помянушаго промысла, проптиву всехъ поварихей, промыслилъ самъ съ женою. Онъ мнѣ показывалъ свою книгу, изъ кошорой видно, что иной промыслишь въ годъ 800 коповъ, а въ пощъ же годъ другой не добудешь и двухъ сощъ. „Много (говорилъ онъ) потерпѣлъ я, отъ ихъ буйства и непослушанія, разныхъ обидъ и наглостей, а особливо въ послѣдніе годы. Напримѣръ нужно послать на работу; но они нейдущъ, говоря: „Дай намъ рубашекъ, хлѣба!“ Я, сколько могъ, ихъ уговаривалъ и обнадеживалъ, что можешь бышь придешь судно и привезешь имъ

все нужное. Напослѣдокъ малая часпъ привезеннаго Г. *Поталовымъ* провіанша и шоваровъ вся вышла; ропощъ и неудовольствіе умножились; можешъ бышь они посягнули бы на мою жизнь, если бы меня не боялись. Во мнѣ 20 пудъ вѣсу и необыкновенная моя сила имъ извѣсна; за эшо-шо они меня и уважали. Яковъ Елифановичъ, при опшравленіи насъ, накрѣпко заказалъ, чшобъ изъ промысла въ свою пользу ни одной шерстинки звѣря не употребляшь. Посему-шо плашье наше и обувь вся изнасилась и мы спали хуже нищихъ. Если же оставишь промысль, по все нужно было думать о своемъ пропитаніи. Суровосшь климаша, глубокіе зимой снѣги и спужа засшавляющъ помышляшь объ одеждѣ. Напослѣдокъ, всѣ единогласно присшупили просишь меня, чшобъ я имъ позволилъ, изъ ихъ промысла употребишь что-нибудь на свою одежду. Я принужденъ былъ согласишься и шогда они вдругъ нашили себѣ кошовыхъ парокъ и фуфакъ, а счисшивъ шерсшь и выдѣлавъ лавшакъ, (кошовую кожу), надѣлали брюкъ, рубашекъ, наволочекъ на посшели, одѣялъ и словомъ всего, чего шолько нужда шребовала. Горла или шеи звѣрей служили имъ для шорбасовъ; сивучьи лавшаки выдѣланы были для обуви, песцы употреблены на полушубки и словомъ все здѣлано, что умъ человекъ въ нуждѣ можешъ придумашъ. Мы рѣдкой день, когда соберемся за шоль, не говорили о суднѣ и о своей учашпи. Въ ушѣшеніе иногда начинали споришь: какое придешь къ намъ судно? Мы были высажены съ одномачшоваго (*Константина*); пошому и говорили, что одномачшовое придешь, а другіе спорили, что

двухмачшовое, что шеперь, къ счастью нашему, и сбылось. Мы разные имѣли сужденія и напоследокъ единогласно заключили, что Компанія болѣе не существуетъ, а другіе въ промышленность перейдутъ; почему мы бѣдные и брошены на семь пустомъ острову, безъ всякаго посѣщенія и сожалѣнія. Мы думали выѣхать въ Камчатку, но не имѣли Каршы. (Нынѣ я имъ оставилъ свою собственную.) Мы не знали, сколь она далеко и боясь увеличить свое бѣдствіе, рѣшились еще подождать нынѣшнюю весну, а лѣтомъ перѣѣхать вѣсьма на Беринговъ островъ и тамъ уже поселиться. Всего болѣе понуждалъ оставилъ здѣшній островъ недоставокъ въ звѣряхъ и въ съѣстныхъ припасахъ; чтожь касается до Берингова, то тамъ довольно звѣря, рыбы, пшеницы, яицъ, коренья и всего, что нужно для пропитанія. Самой островъ и климатъ гораздо лучше Мѣдновскаго. Мы каждое Воскресенье и праздничный день собирались на молишву; двое изъ насъ, знающіе грамоту, читали Часы; только не имѣли Свящцовъ и никогда не знали, какаго было Свящаго.“ (Тѣмъ удивительнѣе, что время счисленія у нихъ пришло съ нашимъ вѣрно.) Я далъ имъ свои Свящцы и оставилъ, по ихъ просьбѣ, сколько нашлось, восковыхъ свѣчъ, ладону и всего, чѣмъ могъ сямъ людямъ служить. Многіе изъ нихъ вздумали учиться грамотѣ, а особливо байдарщикъ *Щипицынъ*, которій уже нѣсколько и выучился. Посему спросили они меня: нѣсть ли еще какихъ духовныхъ книгъ и Азбукъ; я имъ, какія у меня нашлись, ошдалъ и они за сіе выше всѣхъ подарковъ благодарили.—Къ моему удивленію, нашель я у нихъ скрив-

покъ до пяши и шочно сполько же ешь игроковъ! Когда оппустилъ я Команду на берегъ въ баню; шо такая пляска и Музыка у нихъ открылась! Сіе тѣмъ замѣчательнѣе, что водки у нихъ не было. Я спрашиваю: всегда ли они шакъ весело жили? „И башюшка! эшимъ шолько иногда и прогоняли скучное время.“ Дѣйствительно можешъ бышь опъ сего я ихъ и нашель всѣхъ здоровыхъ. Умеръ шолько одинъ, кошорый идучи на песцовый промыселъ весною и спускаясь съ горы, поскользнулся, упалъ навзничъ и ушибся. Байдарщикъ *Щипицынъ* имѣетъ при себѣ жену Рускую и троихъ опъ нея дѣшей; двоихъ она родила на здѣшнемъ оспровѣ, а шрешью дочь привезли изъ Охотска.

Оспровъ Мѣдной состоишь изъ хребта высокнхъ горъ, а особливо въ NW части; къ морю утесистъ, а по берегу имѣетъ много непропусковъ. По наблюденіямъ въ гавани при селеніи, широта мѣста 54. 46. 56. N; Компась склоненія имѣетъ $10\frac{1}{2}$ градусовъ. Восточное вызвышеніе воды фушовъ около 5-ши. О долгошъ мѣста наблюденій учинишь не удалось. Положеніе его NWtN и SOtS. NW SO. Лѣсу никакого не расшетъ, но по берегамъ выкиднаго довольно. Вся промышленность состоишь въ копахъ и голубыхъ песцахъ; здѣсь хошь ихъ не сполько, какъ на Беринговомъ оспровѣ, но за шо превосходяшь они доброшою, цѣшомъ, мягкостію и густошою шерешю. Бобры хошь и ешь; но ихъ немного. За шо они самыя лучшіе; шолько ихъ промышляшь было нечѣмъ, пошому что у нихъ не нашлось ни сѣпокъ, ни виншювокъ. Сказывающъ о мѣдной рудѣ, въ NW оконечности

находящейся въ одной горѣ. Мнѣ хотѣлось было посмотретьшь оную; но какъ она верстахъ въ 10 или 15-ти была отъ гавани къ NW, то за скоростію не удалось туда съѣздить. У байдарщика хотя и былъ кусокъ оной мѣди, въ кулакъ величиною; но она найдена на оконечности острова, при шамошнемъ селеніи.—По ушесамъ множество пшицъ, а особливо аръ, которыя несутъ яйца и выводятъ дѣшей; есть также ушки, чайки, большіе кулики, попорки, а по острову много куропашокъ. На морѣ ловятся палтосы, преска и множество другой морской рыбы, по большой части неподалеку отъ берега.

(Окончаніе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣснь Іудеи.

Прославьте въ гусяхъ вы Егову!
 Воспойте Господу пѣснь нову!
 Превозносите всѣ въ шимпанахъ вы Его!
 Хвалише Господа и Бога моего!

*

Свяшья Саваоа длани
 Судьбой разполагающъ брани.
 Господь опщевъ моихъ мнѣ пушь мой указалъ
 И изъ руки меня враговъ моихъ изьялъ.

*

Пришелъ Асуръ опъ горъ полночныхъ,
 Пришелъ во шмахъ и силахъ мочныхъ;
 Попоки водные полками заградилъ
 И конницей своей хребшы холмовъ покрылъ.

*

„Опустошу враговъ предѣлы,
 (Въщаешъ люшый сопоспашъ);
 Моихъ Ассирцевъ грозны спрѣлы
 Твоихъ, Іаковъ! сгубяшъ чадъ.
 Внесу въ ихъ дома мечъ и пламень,
 Цвѣшущихъ юношей испню,
 Младенцевъ разшибу о камень
 И дѣвъ Израиля плѣню!“—

*

Господь Егова Вседержитель,
 Невинныхъ крѣпкій покровишель,
 Гордыни буйной рогъ сломилъ рукой жены!.....
 Не шлемоносные Іакова сыны,

*

Не ужасъ брапей, великаны,
 И не могучіе Тишаны
 Спасли Израиля, враговъ его сразивъ;
 Но дщерь Мерарина, младая Іудеи!

*

Ея сандаля и уборы
Прельстили Олоферна взоры;
Какъ ядъ во грудь ему ея влилася рѣчь —
И лютому врагу прошелъ сквозь выю мечъ!

*

И Персъ и Мидянинъ смутились
И, дрогнувъ, въ бѣгство обратились;
И острые мечи Израиля сыновъ
Въ хребты бодали ихъ, враждебныхъ бѣглецовъ.

*

И гдѣ, грозившіе Триспашы? . . . . .
Погибли злые сопоспашы
Опъ ополченія Царя и Бога силь, —
И мой языкъ хвалу Еговъ возгласилъ!

*

Тебѣ, о Господи! кто равенъ?
Ты дивенъ въ крѣпости и славень;
Ты въ свѣтъ преобразилъ единымъ словомъ нму.
Противушпанешъ кто глаголу Твоему?

*

Речешъ — и горы вѣковыя,
Какъ хляби зыблюшя морскія,
И камни опъ Твоихъ разгнѣванныхъ очей
Разшаюшъ, яко воскъ опъ солнечныхъ лучей.

*

Прославше въ гусяхъ вы Егову!
Воспойте Господу пѣснь нову!
Превозносите всё въ шимпанахъ вы Его!
Хвалише Господа и Бога моего! —

Обави

Б а я н ъ.

(Отрывокъ изъ большой Поэмы.)

(Посвященъ А. А. В--ой.)

Не спонешъ долъ ошъ шопоша коней,
Не брызжешъ кровь ошъ Рускаго удара;
По берегу Дуная, близъ огней,
Лежашъ бойцы — смиришели Болгара.
Тамъ юноша, сорапникъ ихъ мечей,
Исполненный божественнаго дара,
Плѣняешъ слухъ дружины удалой
Военныхъ струнъ волшебною игрой.

Баянъ поешъ могучихъ праошцовъ,
Ихъ смѣлый нравъ, ихъ бурныя сраженья
И силу рукъ, не знающихъ оковъ
И быспрошу ихъ пламеннаго мщенья;
Какъ звукъ щита, и рашнымъ и вождямъ
Оспрадна пѣснь любимца вдохновенья:
Ихъ взоръ горюшъ, ихъ мысль блуждаешъ шамъ,
Гдѣ билась рашъ ошважнаго Олега,
Гдѣ Игоревъ булашъ шоржешествовалъ
И гордый Грекъ блѣднѣлъ и шрепешалъ,
Послыша громъ Славенскаго набѣга.

Баянъ воспѣлъ минувшихъ лѣшъ дѣла;
Баянъ умолкъ; — но рашъ еще внимаешъ.
Такъ плавашеть, когда ночная мгла
Лазуръ небесъ и море зашпилаешъ,
Еще глядишъ на сумрачный закашъ,
Гдѣ скрылося великое свѣшило;
Такъ сладостно разставшемуся съ милой
Издайска еще зриашъ назадъ!

Луна плывесть въ спокойныхъ небесахъ,
Молчишь Дунай, чернѣешь лѣсъ дремучій
И шѣнь его, какъ шѣнь широкой тучи,
Мрачна лежишь на стихнувшихъ водахъ.

Пѣснь Баяна.

О ночь, о ночь! Леши стрѣлой!
Несносенъ ошдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ бишвы роковой.
О ночь, о ночь! Леши стрѣлой
Несносенъ ошдыхъ Святославу!

Цимискій! Крѣпокъ ли швой щипъ?
Не шонки ль кованыя лапы?

Нашъ Князь убійственнo разишь.

Цимискій! крѣпокъ ли швой щипъ,
Не шонки ль кованыя лапы?

Дружинѣ борзыхъ дай коней:

Не шо мечи ее нагоняшь —

И не ускачешъ ошъ мечей!

Дружинѣ борзыхъ дай коней;

Не шо мечи ее нагоняшь!

Ты рашъ обширную привель;

Не много насъ, — но мы Славяне:

Ударъ нашъ мѣшокъ и шяжель.

Ты рашъ обширную привель

Не много насъ, — но мы Славяне!

О ночь, о ночь! Леши стрѣлой!

Поля ошкройшесь для побѣды!

Проснися, ужась боевой!

О ночь, о ночь! Леши стрѣлой!

Поля ошкройшесь для побѣды!

Какой пѣвецъ любви не воспѣвалъ?
Какой Баянъ, плѣненный красою,
Мечты бойца съ прекрасною мечшою
О родинѣ и милой не сливалъ?
Двойной огонь въ душѣ пѣвца младаго,
Когда поешъ онъ дѣву и войну;
Такъ двѣ струи Дуная голубаго
Блескаятъ живѣй, сливаясь въ одну!

Пѣснь Баяна.

Бойцы садятся на коней;
Баяна дѣва обнимаешь,
Она молчишь, она вздыхаешь
И слезы градомъ изъ очей.
„Прощай, прощай! Иду на битву,
Люби меня, моя краса!
Молись: услышатъ Небеса
Твою невинную молишву.“
„Щипа, врученнаго шобой,
Булашь врага не перерубишь;
Тебя Пѣвецъ швой не разлюбишь
И не измѣнишь душой!“
Они разспались. Пыль густая
Поля покрыла, какъ шумань.
Враги! Вамъ полно ждашь Славянъ!
Вамъ полно спашъ, берега Дуная!
Взошла денница, вспыхнуль бой,
Дрожишь широкая долина.
О Грекъ! Спрашна швоя судьбина:
Ты не ворошишья домой!

Валясь всадники и кони,
Дробясь Греческій булашь
И палъ ужасный сопоспашъ
При шумъ дерзосной погони!

Баянь опцамъ не измѣнилъ
На полъ гибели и чеспи:
Могучій врагъ ударомъ мести
Его щита не сокрушилъ.

Гордыня сильнаго смирилась,
Ему не праздновашъ войны —
И спалъ побѣдная въ ножны
По вражьей крови опустилась.

И рашъ на родину пришла:
Баяна дѣва обнимаешь,
Оспрадно грудь ея вздыхаетъ
И дѣвы радостъ ожила!

Не спалъ въ груди Улада шрепешала,
Не дикій огонь сверкаль въ его очахъ;
Онъ зналъ любовь: душа его пишала
Ея восшоргъ, ея безвѣстный спрахъ.
Онъ швой, онъ швой, прелешная Сіяна!
Ты помнишь ли его злашые дни,
Когда лѣсовъ ошеческихъ въ шѣни
Ласкала шы влюбленнаго Баяна?
Ты помнишь ли, какъ бросивъ мечъ и щипъ,
Презрѣвъ войны высокія награды,
Онъ пѣлъ швой божешвенные взгляды
И красошу засшѣнчивыхъ ланишъ?
Ты помнишь ли, какъ пѣснь его внимаю,
Молчала шы; но — какъ любовь молчишъ?

То свѣжь и чистъ, какъ роза молодая,
Твое лице румянецъ оживляя ;
То вспыхивалъ швой взоръ, шо угасалъ,
Какъ въ облакъ зарница золошая.
Баянь Усладь любви не измѣняль:
Съ чужихъ полей, гдѣ рыщешъ ужась бишвы,
Къ шебъ его надежды и мечпы
И за шебя сердечныя молишвы !
Онъ всюду швой ; а шы, вѣрна ли шы ?

Н. Языковъ.

Дерпшь,
12-го Декабря, 1823.

Печашашъ позволяешся: Января 4-го дня, 1824 года.
Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. LII.

П Р О З А.

Выписка изъ путешественнаго Журнала Г. Штурмана Васильева.

(Окончаніе.)

Ввечеру, при SSW брамсельномъ вѣтрѣ, продолжали курсъ W и шли узла по $1\frac{1}{2}$ въ часъ. 3-го Іюня, на разсвѣтѣ, увидѣли оспровъ Беринговъ SO, оконечность на STW. Я думалъ было пройши проливомъ и около SW спороны оспрова искашь оспавленнаго съ промысломъ байдарщикомъ *Щипицынымъ*, промышленнаго Якова *Манькова*; но SW вѣтрѣ принудилъ меня взять старую мысль, ипши около N спороны оспрова Берингова. Почему въ 9 часовъ и перемѣнилъ курсъ на WNW, а попомъ на NW. Въ полдень имѣлъ широту мѣста $55^{\circ} 5' N$ — NW, оконечность Берингова NW $38^{\circ} 30'$, егожь SO-я SO. $26^{\circ} 30'$. Мы шли отъ береговъ въ двухъ верстахъ; а послѣ, по полудни, прошивной вѣтрѣ принудилъ лавировать. Опсправивъ съ судна подлѣ берега байдарку, приказалъ я ипши и осматривать: не найдушъ ли гдѣ оспавленнаго челоувка, шакже примѣчать, есть ли по берегамъ звѣрь и ипшь ли судовыхъ выкидовъ? Прошивной вѣтрѣ продолжался до 6-го числа.

5-го Июня въспрѣ опть SW брамсельный шпихъ, небо почти безоблачное. Послѣ полудня, находились въ N оспрова; идучи гальсомъ къ берегу, выпалилъ изъ пушки. Вскорѣ прѣѣхала посланная прешьяго дня байдарка; они, ночевавъ двѣ ночи, объѣхали Восточную и Сѣверную сторону оспрова. Сказываютъ, что людей и судовыхъ выкидовъ не видали; были въ одной Юршѣ, гдѣ, по замѣчаніямъ прошлаго года жили люди (надобно думать, что оставленный *Щпицынымъ* человекъ); до гавани жъ, гдѣ промысель, не доѣзжали, бобровъ и кошовъ не видали, ищиць мало, а видѣли множество песцовъ. Въ рѣчкѣ находилась красная рыба; на NW части оспрова премоножество нерпы и сивучей. Они привезли до 10 молодыхъ сивучаць, кошорыхъ Команда употребляла въ пищу съ охотою. Я ихъ, въ 7-мъ часу вечера, отправилъ обратно на берегъ и приказалъ, чтообъ они объѣхали Западный мысъ здѣшняго оспрова и шли въ гавань, гдѣ находится промысель. Сегодня, въ полдень, имѣлъ широту мѣста $55^{\circ} 29' 37''$ N, оспрова Берингова N мысъ SW $18' 30''$, егожь N или NW SO $54^{\circ} 00'$.

6 Июня, въ полдень, имѣли широту мѣста $55^{\circ} 22' 43''$ N, Сѣверный мысъ оспрова Берингова на SO $88^{\circ} 00'$, а Западный на SO $30^{\circ} 00'$, оспровокъ Яишной на SO. $27^{\circ} 00'$. Получивъ благополучный опть N въспрѣ, пошелъ я на SSO; въ половинѣ 3-го часа прошли мысъ W въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ; глубина была 12 сажень, грунтъ каменный. Въ 4 часа прошли вправѣ довольно высокой оспровокъ, называемой промышленными *Яишной*; въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ привели на OTS. Въ 6 часовъ прошли влѣвъ подводный камень, кошорый полною водою покрывается. Въ 1-й верстѣ выпалилъ еще изъ 3-хъ пушекъ и поднялъ на форшентъ флагъ; пошомъ, по показанію

взявшихъ съ острова Мѣднаго промышленныхъ, гдѣ находилась ихъ юрша, осмащриваль я въ шрубу и въ 8-мъ часу къ НО увидѣль на берегу челоуѣка, спавящаго лѣсь, что онъ и дѣлаль для показанія себя нашему судну, чтобы мы скорѣ могли его видѣть. Я сей часъ приказаль спустить другую байдарку и послаль за нимъ; а самъ при ОНО, свѣжемъ вѣтрѣ, сплаль лавироваль къ сему мѣсту. Въ 9-мъ часу привезли помянушаго челоуѣка, кошорой вошедъ на судно, долго не могъ ничего говорить; попомъ, по показанію другихъ, подошелъ ко мнѣ, поздоровался и первыя рѣчи были его: „Слава Богу, что Онъ до меня милосшивъ. Я уже думаль, что со всѣмъ брошень!“ — Попомъ, увидѣвъ своихъ шоварищей съ Мѣднаго острова, сплаль ихъ укоряшь, что они ему оспавили худой шопоръ и не дали огнива, жалуясь на свою судьбу, опъ кошорой оу не рѣдко горько плакиваль. Надобно было загошовляшь себѣ припасы и одежду; нужда заспавила его изъ гвоздя, кошорой случайно нашелся, сдѣлаль крючокъ и имъ шпскашь идущую рѣкою въ озеро рыбу. Попомъ надобно было подумаль и объ огнѣ, кошораго досталь совершенно было нечѣмъ. „Я жилъ нѣсколько времени (продолжалъ онъ) не варивъ пици и безъ шепла; напоследокъ, пришло мнѣ на умъ, что у меня еспъ бришва. Я сей часъ приискаль камешекъ и досталь огонь. Какъ былъ я эшому радъ! Когда при эшомъ мѣстѣ пици спало недоспашочно; по принужденъ былъ на другой годъ перейши на другую сторону острова и жить при шамощней рѣчкѣ. Тупъ прожилъ я до минувшей зимы; возвратился опяшь на прежнее свое мѣсто, гдѣ нашель оставленный въ юршѣ промысель, попорченный песцами. Я уже объ ономъ и не жалѣль, а думаль шолько о спасеніи своемъ. Пришелъ я зимою; юрша была завалена снѣгомъ; шорбасы, кошорые были на ногахъ,

износились и я пришел босикомъ. Огня, который былъ нужнѣ всего, достать скоро не могъ. Тупъ я горько плакалъ, будучи оставленъ всею свѣшомъ и чувствуя, что никто не сострадаетъ жалкому моему соспоянiю. Въ такомъ положенiи прожилъ я нѣсколько времени; думалъ о своихъ поварищахъ, которыя обѣщались на другой годъ прѣхать, но и по сіе время не бывали. Я воображалъ, что они, ѣдучи чрезъ проливъ на байдарѣ, поповули или что было у нихъ худое судно, которое ихъ увезло, а меня оставили здѣсь. Много приходило въ голову разныхъ мыслей, которыя только успокаивалъ молитвою. „Помошь спросилъ онъ насъ: не правда ли, что сегодня вшорникъ? а между тѣмъ былъ четвершокъ. Когда же спросили его, которое число; то онъ отвѣчалъ, что давно уже пошерялъ счисленіе мѣсячное и просилъ у меня Свяшцовъ и восковыхъ свѣчъ; но какъ ни того ни другаго не было, то и удовлетворишь его было нечѣмъ. Я сказалъ ему, что байдарщику *Щипицыну* оставилъ, онъ котораго онъ можетъ и пользовашься. Онъ, кажется, эшимъ былъ доволенъ. Я спросилъ: не видалъ ли онъ какихъ судовъ на морѣ или выкидовъ по берегу? Онъ отвѣчалъ, что судовъ не видалъ, а судовую доску въ прошедшую зиму выкинуло, которую очень и берегъ у юрпы. Мнѣ хотѣлось ее посмопрѣшь; а потому и должно было наказашъ мапросамъ, которыя отвозили грузъ, чтобъ ее привезши. Но они о томъ позабыли, а впрочемъ и не знаю, онъ какого она судна. „Если бы (говорили мы) пришло непріятельское судно, то они бы шебя взяли на судно со всею швоимъ промысломъ?“, Онъ отвѣчалъ: „А мнѣ что промысль! Пускай они его возьмушь, только чтобъ меня не оставили, а взяли съ собою.“— „А сколько ты промыслилъ въ шри года?“—

„Въ первой годъ (опивчалъ онъ) 80 песцовъ, а во вшорой и прешій по 50-ти.“

Сей промышленный былъ также въ кожаномъ плащѣ, какъ и на Мѣдномъ; парка кошовая и вся изношена, какъ и все плашье; волоса склокочены, одна борода бриша; говоришь въ носъ, чего, шоварищи его сказываютъ, съ нимъ прежде не было. Я изъ любопытства спросилъ: „Опъ чего шы въ носъ говоришь?“ — „Право не знаю.“ Пошомъ спросилъ я его: „Не случилось ли шебъ еще чего нибудь?“ — „Нъшь! ничего, кромъ скуки и недоспашка.“ Часно взглядывалъ онъ на небо и благодарилъ Бога, что Онъ благоволилъ ему дождашься судна.

Къ ночи лавировали мы въ заливъ за оспровъ Топорковъ, гдѣ, по шемшю и за неудобшвомъ крейсировашъ на глубинѣ 12-ли сажень и мѣлкокаменномъ груншъ, убравъ паруса легли на якорь, спустили байдару и спали свозишь весь грузъ, принадлежащій на здѣшній оспровъ, а съ берегу на судно промышленныхъ.

Юня 7-го былъ день шихій и солнечный, копорый намъ благопріятшвовалъ свозишь грузъ на берегъ и взяшь опшуда промыселя. Послѣ полудня были уже мы гошовы къ оппышю. Высадили *Чернопшова*, копорыхъ съ шоварищемъ спало двое; а можешъ бышь сегоднѣ или завшра пріѣдушъ и шоварищи ихъ на байдаръ. Ошавивъ имъ байдару, проспились съ ними и пожелаши имъ жишь согласіе, слушашься своего байдарщика и не скучашъ о суднѣ, а дожидашъся онаго, какъ можно скорѣе.

Сегоднѣ по ушру, въ 8-мъ часу, пріѣхала опъ Ноконечности посыланная прешьяго дня байдара, кошо-

рая къ селенію прежде насъ припши не успѣла и принуждена была на берегу ночевать. Привезла много наспрѣ-
лянныхъ *уриловъ*, копорыя вѣсомъ около 30 фуншовъ. Я послалъ ее на оспровъ Яишной для свѣжей провизіи; они чрезъ нѣсколько часовъ привезли полную байдору ари-
ныхъ яицъ, и молоденькихъ сивучашъ до шести. Сказыва-
юшъ, что весь оспровъ и ушесъ, (что я видѣлъ и самъ въ
шрубѣ, проходя мимо), покрытъ пшицами, копорыя назы-
ваются ары и въ то время сидѣли на своихъ ядцахъ. На
низменности оспрова и на ошянувшемся измен-
номъ камнѣ околѣ оспровка, во множествѣ находились
сивучи.

Въ 7 часовъ вечера, получивъ опъ О брамсельный
вѣшрѣ, снялся я съ якоря и пошелъ къ Охотскому
Поршу. Со здѣшняго оспрова взято 760 песцовъ. —
По наблюденіямъ широта мѣсна, гдѣ судно на якорѣ
спояло, $55^{\circ} 12' 17''$ N; долготѣ опъ Гренвича къ О
 $166^{\circ} 9' 15''$; еклоненіе Компаса $9^{\circ} 40'$ O; по Реомюрову
Термомешру шенлошы было въ полдень 10 граду-
совъ.

Оспровъ Беринговъ положеніе свое имѣетъ NW и SO,
шакже какъ и Мѣдной; въ SO части гористъ и имѣетъ
высокія горы, покрышыя снѣгомъ. Со стороны NW
низмень и болѣе, нежели съ половины оспрова, идешъ
ровное, къ NW оконечности спускающееся мѣстополо-
женіе. Сѣверная его оконечность на Картѣ Г. *Сарычева*,
въ широтѣ и долготѣ, очень хорошо опредѣлена. Я
бралъ шамъ много разстояній и всѣ наблюденія оказа-
лись сходны. Лѣсу никакого не росшетъ, кромѣ шаль-
нику и малаго количества рябины; за то выкиднаго по
берегу очень много. Главный предметъ промышленно-

ещи составляють песцы. Ихъ нынѣ такъ умножилось, что всѣ часни острова ими наполнены. Голубые песцы смѣшались съ бѣлыми, кошорыхъ, какъ сказываютъ, прежде здѣсь не было. Теперь иные выходящъ ни голубые, ни бѣлые. Живописны сіи лающъ по собачьи. Ихъ промышляютъ осенью, когда онѣ имѣютъ лучшую шерсть, посредствомъ такъ называемыхъ капкановъ. Сказываютъ, что не успеетъ промышленникъ выцупъ песца и ошойши, какъ другой, въ то время споявшій вдали, приходитъ къ западнѣ и попадетъ въ оную. Звѣри сіи любящъ все кусать и поршинъ: едва приспанетъ байдарка къ берегу и часовой ошойдетъ хоть не надолго, какъ они проѣдаютъ лавшакъ или грызущъ ремни и проч. Песцы ошогнали пшицу, кошорая не шолько чтобъ уже несши яицы и выводитъ дѣшей, но и выходитъ на берегъ боится; они вездѣ ее ловящъ или пугающъ и шаскаютъ изъ гнѣздъ лица. Песцы, гдѣ бы шолько вздумали, лепящъ по ушесамъ и часто обрываясь ушибающъ до смерти. Около острова нерпы и сивучи водящъ во множествѣ; сказываютъ, что ещъ бобровыя норы, а можетъ бытъ найдущъ и морскіе кошы. На островѣ много курошпакъ. На островахъ *Топорковъ* и *Яишномъ*, гдѣ итъ песцовъ, водитъ множество пшицъ. На первомъ, кошорый и получилъ онѣ сего свое названіе, находящъ шпорки опшмѣннаго опѣ другихъ рода: черныя, но шолько съ двумя длинными желшыми хохлами; лица ихъ бѣлыя, величиною съ гусишныя, но съ краснымъ желшкомъ. Пшицы сіи живутъ и выводящъ дѣшей въ земляныхъ норахъ. Чайки, ушки и проч. находящъ шакже въ изобиліи. На Яишномъ множество аръ, кошорыя несущъ яица и выводящъ дѣшей на ушесахъ.

16-го Іюня прошель я четвёртымъ Курильскимъ проливомъ, а 23-го пришель къ Охошскому Порту. Здѣсь нашель я густой, по всему пространству моря ледъ, кошорый меня и удерживаль до 25-го Іюня. Наконецъ сего числа, при Божіей помощи, прошель я сквозь ледъ и всшупиль въ рѣку. (*)

(*) Любопытная сія сташья сообщена ошь почтеннаго *В. Н. Берга*. — *Пзд.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ память береста (*).

Здѣсь берестъ древній, величавый,
Тягча береговой ушесь,
Спояль, какъ Пашріархъ древесъ;
Краса онъ былъ и честь дубравы,
Надъ коєю чело вознесъ!

*

Перуномъ, бурей пощаженный,
Вѣками онъ свой вѣкъ счислялъ;
Но бодрость важную казалъ
И вѣшви распроспря зелены,
Весь берегъ шѣнью ушилаъ.

*

Ахъ! Сколько крашъ въ дни лѣшня зноя,
Гнѣшомый скукой иль поской,
Пришедь подъ сводъ его гусшой,
Я сладкаго искалъ покоя —
И сладкій находилъ покой.

*

Ошъ бури, ошъ дождя, ошъ града
Онъ былъ надежный мнѣ покровъ:
Въ шѣни, гдѣ сплалася прохлада,
Подъ нимъ коверъ мнѣ былъ гошовъ.

*

(*) Одна изъ *лебединыхъ* пѣсней незабвеннаго Поэша.

Тамъ, въ часъ священныхъ вдохновеній,
Внимашъ я гласу Музы мнилъ;
Мечшой себя шакъ часпо льсшилъ,
Чшо Флакка добродушный Геній
Надъ головой моею парилъ.

Мечшы шо были; — но мечшами
Не всѣ ль злашяшся наши дни?
Въ гостепріимной шакъ шѣни,
Подъ кровомъ бересша, часами
Мнѣ предшавлялися они.

Казалось, дряхлосшью согбенна
Меня онъ — шарца — преживешъ;
И въ кругъ многихъ, многихъ льшъ,
Ошъ своего чела взнесена
Надъ правнуками шѣнь проспreshъ.

Но Псѣль, ескопленными шпруями,
Когда весенній шаялъ сшѣгъ,
Усиля свой упорный бшгъ,
Межъ переплешными корнями
Подъ берешомъ смываешъ брегъ.

„Ужъ берешъ клонишся на воду,
Подрывши брега крушизну;
Ужъ смошришъ въ мрачну глубину
И скоро, въ бурну непогоду,
Вверхъ корнемъ ринулся бъ ко дну.“

„Главой въ рѣку бѣ онъ погрузился
И съ иломъ шамъ сгуспя песокъ,
Свободный воспяшилъ бы шокъ;
Объ вѣшьвибъ легкій чолнъ разбился!“ — —
Пришелъ и швой, о берешъ! рокъ.

У корня ужъ лежишь сѣкира! —
О скорбь! — Но чѣмъ перемѣнишь? —
Злой рокъ рѣшилъ шебя истнишь,
Тебя, невинный жишель міра,
И мнѣ швоимъ убійцей бышь!

Проспижъ, прямой мой покровишель,
Теперь — лишъ жалосши предмешъ!
Просши — и мой ужъ часъ грядешъ:
Твой гощъ, невольный швой губишель,
Тебя не долго преживешъ.

Но рокъ насъ не разлучишь вѣчно:
Ты часто мнѣ дарилъ покой;
Въ шебѣжъ — и прахъ почиешъ мой.
Скончавъ пушь жизни скорошечной,
Покроюся — швоей доской!

Василій Капнисть.

Къ N. N.

(Въ день ея рожденія.)

Пусть опкровенный Вашъ Поэпъ,
Поэпъ внимашельный, предъ Вами,
Разскажетъ скромными сшихами:
Зачѣмъ Вы родились на свѣпъ?

*

Тогда Вы очень малы были,
И попому не мудрено,
Чшо Вы уже давнымъ давно
Вашъ первый выходъ позабыли.

*

Но я развѣдываль о шомъ
И Вамъ я донесу правдиво,
Чшо разъ Амуру, какъ на диво,
Къ намъ завернушь пришлошь шайкомъ.

*

Тошъ разъ, сударыня, безспорно
Жешпокимъ не былъ Купидонъ,
Зашѣмъ, чшо прослезился онъ,
Узрѣвъ нашъ мѣръ печально-взорной!

*

Онъ проклиналъ свой груспный пушь,
Хошѣлъ оспавить мѣръ досадной;
Но вдругъ — взглянувъ на насъ опрадно —
Сказаль: „Помочь имъ какъ пибудь!“

*

„Я дѣву — милос шворенье,
Красу и шѣломъ и душой,
Произведу моею рукой,
Несчастнымъ людямъ въ утѣшенье!“

*

„Пошлю огонь ея очамъ,
Успамъ улыбку и лобзанье,
Небрежнымъ кудрямъ волнованье
И сладость шайную рѣчамъ.“

*

„Пошлю и крошость ей и жалость,
И беззаботность дѣшкихъ лѣтъ,
Чтобъ ей по сердцу былъ весь свѣтъ,
Чтобы ея плѣняла малость.“

*

„Чтобъ волю давъ своимъ мечтамъ,
И старъ и младъ свои печали
При ней невольно забывали. . . . .,
Сказалъ — и Вы явились къ намъ!

*

Приспѣло Ваше назначенье!
И дочь *умной головы*,
Какъ Вашъ родитель, всюду Вы,
Дарите радость или мученье.

*

Всѣ души покоривъ давно,
Ввели Вы цѣпи Ваши въ Моду,
И Вамъ же ихъ бранишь свободу
Оставить было не грѣшно.

*

Но такъ и бышь! Пльнйше смѣло!
Играйше нами въ добрый часъ;
А чпобъ любишь и славйшь Васъ —
Давно мы знаемъ — наше дѣло!

В. Туманскій.

1822.

Пѣснь Баяна,

при началѣ войны.

Война! Война! Прощай, Сіяна!
Бойцы шумящъ, бойцы идушъ;
Они поварища Баяна
Въ спрану далекую зовущъ;

*

Туда, гдѣ бранные пожары
Дуная волны озаряшъ,
Гдѣ смертоносные удары
О шлемы Грековъ зазвѣняшъ.

*

Съ врагомъ сражаяся, какъ дѣды,
Рукой и сердцемъ Славянинъ,
Я наши спрану пѣшъ побѣды
И смѣлостъ Князя и дружинъ.

*

И швой Балъ, пируя славу,
Подъ мѣдью лашъ дыша шбой!...
Тамъ повшорю я Свяшославу,
Чшо пѣлъ Сіянъ молодой.

*

Умолкнешъ буря босвая,
Войдешъ въ ножны булашъ бойца
И дѣва, сердцемъ оживая,
Обнимешъ вѣрнаго Пѣвца.

Н. Языковъ.

Дерптъ, 11-го Ноября.

С о н е т ь

Княгиня С***, при посылкѣ *Полярной звезды*.

Во всёхъ спранахъ, гдѣ Музы обитали,
Поэзіи несплѣнные цвѣтши
Съ усердіемъ Поэшы возлагали
На жершвенникъ любви и красомы.

*

И если ихъ улыбкою вѣчали
Волшебницы, всесильныя, какъ Ты;
То съ истиной сливались мечшы
И нову пѣснь цѣвницы издавали.

*

Въ родной спранѣ ешь шакже ликъ Пѣвцовъ
И Сѣверу не чужды вдохновенья:
Взгляни жъ на ихъ изящныя шворенья
И въ дань прими Парнасскихъ пукъ цвѣшовъ!
Твой лесшный взоръ дороже всёхъ вѣнцовъ
И новыя возбудишь пѣсношья!

К.

28-го Декабря, 1823.

К о н е ц ь 6 - й к н и ж к и .

Печашашъ позволешся: Января 8-го дня, 1824 года.
Цензоръ А. Бируковъ.